

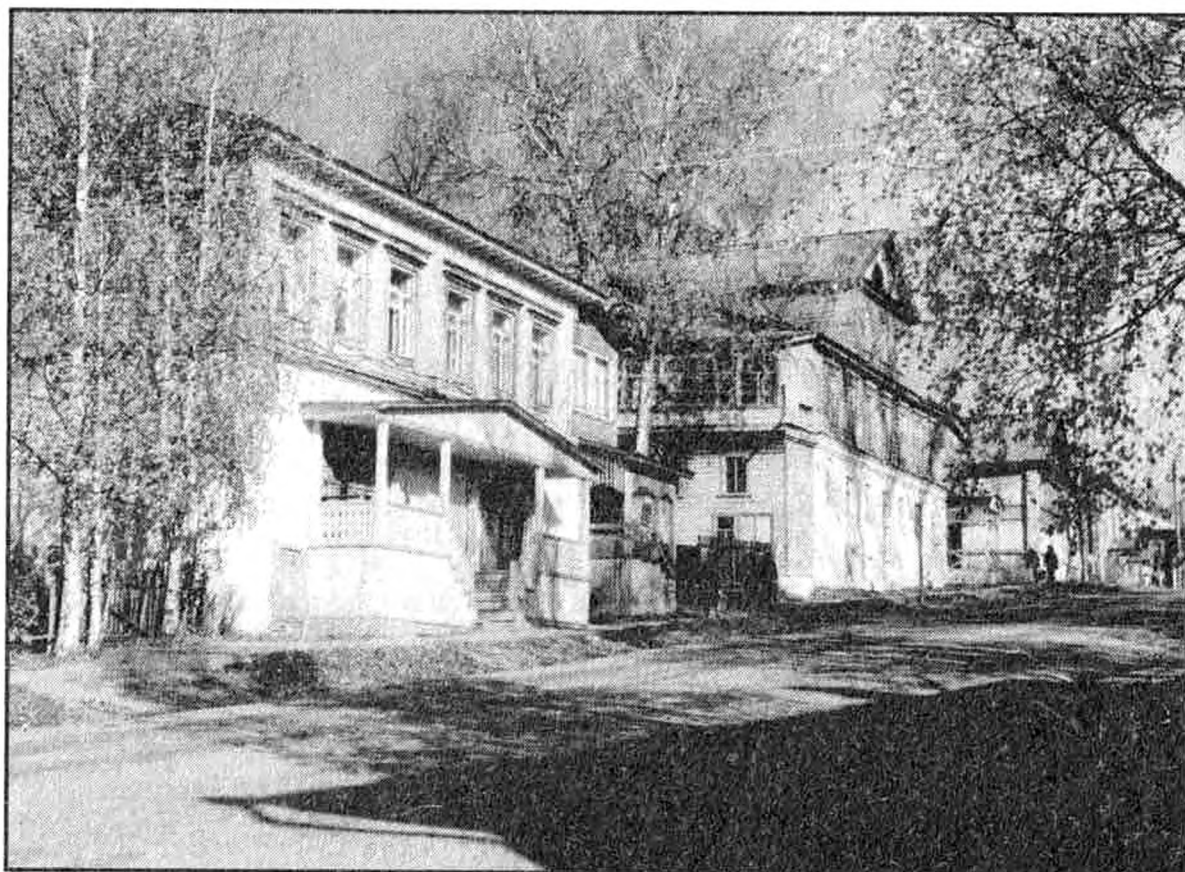
В.А. ШПАНЧЕНКО

ПУТЕШЕСТВИЕ
В КОЛОГРИВ

Владимир Шпанченко

ПУТЕШЕСТВИЕ В КОЛОГРИВ

Кострома
2003

Автор благодарит за содействие в издании книги Главу администрации Кологривского района Костромской области **Игоря Тарасовича Шевченко** и заместителя директора ФГУИПП «Кострома» **Виктора Викторовича Зайцева**.

Окруженный бескрайними, порой непроходимыми лесами, в которых всегда преобладали боры и еловые массивы с обилием разнообразнейшей фауны, стоит небольшой зеленый городок Кологрив. Рядом струит свои прозрачные и быстрые воды река Унжа. Плывущие в синеве неба кучевые облака бросают тени на заунженские луга, покрытые ярко-сочным разнотравьем.

Когда кологривчанин, живущий вдали от родных мест, вспоминает все эти картины, глаза его всегда наполняются грустью, а то и тоской по этому милому и уютному городку, овеянному преданиями и тайнами, - хочется домой.

Да и не только кологривчане, а все, кто хоть раз побывал в городке на Унже, всегда с большой симпатией вспоминают о нем и мечтают побывать здесь вновь.

И вот появилась книга о Кологриве.

Автор пишет о знакомом нам городе, о его людях, об окрестностях, открывает неизвестные страницы истории. Обо всем этом пишется живо и увлекательно. Теперь частица кологривской истории, запечатленные на фотографиях уголки нашего города и его окрестностей, портреты выдающихся людей, связанных с нашим краем, интереснейшие легенды всегда будут рядом с нами, стоит лишь протянуть руку к книжной полке и полистать страницы.

И. Шевченко,
Глава администрации
Кологривского района
Костромской области.

По дороге в Кологрив

За многие годы работы в областной газете, на радио и телевидении я побывал практически во всех уголках костромской земли. Встречались мне потрясающие, удивительные места – Лубяны на Немде, Хмельничное на Юрьевецком разливе, на родине Ивана Сусанина – перечислить могу много населенных пунктов, но, пожалуй, самые живописнейшие ландшафты, встретившиеся мне в моих странствиях по области, конечно же были в кологривских краях – это чистые боры-беломошники, верховые болота, песчаные косы на реке, сиреневые озера кипрея на обширных вырубках, незабываемые виды Северных увалов из окна автобуса или зеленого вагончика узкоколейки, ну и конечно же, свои прелести у тихого, уютного городка Кологрива, которые никогда не забудешь, особенно, если побываешь тут в летние месяцы.

От Костромы до Кологрива каждый день ходит комфортабельный рейсовый автобус, который отправляется из областного центра в полдень, а прибывает в пункт назначения уже в девятом часу вечера. Хотя дорога и превосходная (легковые машины летят под 120-150 километров) однако ехать 360 километров на общественном транспорте довольно утомительно, тем более, если окружающий мир совершенно незнаком. Поэтому я и попытаюсь рассказать о тех достопримечательностях, мимо которых турист будет проезжать по пути в Кологрив.

Итак, выехав из областного центра, мы увидим очень скоро на дороге столб с табличкой: «Кирово». Вдалеке видна деревенька и старый липовый парк. До революции здесь была усадьба Зиновьево.

Четверть века назад работая в районной газете «Волжская новь», я много ходил пешком от деревни к деревне и однажды, идя лугами где-то под Никольским, случайно наткнулся на одинокую надгробную плиту из черного гранита. Она лежала в зарослях орешника. Неподалеку я увидел несколько зеленых бугров, малинник, стайки фруктовых деревьев и остатки кирпичного фундамента - видно, была когда-то церковь и, наверное, рядом стояла деревенька. Я остановился у надгробия. Надгробная плита была мне

П.Я. Корнилов.

чуть ли не по пояс. С торца надпись: «Здесь покоится прах супруги генерал-лейтенанта Марии Федоровны Корниловой рожденной Аристовой, скончавшейся 1825 года 16 июля на 40 году от рождения». А сбоку можно было прочесть эпитафию: «Ты мне была нежнейшим другом, примером кротости и дружбы образцом. Я был счастливейшим супругом...»

В ту пору имя генерал-лейтенанта Корнилова, а уж тем более его супруги мне ничего не говорило. В соседней деревеньке из пяти домов от знакомого тракториста узнал, что гранитная

плита прежде лежала у церкви над склепом. Там, по-видимому, была усыпальница Корниловых. Когда церковь разрушили, то плиту с помощью трактора и троса сволокли в ближайший кустарник. В склепе же местная деревенская детвора учинила погром, гробы вскрыли, останки повыкидывали - искали золото, серебро и холодное оружие. Говорят, кое-что нашли.

Но это было уже давно, в середине века. С тех пор бывший погост, остатки церкви и склепа заросли бурьяном и луговыми травами, а надгробная гранитная плита служила для забав парней: наверх ставили железные консервные банки и затем расстреливали их из охотничьих ружей. Для всей округи генерал-лейтенант был всего лишь «царским генералом» и владельцем усадьбы в нынешней деревне Кирово.

Заглянув в энциклопедические справочники, я узнал, что Петр Яковлевич Корнилов из своей шестидесятилетней жизни, по крайней мере, сорок лет провел в военных походах и сражениях. Перечисление битв, в которых он участвовал, займет много места. Достаточно сказать, что А.В. Суворов после перехода через Альпы сказал о своем соратнике: «Корнилов показал опыты блистательной храбрости». Во время Отечественной войны 1812 года Петр Яковлевич командовал егерской бригадой. При переходе французской армии через Березину сделал попытку захватить в плен Наполеона, отличился в боях под Буценом, Лейпцигом, Сен-Десил, был награжден многочисленными орденами, а также золотой, украшенной алмазами шпагой с надписью «За храбрость» (не ее ли искали деревенские ребята в склепе?).

Он умер во время войны с Турцией, пройдя со своими полками Молдавию и Валахию.

Похоронили генерал-лейтенанта П.Я. Корнилова в Бухаресте. На надгробной плите можно увидеть дату: «10 июля 1828 года». Он пережил жену всего на три года и ушел из мира также в середине июля.

Хотя рождением он был из Псковской губернии, но большую часть жизни между войнами прожил в Костроме на улице Ильинской (Чайковского, 11) и в усадьбе Зиновьево (ныне Кирово), это имение он получил в качестве приданого жены М.Ф. Аристовой.

Трое из сыновей Петра Яковлевича были военными. Аркадий был убит на Кавказе, Евгений - на Крымской войне. Павел воевал вместе с отцом в турецкую кампанию, вышел в отставку, был управляющим удельной конторой Костромской губернии и похоронен в фамильном склепе в селе Введенском рядом с матерью. Его имя часто упоминается в краеведческой литературе в связи с тем, что он был мужем поэтессы Анны Ивановны Готовцевой, чьи стихи публиковались в альманахе «Северные цветы» за 1829 год. Она посвящала стихи А. Пушкину, он ей тоже в стихах отвечал. А.П. Вяземский, пленясь ее красотой, написал стансы «Анне Ивановне Готовцевой»:

Благоуханием души
И прелестью подобно розе,
И без поэзии и в прозе
Вы достоверно хороши...

Анну Ивановну похоронили в селе Карабанове под Костромой, рядом с храмом (она умерла 17 июля 1871 года). Но склеп постигла та же самая участь, что и склеп в Введенском. Мраморное надгробие поэтессы и ее сына трактор так же с помощью троса оттащил на задворки. В храме сделали склад, хранили зерно. И только в середине 90-х годов надгробия были положены на могилы. Летом этого года я приехал в Карабаново вместе с праправнучкой П.Я. Корнилова Галиной Ивановной Корниловой, учительницей одной из московских школ. Она много рассказывала мне о судьбе своего рода, об обществе потомков героев Отечественной войны 1812 года, которое она возглавляет, показала мне тетрадь со стихами Анны Готовцевой, прочитала многие стихотворения наизусть, стоя у мраморного надгробия, на котором лежал букетик полевых цветов.

Храм теперь действует. В нем ведет службу отец Георгий, в миру Ю.М. Эндельштейн, много сделавший для восстановления церкви, для создания культа русских усадеб, а их в этих местах было более десятка.

Однако вернемся в Зиновьево, то есть в нынешнее Кирово. В конце восьмидесятых годов к этой усадьбе неожиданно проявился повышенный интерес (о роде Корниловых было опубликовано в газетах несколько

корреспонденции) со стороны властей и некоторых организаций. Надгробную плиту привезли в деревню Кирова. Геофизики на свои средства сделали бронзовый барельеф героя Отечественной войны 1812 года П.Я. Корнилова. Почистили старинный парк и пруд (когда-то здесь был каскад прудов). В торжественной обстановке открыли в парке (от усадьбы почти ничего не осталось) мемориальный барельеф на постаменте. Надгробная плита, цветочная клумба, скамейки...

Пять лет я не был после этого здесь. Приехал и не узнал мемориального места: возле изрезанных ножом скамеечек земля была черной от кострищ, вокруг лежали вилки, бутылки, банки из-под пива, полиэтиленовые пакеты, пустые коробки из-под сигарет, бронзовый бюст генерал-лейтенанта П.Я. Корнилова, сподвижника А. Суворова и М. Кутузова, валялся в траве...

Четверть века назад работая в районной газете «Волжская новь», я много ходил пешком от деревни к деревне и однажды, идя лугами где-то под Никольским, случайно наткнулся на одинокую надгробную плиту из черного гранита. Она лежала в зарослях орешника. Неподалеку я увидел несколько зеленых бугров, малинник, стайки фруктовых деревьев и остатки кирпичного фундамента - видно, была когда-то церковь и, наверное, рядом стояла деревенька. Я остановился у надгробия. Надгробная плита была мне чуть ли не по пояс. С торца надпись: «Здесь покоится прах супруги генерал-лейтенанта Марии Федоровны Корниловой рожденной Аристовой, скончавшейся 1825 года 16 июля на 40 году от рождения». А сбоку можно было прочесть эпитафию: «Ты мне была нежнейшим другом, примером кротости и дружбы образцом. Я был счастливейшим супругом...»

В ту пору имя генерал-лейтенанта Корнилова, а уж тем более его супруги мне ничего не говорило. В соседней деревеньке из пяти домов от знакомого тракториста узнал, что гранитная плита прежде лежала у церкви над склепом. Там, по-видимому, была усыпальница Корниловых. Когда церковь разрушили, то плиту с помощью трактора и троса сволокли в ближайший кустарник. В склепе же местная деревенская детвора учинила погром, гробы вскрыли, останки повыкидывали - искали золото, серебро и холодное оружие. Говорят, кое-что нашли.

Но это было уже давно, в середине века. С тех пор бывший погост, остатки церкви и склепа заросли бурьяном и луговыми травами, а надгробная гранитная плита служила для забав парней: наверх

ставили железные консервные банки и затем расстреливали их из охотничьих ружей. Для всей округи генерал-лейтенант был всего лишь «царским генералом» и владельцем усадьбы в нынешней деревне Кирово.

Заглянув в энциклопедические справочники, я узнал, что Петр Яковлевич Корнилов из своей шестидесятилетней жизни, по крайней мере, сорок лет провел в военных походах и сражениях. Перечисление битв, в которых он участвовал, займет много места. Достаточно сказать, что А.В. Суворов после перехода через Альпы сказал о своем соратнике: «Корнилов показал опыты блистательной храбрости». Во время Отечественной войны 1812 года Петр Яковлевич командовал егерской бригадой. При переходе французской армии через Березину сделал попытку захватить в плен Наполеона, отличился в боях под Буценом, Лейпцигом, Сен-Десил, был награжден многочисленными орденами, а также золотой, украшенной алмазами шпагой с надписью «За храбрость» (не ее ли искали деревенские ребята в склепе?). Он умер во время войны с Турцией, пройдя со своими полками Молдавию и Валахию.

Похоронили генерал-лейтенанта П.Я. Корнилова в Бухаресте. На надгробной плите можно увидеть дату: «10 июля 1828 года». Он пережил жену всего на три года и ушел из мира также в середине июля.

Хотя рождением он был из Псковской губернии, но большую часть жизни между войнами прожил в Костроме на улице Ильинской (Чайковского, 11) и в усадьбе Зиновьево (ныне Кирово), это имение он получил в качестве приданого жены М.Ф. Аристовой.

Трое из сыновей Петра Яковлевича были военными. Аркадий был убит на Кавказе, Евгений - на Крымской войне. Павел воевал вместе с отцом в турецкую кампанию, вышел в отставку, был управляющим удельной конторой Костромской губернии и похоронен в фамильном склепе в селе Введенском рядом с матерью. Его имя часто упоминается в краеведческой литературе в связи с тем, что он был мужем поэтессы Анны Ивановны Готовцевой, чьи стихи публиковались в альманахе «Северные цветы» за 1829 год. Она посвящала стихи А. Пушкину, он ей тоже в стихах отвечал. А.П. Вяземский, пленясь ее красотой, написал стансы «Анне Ивановне Готовцевой»:

Благоуханием души
И прелестью подобно розе,
И без поэзии и в прозе
Вы достоверно хороши...

Анну Ивановну похоронили в селе Карабанове под Костромой, рядом с храмом (она умерла 17 июля 1871 года). Но склеп постигла та же самая участь, что и склеп в Введенском. Мраморное надгробие поэтессы и ее сына трактор так же с помощью троса оттащил на задворки. В храме сделали склад, хранили зерно. И только в середине 90-х годов надгробия были положены на могилы. Летом этого года я приехал в Карабаново вместе с праправнучкой П.Я. Корнилова Галиной Ивановной Корниловой, учительницей одной из московских школ. Она много рассказывала мне о судьбе своего рода, об обществе потомков героев Отечественной войны 1812 года, которое она возглавляет, показала мне тетрадь со стихами Анны Готовцевой, прочитала многие стихотворения наизусть, стоя у мраморного надгробия, на котором лежал букетик полевых цветов.

Храм теперь действует. В нем ведет службу отец Георгий, в миру Ю.М. Эндельштейн, много сделавший для восстановления церкви, для создания культа русских усадеб, а их в этих местах было более десятка.

Однако вернемся в Зиновьево, то есть в нынешнее Кирово. В конце восьмидесятых годов к этой усадьбе неожиданно проявился повышенный интерес (о роде Корниловых было опубликовано в газетах несколько корреспонденции) со стороны властей и некоторых организаций. Надгробную плиту привезли в деревню Кирово. Геофизики на свои средства сделали бронзовый барельеф героя Отечественной войны 1812 года П.Я. Корнилова. Почистили старинный парк и пруд (когда-то здесь был каскад прудов). В торжественной обстановке открыли в парке (от усадьбы почти ничего не осталось) мемориальный барельеф на постаменте. Надгробная плита, цветочная клумба, скамейки...

Пять лет я не был после этого здесь. Приехал и не узнал мемориального места: возле изрезанных ножом скамеечек земля была черной от кострищ, вокруг лежали вилки, бутылки, банки из-под пива, полиэтиленовые пакеты, пустые коробки из-под сигарет, бронзовый бюст генерал-лейтенанта П.Я. Корнилова, сподвижника А. Суворова и М. Кутузова, валялся в траве...

В Белом зале бывшего Дворянского собрания шел концерт. В первом ряду сидела вдова великого князя Владимира Кирилловича Романова - Леонида Георгиевна. Она живо реагировала на выступления певцов, а в перерыве с удовольствием общалась с костромичами. Улыбка не сходила с

ее лица. Мне уже доводилось говорить с ней прежде, но тут в большом сверкающем зале, где в 1913 году император Николай II пил шампанское за благополучие милых его сердцу костромичей, я поинтересовался у Леониды Георгиевны:

- Всем известны имена двух спасителей царей: Ивана Сусанина и Осипа Комиссарова, спасшего императора Александра II от выстрела террориста. Но был еще один костромич, который спас от смерти великого князя Кирилла Владимировича, ставшего после революции и убийства царской семьи претендентом на престол и главой династии Романовых, - отца вашего покойного супруга.

Леонида Георгиевна была удивлена и тут же спросила, где и когда это произошло и кто этот человек?

Когда я ей рассказал, она слегка прищурила свои черные глаза, будто вспоминая о чем-то, и затем радостно закивала головой:

- Да-да, у нас дома говорили об этом случае, но то, что спасителем был костромич, я не знала...

Ну а теперь все по порядку. Однажды был в командировке в деревне Клеванцово Островского района, и местный учитель рассказывал мне о достопримечательностях своего села (в первую очередь об усадьбе Высоково, где молодой Б. Кустодиев познакомился с Юлией Прошинской, которая затем стала его женой) и как бы вскользь заметил, что в Клеванцове жил и умер мичман с броненосца «Петропавловск» Яковлев - один из немногих офицеров, оставшихся в живых после гибели корабля на рейде Порт-Артура.

Судьба мичмана Яковлева меня заинтересовала. Дома достал из шкафа подшивку журнала «Нива» за 1904 год и стал листать. Может быть, встретится эта фамилия? Чуть ли не на каждой странице фотографии с театра войны. Вот встречаются экипажи «Варяга» и «Корейца» в Одессе. Вот на весь разворот журнала (а у него формат современного «Огонька») снимок улыбающихся

*В.Д. Яковлев, флаг-офицер
адмирала С.О. Макарова.*

офицеров и матросов броненосца «Петропавловск», сделанный прямо на палубе за день или два до гибели корабля. А на следующих страницах уже портреты погибших. Их много. Адмирал С.О. Макаров со своим штабом, художник В. Верещагин, офицеры. Утонуло 628 матросов и несколько десятков офицеров. Фотографии мичмана Яковлева в журнале нет. Но на странице 315 вдруг читаю: «По словам спасшегося мичмана Яковлева, «Петропавловск» потонул необычайно быстро: Яковлев, находившийся на мостике, едва успел подумать о спасении, как почувствовал, как мостик погрузился в воду. Все, стоявшие на другой стороне мостика, в том числе и С.О. Макаров, погибли». Далее приводятся свидетельства еще нескольких очевидцев катастрофы, рассказывается о великом князе Кирилле Владимировиче, который оказался в числе спасенных.

В момент взрыва на «Петропавловске» великий князь Кирилл Владимирович стоял на капитанском мостике, недалеко от адмирала Макарова. Контуженный, он сумел все же выбраться на правый борт, но все равно погрузился с кораблем в пучину. Его брат Борис Кириллович стоял в эти минуты на берегу и видел в бинокль, как гибнет флагманский корабль. Огромная воронка втянула в себя большое количество барахтающихся в холодной воде людей. Выплыли наверх единицы. Среди выплывших были мичман Яковлев и Кирилл Владимирович.

В двадцатых годах, когда Василий Дмитриевич Яковлев работал уже в Клеванцове, с ним был дружен наш известный краевед А.А. Григоров. И когда я спросил однажды, не рассказывал ли ему мичман о гибели «Петропавловска», то Александр Александрович положил передо мной лист бумаги, исписанный аккуратным каллиграфическим почерком. Это были воспоминания В.Д. Яковлева. Я быстро пробежал текст. Вот он: «Я стоял на левом крыле мостика, следил за неприятелем и не слышал в первый момент взрыва. Вдруг меня подкинуло, несколько раз перевернуло в воздухе, и я упал на тот же самый мостик. Броненосец в это время сильно кренился на правый борт, и на мостике можно было удержаться с большим трудом. Я схватился за поручень. Внизу висел катер, и я увидел, как матросы бежали к нему вместе с Дукельским (Георгий Дукельский - старший флаг-офицер - был спасен, но через несколько дней умер в порт-артурском госпитале от ожогов). В этот момент я понял, что на броненосце произошел взрыв, но не думал, что так быстро все кончится. Вдруг откуда-то выбросило огонь, и меня окутал удушливый дым пироксилина. Огромную трубу корабля выворотило, исковеркало и бросило за борт. Что было потом, не помню. Очнулся в холодной воде. Я был в теплом ватном пальто, плыть в нем было неудобно. Да я и не плыл, а сделал всего лишь несколько взмахов руками.

Стремительный поток увлек меня и других людей вниз, в пучину. Я напряг все силы и вылетел наверх, среди деревянных обломков корабля. Ухватившись за решетку парового котла, я закричал, призывая на помощь. Неподалеку увидел плавающих великого князя и Шмидта.

В двадцати сажнях от меня уходила вниз корма «Петропавловска». Левый винт еще работал. У меня начали коченеть руки. Рядом плыл ящик для сигнальных флажков, и я ухватился за него, не выпуская из другой руки решетки. Среди обломков я видел головы плывущих людей. Но они прямо на глазах уходили под воду. Адмирала Макарова в воде я уже не видел. Скоро меня и других, оставшихся в живых моряков, вытащили на вельбот с «Гайдамака». Мы были совсем окоченевшие. Еще бы минута-две, и все было бы кончено».

Василий Дмитриевич немало рассказывал своему другу о событиях того трагического дня. Но только однажды проговорился:

- Когда я всплыл на поверхность, то увидел в метре от себя бледное мокрое лицо великого князя. Глаза его от ужаса округлились. Он хватал ртом воздух и медленно погружался. Я бросился к нему, поддержал, хотя самого уже силы оставляли...

Владимир Шмидт (родной брат известного Петра Шмидта - руководителя революционного Черноморского флота в 1905 году) плыл к нам, толкая впереди себя деревянную решетку от парового котла. Мы вытащили на нее великого князя, а сами остались на плаву, стали звать на помощь, крича, что с нами Кирилл Владимирович...

Разночтения между сказанным вслух и написанным заключаются в том, что время было жестокое, а по отношению к дворянам - особенно. Инстинкт самосохранения заставлял человека менять даже свое местоположение в роковой день. Однако и это не спасало.

В то трагическое утро спаслось всего лишь 62 матроса и 7 офицеров из экипажа корабля. В горячке ожидавшегося боя русские моряки позабыли о замеченных ночью подозрительных силуэтах каких-то судов неподалеку от Порт-Артура. В 9 часов 43 минуты «Петропавловск» наткнулся на японскую мину. От минного взрыва детонировал весь боевой запас корабля. Потом взорвались паровые котлы. Через две минуты корабль скрылся под водой. Через несколько лет японцы спустились на дно в этом месте. Броненосец лежал на глубине 50 метров. Кормовая часть его хорошо сохранилась. Водолазы нашли останки русских матросов и офицеров. В одной из кают лежал скелет начальника штаба Макарова контр-адмирала М.П. Молоса. При нем были найдены бумажник, визитные карточки и портсигар. На пальце - золотое обручальное кольцо с именем жены покойного. Все эти вещи были потом через посольство переданы жене адмирала.

Останков же Степана Осиповича Макарова так и не удалось обнаружить (один из свидетелей пишет в «Ниве», что видел адмирала после второго взрыва лежащим в крови на мостике). Очевидно, потом его смыло водой. Японские водолазы искали судовую кассу в денежном ящике, но так и не нашли. А останки погибших были переданы приехавшему в Порт-Артур бывшему командиру броненосца Н.М. Яковлеву (однофамильцу Василия Дмитриевича), спасшемуся в то роковое утро, и потом захоронены в городе.

Какова была потом судьба великого князя Кирилла Владимировича? Его нога с тех пор не ступала больше ни на один корабль. Он не мог побороть в себе психическую травму, полученную на «Петропавловске». Осенью 1905 года он женился на своей двоюродной сестре Виктории Мелите, в которую был безумно влюблен. Ради великого князя она развелась с мужем, имея от последнего двоих детей. Императорская семья была шокирована поведением Кирилла Владимировича. Царь лишил его всех чинов и наград. Но через несколько лет простил ему все и примирился, дав ему должность начальника военно-морской части Петербургского гарнизона.

После революции он оказался во Франции. И здесь принял титулы «блюстителю российского престола» и «великий государь всероссийский». Он скончался во Франции в 1938 году, и все его титулы унаследовал его сын Владимир, которому шел тогда 21-й год. Через десять лет он женился на грузинской княжне Леониде Георгиевне (ее первый муж, американский еврей, погиб в фашистском концлагере, у них была дочь Хелен). В 1953 году у них родилась дочь Мария. (Костромичи видели ее не один раз.) А у нее от брака с принцем Францем-Вильгельмом Прусским родился сын Георгий, нынешний наследник российского престола. Он тоже бывал в Костроме.

А какова судьба В.Д. Яковлева? В русско-японскую войну ему было двадцать два года. Это был смелый и решительный человек. Ведь известно, что адмирал Макаров любил моряков отважных, грамотных и исполнительных. Этими качествами характера обладал молодой флаг-офицер Яковлев. Впоследствии он стал капитаном второго ранга. После Октябрьской революции он заведовал матросским отделом Главного морского штаба. А потом вернулся на родину в Островский район. (Здесь, в усадьбе Панброво, он родился.) Работал он продавцом в магазине в Клеванцове. Зимой 1938 года его арестовали и повезли на допрос в Островское. Ночью в камере НКВД он умер от разрыва сердца.

У каждого спасителя царей российских своя судьба. Судьбу Ивана Сусанина мы знаем. О нем пишут книги и оперы. Ему ставят памятники. Бывшего крестьянина Буйского уезда Осипа Ивановича Комиссарова возвели в дворянское звание. Ему также присвоили звание почетного

гражданина города Костромы. А вот капитан второго ранга русского флота Василий Дмитриевич Яковлев умер в камере НКВД, на ледяном полу, среди грязного тряпья и соломы. Но род Яковлевых продолжается. У него было четверо детей. Двое - Андрей и Никита - погибли на фронтах Отечественной войны, третий сын - Александр - стал капитаном дальнего плавания...

Манит на дороге табличка: «Щельково - 28 км». Хочется поехать. А вот райцентр Кадый можно пролететь на машине мимо и не заметить, настолько он сер и невыразителен. Но не следует оставлять его без внимания. Например, именно здесь я узнал некоторые черты жизни и творчества художника Б. Кустодиева и историю одной его картины, написанной в этих местах.

Был по делам в дальней кадыйской деревеньке. Вечером смотрел в клубе спектакль, который показывал народный театр, приехавший из райцентра. Спектакль был принят тепло, после постановки деревенские женщины угощали самодеятельных артистов чаем с булками, ягодами (ужинали прямо на крыльце клуба), а затем колхозная машина повезла декорации и артистов домой, в Кадый.

Я ехал в кабине с Маргаритой Степановной Громовой, исполнительницей главной роли. Познакомились (позднее она была режиссером. Сставила что-то из западноевропейской классики.)

Однажды сидел у нее в светлой, солнечной комнате, вспоминали старые постановки, говорили о том, о сем. И тут я заметил на столе у окна фотографию двух священнослужителей. Я смотрел, и у меня было такое ощущение, что где-то эту фотографию уже видел. Потом вспомнил: ну, конечно же, в Нижегородском художественном музее висит картина Б.М. Кустодиева. Она, по-моему, называется «На приеме».

- Это репродукция? - поинтересовался я.

- Да. Мне прислали из музея. Слева - мой дедушка Петр Владимирович Попов, он был священником в селе Богородское, недалеко от Семеновского-Лапотного. А справа от дедушки сидит дьякон той же церкви Павел. Я хочу написать в Нижегородский художественный музей то немногое, что я знаю об этом Павле от родителей. Видите, у него доброе лицо, взгляд мягкий и кроткий. Он и в жизни был таким. По совместительству работал в школе в Починок-Пожарище. Эту школу построил Борис Михайлович Кустодиев. Детишки Павла не слушались, озорничали, и он расстраивался всегда. В то время еще шлепали по голове квадратом...

- Чем?

- Квадратом. Так линейка называлась. А Павел не мог этого делать. У него рука не поднималась. А ребята этой его добротой пользовались и проказничали. Мой дед предложил перейти ему в церковь в Богородском. Павел согласился. Всей деревней построили ему красивый дом с парадным и черным входом. От дома шла липовая аллея. Но пожил в Богородском он недолго. У него умерла жена, он очень переживал и из села уехал. Потом говорили, что он стал часто прикладываться, даже на службу являлся выпивши. А в один из пасхальных дней, когда святили пасху, он подошел к алтарю, схватил неожиданно пасху в руки и, пританцовывая, пошел вокруг аналая, припевая: «Пасха, пасха, пасха...» Прихожане оторопели, не могли понять, что произошло. А он сошел с ума. Мне это рассказывала мама. И еще говорила, что когда Кустодиев приезжал к деду писать портрет, всех детей прогоняли из гостиной, чтобы не мешали. Но всем было очень интересно, что происходит в большой комнате, поэтому дверь то и дело скрипела, и детские носы высовывались один над другим.

О своем деде, который неожиданно стал известным благодаря кисти художника, Маргарита Степановна рассказывала с большой симпатией. У Петра Владимировича и его жены Надежды Андреевны было 16 детей. Правда, многие умерли в раннем детстве, так что осталось только девять. Старший, Павел, как и отец, стал священником. Был репрессирован, больным вернулся домой и вскоре умер. Михаил стал учителем, был коммунистом и рано умер от воспаления легких. Николай отправился на фронт и пропал без вести. Мария, Екатерина и Лидия работали в медицинских учреждениях. Мать Маргариты Степановны была учительницей. (Вообще, надо сказать, в династии Поповых 23 учителя. И стаж общий подходит к полутысяче лет. Четыре поколения учителей. А четвертое поколение открывают внучки Громовой - Елена и Людмила.)

- Между прочим, и дед ваш похож на педагога...

- Вы правы. У него был большой лоб и очень пронизательные глаза. И речь правильная. Когда Кустодиев построил школу в своем имении, а учеников явилось столько, что в новом здании не хватило места, то священник отдал полдома своего деревенским детишкам для занятий.

- У него было образование?

- Он в Костроме закончил семинарию. Ему очень трудно жилось. Родился он в 1871 году в Павкине в бедной семье. Родители умерли, когда ему едва исполнилось 16 лет. Остались на его попечении два младших брата и сестра Клеопатра. Но у него была сильная воля, работающие руки. Видите, какие руки? Даже Кустодиев это заметил. И Петр Владимирович не знал слов «не умею», «не выходит», «не хочу». У нас за селом была речка Медоза. А Павел,

его старший сын, не умел плавать. Так он его бросил в речку и кричит барахтающемуся: «К моему берегу не плыви!» И Павел научился плавать. Так вот, после семинарии дед служил в селе Березовец в Галичском уезде. Друзья познакомили его с шестнадцатилетней дочерью богатой вдовы Дроздовой. Надя умела играть на фортепьяно, прекрасно пела, говорила на французском, шила и вязала, хорошо ездила на лошади. И я помню вечера, которые устраивались в доме бабушки. Бабушка играла на рояле, я перевертывала ей нотные листы, а гости пели. Чудное было время.

Надобно сказать, что весь этот староусадебный культурный ареал возле села Семеновское-Лапотное, который привлекал художника Б. Кустодиева, писателя А. Писемского, писателя-зоолога Л. Сабанеева (а здесь жили и дальние родственники А. Пушкина), погиб, исчез и живет лишь в памяти стариков-старожилов да на полотнах Бориса Михайловича. Когда подъезжаешь к поселку Островское (бывшее с. Семеновское) со стороны Кадыя, то напротив Клеванцова через речку Медозу еще видишь следы старого парка с вековыми соснами. За деревьями просматривается деревянная школа. А усадьбы Высоково, в которой начинающий художник Борис Кустодиев познакомился со своей будущей женой, давным-давно нет. Когда-то в ней жили старушки Грек. Фасад дома украшали два крыльца: парадное (за ним была оранжерея) и крыльцо в правой части дома. Внутри - кухня, передняя, зал и столовая с большим буфетом резного черного ореха, большим столом и резными стульями с высокой спинкой, украшенной орлом с распростертыми крыльями. Деревянная лестница вела в мезонин, где жили девочки Зоя и Юля Прошинские - воспитанницы тетушек Марии Петровны, Юлии Петровны и Евгении Петровны Грек. Старушки говорили в доме на французском, английском и немецком языках. В усадьбе имелась прекрасная библиотека и картинная галерея.

Молодой Кустодиев, раз приехав сюда из Семеновского-Лапотного, сразу же увлекся Юличкой Прошинской, ну и, конечно, как это водится в романах, зачастил в усадьбу. В Высокове он написал немало этюдов и самый большой портрет Ю.Е. Прошинской, который можно найти почти во всех монографиях о художнике. Став именитым, заимев деньги, Б.М. Кустодиев построил у деревни Маурино (ее тоже нет теперь) дом - это неподалеку от Высокова. Он назвал его «Терем» - по архитектуре своей тот как раз соответствовал этому названию. Пока дача строилась, художник с женой жили в маленьком домике в саду у профессора геологии Б.К. Поленова. По словам дочери художника Ирины Борисовны, у Поленовых был написан и портрет двух священнослужителей: «Изображенный на картине справа отец Павел - дьякон огромного роста с громоподобным басом и фиолетовым носом, был всегда «подвыпивши». Отец Петр, рыжий, невысокий, елеино

говорил тенорком: он служил в церкви села Богородское, куда мы по воскресеньям ездили, так как там были похоронены старушки Грек, воспитавшие мою мать. Жил он бедно в маленьком домике возле церкви и работал в поле, как крестьянин. После церкви, где всегда было очень жарко, утомительно и скучно стоять, мы обычно пили в его доме чай из огромного медного самовара...»

Как мы видим, в воспоминаниях Маргариты Степановны и дочери художника есть кое-какие несовпадения, но это бывает.

- Жена Кустодиева, - сказала мне Маргарита Степановна, - не порывала связей с нашей семьей до сорокового года.

- Ну а какая судьба у вашего деда? - спросил я.

- Через два года после ареста он вернулся домой. Мама и бабушка на свои сбережения купили ему маленький домик в Звереве. Летом я приехала к нему на каникулы. Увидела, в огороде копошится какой-то маленький сгорбленный человечек в белом. Ползает на коленях между грядок. Я подошла и спрашиваю: «Дедушка, что с тобой?» А он растерялся, не знает, что сказать. «Ты почему в нижнем белье?» - спрашиваю я. А он мне отвечает, что не может одеться без посторонней помощи. У него все руки были перебиты, а во рту торчал всего лишь один зуб. Я заплакала. Он стал гладить меня, улыбался и говорил: «Не плачь, видишь, я жив, жив». Он долго болел и в тридцать шестом году умер. На похороны приезжала Юлия Евстафьевна Кустодиева...

- А где похоронен?

- У своей церкви в Богородском. Где и старушки Грек.

В Островском я заглянул в музей Б.М. Кустодиева. Он находится в деревянном доме, рядом с автобусной станцией. Автобус стоит десять минут - вполне достаточно, чтобы посмотреть выставку картин. Передвижную.

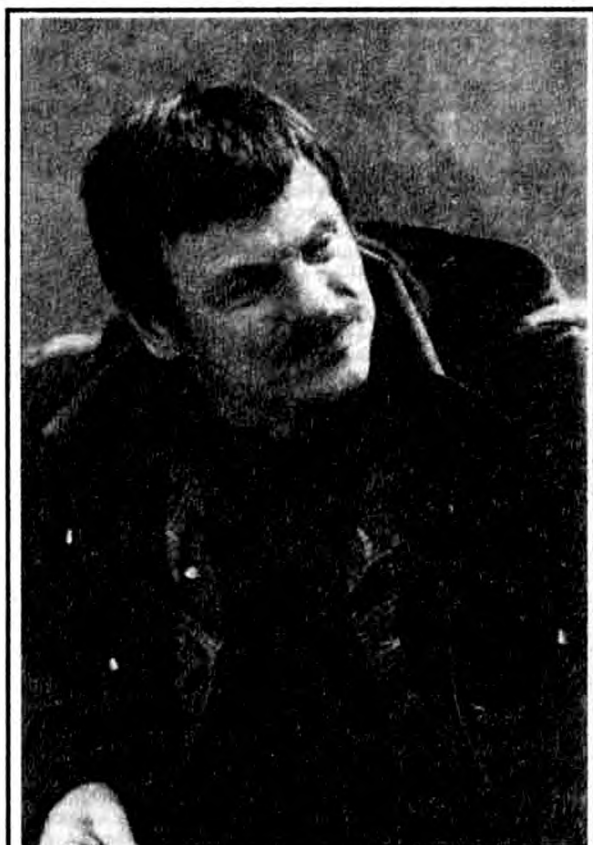
Из личных вещей художника лежит под стеклом палитра. Не с ней ли работал Борис Михайлович в Высокове и в мастерской своего «Терема»? Кстати, землю и «Терем» Б.М. Кустодиев отдал в 1924 году в дар Семеновскому волисполкому. «Хотелось бы, чтобы там была школа. Б. Кустодиев» Сохранилось такое письмо. «Терем» же не сохранили.

Между прочим, кадыйская земля, а точнее живописнейшая её южная оконечность, связана с именитыми людьми. Село Завражье в последние годы стало местом паломничества многих наших соотечественников. Прежде всего едут посмотреть на родину выдающегося кинорежиссера Андрея Тарковского. Каким образом он умудрился появиться на свет в этой глуши? Ведь известно, что родители его были москвичами и работали в столице...

В Завражье в ночь на 4 апреля, с воскресенья на понедельник, родился сын... Пятого был зарегистрирован, назван Андреем и получил «паспорт». Глаза темные, серовато-голубые, синевато-серые, серовато-зеленые, узкие; похож на татарчонка и на рысь. Смотрит сердито. Нос вроде моего, но понять трудно, в капочках. Рот красивый, хороший...» Такую вот запись сделал в дневнике (листы бумаги, сшитые нитками) радостный и возбужденный по случаю появления на свет сына Арсений Александрович Тарковский. Было это в 1932 году. А спустя одиннадцать лет в письме с фронта отец вспоминал это событие с какой-то ностальгической сентиментальностью, что нередко бывает у одаренных натур, попавших в условия, где страдает душа: «4.IV.1943 г. Дорогой, родной мой Андрюша, поздравляю тебя с днем рождения. Я болен и лежу в госпитале, скоро меня выпишут. Я так хорошо помню, как ты родился, мой милый. Мы с мамой ехали до Кинешмы поездом, а оттуда на лошадях до Завражья. Волга должна вот-вот тронуться. Мы ночевали на постоялом дворе, и я очень беспокоился за мамочку. Потом родился ты, и я тебя увидел, а потом вышел и был один, а кругом трещало и шумело: шел лед на Немде. Вечерело, и небо было совсем чистое, и я увидел первую звезду. А издали была слышна гармоника - и это было одиннадцать лет назад...»

Сестра Андрея Тарковского Марина Арсеньевна в своих воспоминаниях о брате говорит, что родители приехали в Завражье к маминей матери Вере Николаевне и отчиму Николаю Матвеевичу Петрову, который работал в местной больнице. Жили они в доме, который до революции принадлежал лесопромышленнику Кудряшову, занимали верхний этаж. Прежде Петровы жили в Москве, но в голодные двадцатые годы покинули столицу. Николаю Матвеевичу очень понравились живописные места под Юрьевцем, кстати, здесь и охота, и рыбалка были прекрасные.

Петровы уговорили Тарковских, чтобы Мария рожала именно здесь, в Завражье, в больнице у Николая Матвеевича. Однако в дороге бедную женщину так растрясло, что ее не успели отвезти в больницу, и она рожала дома, на обеденном столе. Роды принимал Николай Матвеевич и акушерка Анфиса Осиповна Маклашина. Она и удостоверение выписала: «Гражданка гор. Москвы Мария Ивановна Тарковская 1932 года апреля 4-го разрешилась живым сыном...» По этой бумажке в Завражном сельсовете выписано было свидетельство о рождении новорожденному Андрею, который через тридцать лет создал свой первый полнометражный фильм «Иваново детство», получивший главную награду Венецианского фестиваля - «Золотого льва Св. Марка». А затем один за другим появились кинематографические шедевры, сразу поставившие его в один ряд с выдающимися кинорежиссерами мира, - «Андрей Рублев», «Солярис», «Зеркало», в котором

*А. Тарковский,
кинорежиссер.*

упоминаются и Завражье, и Юрьевец, «Сталкер».

Он боготворил Ф. Достоевского и мечтал сделать фильм «Князь Мышкин», но лучшие творческие годы его пришлись на то время, когда все по-настоящему свежее и талантливое билось в паутине серости и посредственности брежневских канцеляристов, когда бездари с партийными билетами в кармане травили все необычное, новое, яркое, глумились над неординарностью мысли, втискивая в прокрустово ложе политических доктрин все, что имело свойство быть независимым, свободолюбивым, оригинальным. Трагический для русской культуры отъезд Тарковского за рубеж

обернулся триумфом великого мастера кино для мировой культуры - там, на свободе, он создал «Ностальгию» и «Жертвоприношение», может быть, еще не до конца оцененные современниками фильмы.

Когда имя Тарковского было уже известно всему миру, никто ни в Юрьевце, ни в Завражье не помнил, что родился он в этом удивительном красивом краю. Даже когда в фильме «Зеркало» один из героев называет прямо и село, и город, все равно были сомнения. Мало ли по Волге сел с именем Завражье? Кажется, совсем рядом, под Сокольским, есть такая деревенька. О том, что Тарковский в детстве жил в Юрьевце, первой узнала молодая местная учительница Светлана Константиновна Жихарева. Поиск ее увлек. Пересмотрела много периодической литературы, разговаривала со старожилами Юрьевца. Теперь все знают, что в городе сохранилась начальная школа, где учился будущий кинорежиссер, а на небольшой улочке стоит дом, в котором он жил. Здесь открыт музей Андрея Тарковского. Это второй музей-персоналий. Первый открыт несколько лет назад - братьям Весниным, известным русским зодчим, уроженцам древнего Юрьевца. В Юрьевце бывают праздники посвященные Тарковскому. Приезжает сестра Марина Арсеньевна, артисты кино. Торжества продолжаются в Завражье.

Почти каждое лето я наведываюсь в этот живописнейший уголок нашей области. Раньше добраться сюда было просто. От Костромы до Завражья ходил «Восход». Но я предпочитал выйти в Юрьевце и отсюда уже плыть по морю (водохранилище здесь такое, что и берегов не видно, и все местные называют его или морем, или разливом) на небольшом теплоходике, а еще лучше на пароме, отыскав местечко между машин, мотоциклов с колясками и лошадей с повозками. Каких только баек и разных историй здесь не слушаешься. Паром идет медленно. И с палубы как-то по особому ощущаешь сверкающую на полуденном солнце гладь разлива. Теперь такого сообщения нет.

Волжская волна плещется теперь и над местом, где родился Тарковский. На зеленом берегу взору открывается другое Завражье, построенное в 1950-х годах, после поднятия Волги. Но часть зданий сумели все-таки перенести с прежнего места. Тридцать с лишним лет прошло с той поры, а старожилы как только начнут вспоминать о прошлом - боль и тоска в глазах проявляются. Там, под толщей воды, остались не только фундаменты их домов, но детство и юность, скамейки под сиренью, где были свидания, родительское тепло и ласка, частица жизни.

Живет в Завражье Галина Александровна Голубева, бывший директор местной средней школы. Она, кстати, как и ее коллега из Юрьевца, тоже собирает сведения о Тарковском, записывает все в школьную тетрадку. В последний приезд она рассказала мне о старом Завражье: «Село располагалось оригинально. Надгорная часть называлась Завражьем. А та, что под горой, - Заливенки. Почему? А потому, что каждую весну в половодье все улицы там были залиты водой. Плавали на лодках в школу, в магазин в гости. Все привыкли к этому и не считали такое положение бедствием. Жили спокойно, размеренно, и никто не хотел переезжать наверх. Уголок здесь был прямо-таки райский. Росли вековые липы, расцветали черемуха и сирень. Чуть подальше были заливные луга, их называли у нас кулиги. Берег у Немды был крутой, с золотистыми приплесками. От дома культуры через речку Салку был переброшен деревянный мост, высокий, красивый, с резными перилами. Здесь по вечерам собиралась молодежь, играла гармошка, а девчонки каблучками отбивали дробь. А ночами на мосту стояли парочки влюбленных. Особенно в лунные ночи тут было прекрасно.

Через этот мост и по главной улице Завражья проходил старинный тракт из Юрьевца в Кадый. Дома стояли двухэтажные, с резными наличниками. В них жили лесопромышленники и торговцы - Калинин, Балабанов, Кудряшов... На этой улице родился Андрей Арсеньевич Тарковский. А заканчивалась она зеленым парком, в котором стояла усадьба участковой больницы. Этот удивительный уголок напоминал дендрарий, здесь росло около ста пород

деревьев и кустарников. Весь май и июнь в парке цвели и благоухали розы различных сортов. И все это было создано завражанами и главным врачом больницы Николаем Александровичем Соловьевым...»

В фильме «Зеркало» за кадром звучат стихи, которые читает отец кинорежиссера Арсений Александрович Тарковский, известный поэт. В них - мир Завражья:

На свете все преобразилось, даже
Простые вещи, - таз, кувшин, - когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твердая вода.
Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом городя.
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы подымались по реке,
И небо развернулось пред глазами...

Стихи эти как-то по-особому воспринимаются на берегу разлива. Они вмещают многое в себя - людей, их быт, прекрасную и одновременно трагическую историю села...

С тех пор как заговорили о Завражье в связи с кинорежиссером Тарковским, руины храма на берегу, где был крещен когда-то Андрей, стали как бы укором современникам. Прошло несколько лет, и постепенно укрепили берег - теперь в штормовую погоду волна не бьет в могучие валуны, что лежат в основании храма, юрьеveckое море отступило. Так же постепенно возрождается храм, тут теперь проходят службы, как в былые времена.

Недалеко от Завражья находится село Борисоглеб. В местном храме служили предки отца Павла Флоренского. Он сам пространно о них пишет в своих работах. А в деревеньке по соседству родился и провел детство известный современный художник и философ Анатолий Веселов. В Кадыйском музее и в Завражье можно увидеть богато иллюстрированную монографию о нем.

Выехав из Кадыя, вы скоро можете увидеть дорогу на Екатеринкино. Если у вас имеются проблемы со здоровьем, то в самый раз свернуть на хорошо укатанную грунтовую дорогу и доехать до Паново, а там чуть-чуть пройти пешком - и вы в заповедном месте. Здесь находится Святой колодчик...

Летом 1998 года был в Сибири, в Красноярске. Вечером со знакомыми музейными работниками сидели в уютном баре на пароходе «Св. Николай», на котором в конце прошлого века молодой Владимир Ульянов-Ленин плыл в ссылку, в Шушенское.

Мы пили легкое вино, и на столе стояла бутылка «Святого источника». Наша, костромская. Спутники, разумеется, поинтересовались, в самом ли деле это святая вода? Что я им мог на это ответить? Еще лет пятнадцать назад геологи говорили мне, что в Малышкове пробурена скважина и обнаружен подземный поток, который бежит чуть ли не с Уральских гор. Скважину законсервировали. А в начале 90-х деловые люди - американцы совместно с батюшками из Костромской епархии - приспособили установку и принялись разливать артезианскую воду в полиэтиленовые бутылки разных размеров, дав для рекламы сакраментальные, священные для Руси слова «Святой источник».

А между тем есть на нашей костромской земле действительно святые места, и истари быют святые источники, которые даруют немощным людям физическое и духовное здоровье.

Об одном таком источнике я и хочу рассказать. Нынешним летом, где-то в середине августа, поехали мы с друзьями за грибами в Кадыйский район. Возле Екатеринкина посадили в машину женщину, которая попросила довести ее до Словинок. Посадили мы ее у красивого деревянного храма - лучшего в области я, пожалуй, и не видел. А она, сев на заднее сиденье, стала рассказывать о многочисленных церквях, которые стояли когда-то по деревням - в Словинках, в Савкине, в Кострове, назвала еще несколько деревень, а в Панове даже монастырь был в начале нашего века.

- А вы сами местная? - поинтересовался я у женщины.

- Я из деревни Комары. До войны у нас более ста дворов было. А теперь несколько изб осталось, да и в тех дачники живут. Старую-то жизнь вспомнишь - ой, слезы наворачиваются. Сколько народу было! Гуляния какие были! Из одной деревни в другую ходили - с гармониями, с песнями. И куда все подевалось? - Она помолчала немного. - Хотя известно куда. Только с войны в Комары шестьдесят мужиков не вернулось. Все погибли. А потом молодежь начала постепенно отъезжать.

Чтобы сменить грустную на фоне столь живописного пейзажа за окном тему, я поинтересовался, много ли здесь грибов и ягод и в какую сторону лучше ехать. Женщина поведала нам, где за час можно ведро «брусены» (так она называет бруснику) собрать, где обилие клюквы, черники, малины. Сказала, куда нам лучше ехать за грибами, - там одни лишь белые, потому как даже боровики никто не собирает.

Пока ехали, я обратил внимание на большое количество легковых машин, снующих туда-сюда, словно мы мчались по оживленной трассе где-нибудь в Подмоскowie.

Впереди показались два автобуса. Когда мы поравнялись с ними, я с удивлением увидел, что сидят в них то ли монахи, то ли священники.

- Тоже за грибами ездят? - удивился и знакомый, - номера ярославские...

- Это они со Святого колодчика возвращаются, - сказала женщина, - у нас тут каждое лето машин видимо-невидимо бывает. И все за святой водичкой едут. Даже иностранцы приезжают. На прошлой неделе при мне вышли из машины, что-то по-своему лопочут. А с ними наша русская одна. Видимо, переводчица...

- И где же этот святой источник?

- Колодчик-то? Недалеко тут будет. Надо сначала свернуть к Демино, потом к Лыжино, а затем уж ехать в Паново. До самого Святого колодчика, конечно, не доедешь - с километр придется идти по лугам, а потом по болотцу.

В России ко всякому роднику, пробивающемуся из глубин земли на свет Божий, у людей всегда было радостно-трепетное отношение, даже благоговение. Ну, а уж к ключам, за которыми числились различного рода исцеления, отношение было особое. И по-разному эти ключики называются. Все мы с детства знаем картину Ивана Шишкина «Святой ручей близ Елабуги». Здесь ручей. Под Кологривом, в Шаблове, родник называется Ефимов ключ - там вода тоже целебная. И под этим же древним городком, на Святой горе, где был монастырь, родник называется Святой поток. А вот здесь, в болотце, под деревенькой Паново, родник называют совершенно особо - Святой колодчик.

- И отчего лечит эта водичка? - поинтересовался я у женщины.

Она сразу вся встрепенулась.

- Ой, да от всех болезней. Меня мама принесла к нему, когда мне было пять лет. До войны это еще было. Я заболела ветряной оспой. Говорят, у меня все тельце покрылось коростой и уж не думали, что я выживу. Принесли меня, раздели, облили ледяной водичкой - и, верите, через два дня я выздоровела. Даже никаких признаков оспы не осталось. Все болезни эта святая водичка лечит. У меня как-то голова болела, не находила себе места несколько дней, пошла, облилась - и все прошло. Туда идут те, у кого болят глаза, у кого ревматизм или печень большая, или почки. Не знаю, может быть, и рак лечит водичка из Святого колодчика. А у моей подруги экзема на руках была. Ко всем врачам ходила, к знахаркам, к экстрасенсам - и ничего не помогало. Только зря деньгами сорила. Я посоветовала ей съездить на колодчик. Приехала она, облилась, с собой водички взяла - и через неделю от экземы и следа не осталось.

В этих святых местах в былые времена был поставлен монастырь. Остатки его сохранились и до сих пор. Во время войны (по рассказам женщины, тут уж надо назвать и ее имя - Екатерина Ивановна Веселова, награждена орденом «Материнская слава I степени», семь уже взрослых детей у нее, все в люди вышли) в монастыре сделали ферму. Год она просуществовала, и весь скот погиб. А две девушки, что ухаживали за скотиной, повесились на березах. История, конечно, похожа на легенду, но старожилы этих мест подтверждают, что это было именно так.

Кстати, у местных властей, у руководителей хозяйства Святой колодчик, к которому толпами шли в праздники колхозники и приезжий люд, вызывал не то что неприязнь, а даже и озлобление. Несколько раз послали на болотце бульдозер. Тракторист все добросовестно перекопает и завалит землей деревянную кадку с родниковой водой, а через некоторое время, глядь, родник опять ожил и опять паломники возле него. Однажды привезли бочку с мазутом и вылили в Святой колодчик. А на утро люди пришли - мазута нет и вода снова в колодчике хрустально-чистая.

Между прочим, кое-кто из местных деревенских людей, склоняясь над чистой, как стекло, поверхностью водоема, видели прозрачно-легкий, но четкий в своих очертаниях образ Николая Угодника. (Собственно, именем его и колодчик этот называют.) А один мужичок из Словинок увидел Николая Угодника прямо перед собой. В нескольких шагах, прямо из воздуха святой появился. Наш мужичок опешил, испугался и даже чувств лишился. Пришлось его отхаживать другим паломникам.

Видели люди этот образ или это плод человеческой фантазии - не знаю, но, по крайней мере, вам могут назвать даже имена этих счастливиц, они живы и здоровы. Сама же Екатерина Ивановна была свидетельницей такого странного случая. Шли к колодчику две женщины. Одна прошла, а другую жабы не пускают. Не дают пройти - и все тут. Тогда попросила она принести ей водички со Святого колодчика в посудине. Спутница - та, что прошла к колодчику, - зачерпнула воды и понесла. Не доходя метр или два неожиданно споткнулась и пролила святую воду.

- Не далась ей водичка, - подытожила свой рассказ Екатерина Ивановна.

- А почему не далась-то? - спросил я.

- Кто его знает. Видимо, грешница большая. Хотя все мы грешны. Не далась и все...

В тот день мы насобирали три большие корзины королевских груздей, одну корзину - белых и, возвращаясь домой, решили все-таки заглянуть к Святому колодчику, который так по-русски восторженно живописала нам попутчица.

А места тут и впрямь необыкновенно красивые, трогают душу и цветистые луга, и складки неглубоких оврагов, и сосновый бор, что стоит на возвышенности и манит к себе (здесь много белых грибов). Переехали по старому мостику речку Шачу. Правее осталась деревня Паново и руины старинного монастыря на горюшке. Мелким березняком подъехали к болоту. Встретили трех женщин, видимо, местных, пешком пришедших сюда. Они и показали нам новый настил, который положили недавно вместо жердей.

Мои спутники направились к святому источнику, а я, взглянув в сторону леса, увидел картину, от которой пришел в замешательство и даже потрянул головой - уж не галлюцинация ли у меня началась? По всему лесу на ветвях деревьев висели рубашки, женские чулки, детские распашонки, пиджаки, кофты, женские сорочки, свитера, обувь мужская и женская, носки, брюки, трусы и прочее - все пестрое, как на ярмарке. А людей нигде поблизости не было, и не слышно было голосов с болота.

- Что это за маскарад? - спросил я у женщин, кивнув в сторону леса.

- А это уж так принято здесь. Кто приехал сюда, чтобы избавиться от болезни, снимает с себя белье, обливается и надевает новое, привезенное с собой. Это издревле такая традиция ведется. Иногда сюда приходят нищие или заглядывают бомжи, подбирают себе что им в пору, надевают и уходят.

К нам подошел мужчина в черном спортивном костюме. Вид цветущий. Здоровяк! Глаза радостные. Этому-то чего здесь надо среди страждущих и немощных? Потом уже разговорились на обратном пути, и он поведал обычную мужскую грустную историю. Служил на ракетной площадке. Была небольшая авария - и в результате к тридцати пяти годам стал импотентом. Ушла жена. Пробовал американские лекарства - ерунда. Напрасная трата денег. А здесь он третий раз и чувствует, что возвращается к нему мужская сила. А это так здорово! Ведь молод еще.

- Такая легкость в теле чувствуется. Вот-вот полетишь, - сказал он мне, - и ощущение полноты здоровья появляется. В самом деле, святая вода здесь и святая земля.

Я прошел по деревянным мосточкам к небольшой часовенке, стоявшей посреди болотных кочек. Видимо, в дождливое лето, когда здесь лежали жердочки, паломники добирались до родничка по колению в воде. Сейчас хорошо.

Я вошел в деревянную часовенку. Тихо. Прохладно. Таинственно! Висят маленькие иконки. На подоконниках стоят эмалированные кружки. Прежде там, где бьет удивительный ключик, была вкопана обыкновенная деревянная бочка. Теперь же сделан сруб. Я наклонился над ним и увидел чистейшую прозрачную воду. Увидел песчаное дно. Глубина Святого колодца где-то чуть больше метра.

Говорят, иногда тут очередь выстраивается за святой водой. Едут с ведрами и канистрами. Черпают ведрами, колодчик быстро наполняется. Заглядываю в хрустальную глубину. Может, повезет и увижу Святого Николая Угодника? Нет. Напрасный труд. Видимо, грешен. Однако набрать водички в ведро и донести до возвышенности, где стоят сосны, удалось. Разделся. Опрокинул на себя ведро ледяной ключевой воды. О! Сразу жар пошел. И необыкновенно легко сделалось. Это же отметили и спутники мои. А когда шли к машине, то впечатление было такое, будто тела наши оторвались от грешной земли и мы не идем, а летим. Каждый почувствовал это момент уменьшения земного притяжения.

Мы взяли святую воду с собой. Говорят, она может стоять много лет и лечебные качества ее при этом не исчезают и не уменьшаются. Разумеется, вода эта лечит и дает здоровье, если пользуешься ею с верой.

Едут сюда теперь монахи, священники. Едут иностранцы...

Итак, облившись целебной водой из чудесного колодчика, можно продолжить свое путешествие к Кологриву. В старинном город Макарьево стоит побродить по площади и по улочкам близ центра и уж конечно следует заглянуть в Макарьевско-Унженский монастырь, основанный в XIV веке монахом Макарием. Здесь хранятся его мощи, а под горой по-прежнему бьет родник, из которого он пил. Говорят, что вода тут тоже целебная. В прежние времена монастырь был мужским. В 30-е годы он закрылся и постепенно пришел в запустение. Здания частью разрушились. Несколько лет назад его открыли, но теперь он уже действует как женский монастырь, между прочим, есть два Макарьево - на Волге, под Нижним Новгородом и на Унже. В обоих городах проводились ярмарки в старые времена и поэтому, их часто путают. Надо знать, что в Макарьево на Унже проводились лесные ярмарки с большим денежным оборотом. А макарьевская ярмарка на Волге была младшей сестрой знаменитой Нижегородской ярмарки. Ну а оба города основал все тот же Макарий Желтоводский.

Сразу за городом видна красивая излучина реки.

Если бы мы ехали по этому тракту сто лет назад, то почти сразу же за селом Унжа (оно недалеко от Макарьево и сюда стоит заглянуть, посмотреть на великолепный соборный ансамбль, который надолго останется в памяти) мы бы пересекли границу Кологривского уезда. Он был в ту пору довольно обширный,

вобрав, в себя часть нынешнего Макарьевского, Чухломского и Галичского районов. Районы же Межевской и Мантуровский целиком входили тогда в Кологривский уезд, чем ближе к Мантурово - тем красивей становится дорога. Стрела, автострады летит по зеленым холмам. Иногда на солнце сверкает гладь Унжи. На берегах её в прежние времена стояло немало усадеб. В одной из них, принадлежавшей дворянам Апухтиным родилась и жила до замужества обаятельная и умная барышня Наталья Дмитриевна, которая вышла замуж за своего дядю генерала М.А. Фонвизина, а после декабрьского восстания 1825 года в Петербурге (муж её принадлежал к тайному обществу), отправилась за ним в сибирскую ссылку. Пушкинисты называли не одно женское имя, которое стало прототипом героини поэмы А. Пушкина «Евгений Онегин» - Татьяны Лариной. Называли Марию Волконскую, Елизавету Воронцову и других, но по свидетельству современников поэта Наталья Дмитриевна Фонвизина более всех остальных заслуживает права быть прототипом героини А.С. Пушкина. Да и в черновиках его к «Евгению Онегину» Татьяна сначала называлась Наташей. На шестьдесят втором году жизни Н.Д. Фонвизина начинает писать автобиографическую повесть. Она хранится в архиве и не публиковалась. Вот как она пишет о своем детстве: «Мать, родные и домашние звали меня мямлей и рохлей. Мне до всего хотелось допытаться, а спрашивать совестились - и говорить не хотелось, я была необщительна и дика...»

Неподалеку в своей усадьбе Никитино жил ещё один прелюбопытный помещик - Федор Егорович Крепиш, бывший лесной ревизор, и предводитель Кологривского уездного дворянского собрания, оставивший по себе память как первый паромщик на Унже. Было у него 8 паромов. «Кологривец», например, открыл линию Макарьев-Нижний Новгород. Одно из самых крупнейших на Волге паромное общество «Самолет» пробовало, пустить свои суда на Унжу, но ничего из этого не вышло, поэтому на реке ходили лишь пароходы местных лесопромышленников и купцов: «Матадор», «Евсеев», «Мантуров» и другие. В советские же времена до Кологрива весной поднимались лишь три пассажирских парохода: «Сура», «Красная Чувашия» и «Крестьянка», в 80-х годах в Унжу заходили «метеоры» и «восходы» - суда на подводных крыльях. Нынче пассажирских линий на этой реке нет.

Мантурово - совсем молодой город. Здесь практически нет исторических достопримечательностей, хотя немало можно встретить, интересных людей, таких как директор краеведческого музея С.Н. Торопов или собирателя редчайшего языка жгонов - А.В. Громова. Встреча с ними запомнится надолго. Уже у села Елизарова, возле которого стоит автопешеходный мост, начинаются живописнейшие места и теперь они будут продолжаться до Кологрива. До того как автостраду спрямили, дорога шла от деревни к деревне, до сего дня кое-где виден старый тракт, выложенный мелким булыжником, но почти все деревни теперь остались в стороне от новой трассы. Если полвека назад от Мантурова до Кологрива грузовая машина (люди ездили тогда в кузове, автобусов не было) добиралась за восемь часов, а то и больше, то сейчас автобус идет полтора часа - это время чудесных закатов, когда воздух становится розовым и видны все складки местности, просвечиваются леса и отливают бронзой сосны, а черная линейка автострады, удаляясь за холмы, становится всё уже и уже, и, наконец, растворяется где-то на горизонте среди синих лесных грив. Все говорит о том, что Кологрив близок.

Кологрив и его окрестности

Уголок Кологрива. Старинный особняк у пруда.

Всё чаще в последние годы обращаюсь своими мыслями к этому старинному городку на Унже - зеленому, тихому и уютному, с купеческими особняками под старыми липами (любой особняк здесь - неповторим, а иные так и вообще шедевры провинциальной архитектуры), с интересной историей и увлекательными легендами, с добрыми, очень отзывчивыми людьми. Наверно, тянет сюда ещё и потому, что здесь прошло мое детство. Приезжая сюда, люблю пройтись по улочкам, где тротуары выложены плиткой, по деревянным мосткам с парапетом у самого берега, откуда хорошо видны заунженские дали, люблю посидеть в зеленом сквере в центре городка, побывать на Верхнем Кокиле, поискать под песчаным косогором диковинные камни, вымытые из почвы во время половодья, стараюсь непременно заглянуть в краеведческий музей. Но почему-то в каждый свой новый приезд сюда к радостному чувству

примешивается странная горечь от увиденного и услышанного и все чаще появляется тревожная мысль за судьбу этого старинного городка на Унже.

Были у него славные и радостные дни, были и до боли обидные, когда, например, он потерял статус районного центра и вошел в Мантуровский район, а само Мантурово появилось на карте Российской империи незадолго перед революцией, при проведении Великого Сибирского железнодорожного пути, как маленькая станция с несколькими домишками. Впрочем, та же самая незавидная участь постигала и древнюю Кострому, когда она вошла в состав Ивановского промышленного района. Случаются вот такие превратности судьбы. Хотя с самого же основания с Кологривом не все так просто было. Свою историю он начинал в сорока верстах выше нынешнего своего места, где-то между деревнями Тетерино, Черменино и Морхинино. По одним сведениям отцами-основателями его стали монахи Зосима и Савватий, которые потом ушли ещё дальше на Север, к Соловкам, а по другим - основан он был как крепость во времена московского князя Василия III. Разумеется, крепость деревянная. (Существуют ещё несколько версий, я не буду их перечислять.) Судя по всему, поселились в этих местах храбрые и деятельные люди. Кологривцев упоминает костромской воевода Никита Вельяминов, ставший на сторону поляков в смутные русские времена. Видимо ратники из кологривской крепости хорошо сражались при осаде Ипатьевского монастыря. А через несколько лет в анналы русской истории вошел Ивашка Кологривец - этот показал себя удалцом и отважным воином при освобождении Москвы от поляков, пребывая в войске Минина и Пожарского. Надо сказать, что первое название города было довольно длинное - Ново-Архангельск Около Грив. Потом уже он стал просто Кологривом. Надо думать, что на старом месте, вдали от торговых путей крепость бы постепенно пришла в упадок (хотя торговля шла с Тотьмой и Великим Устюгом) и прекратила свое существование (как знаменитая Мангазея на Енисее), но воевода Иван Рогозин, человек незаурядного ума и хватки, воспользовавшись династическими распрями на престоле после смерти Петра Великого под шумок перевел свою управленческую контору в село Кичино или как тогда называли Кичин погост. По существу это была чистойшей воды авантюра, самоуправство, за которое воевода мог быть крепко наказан, но пока столица разбиралась с этим делом, сменились цари и не стало воеводы. В конце концов Екатерина Великая махнула рукой

Уголок Кологрива.

на затянувшуюся тяжбу и подписала Указ о создании Кологривского уезда при новом Костромском наместничестве. А через год 29 мая 1779 года учредила герб города Кологрива. Вот какое было описание этого герба: «В первой части щита в голубом поле часть из герба Костромского наместничества - корма галерная с тремя фонарями и опущенными лестницами, во второй части щита в золотом поле лошадиная голова с крутою гривой, означающая имя сего города...»

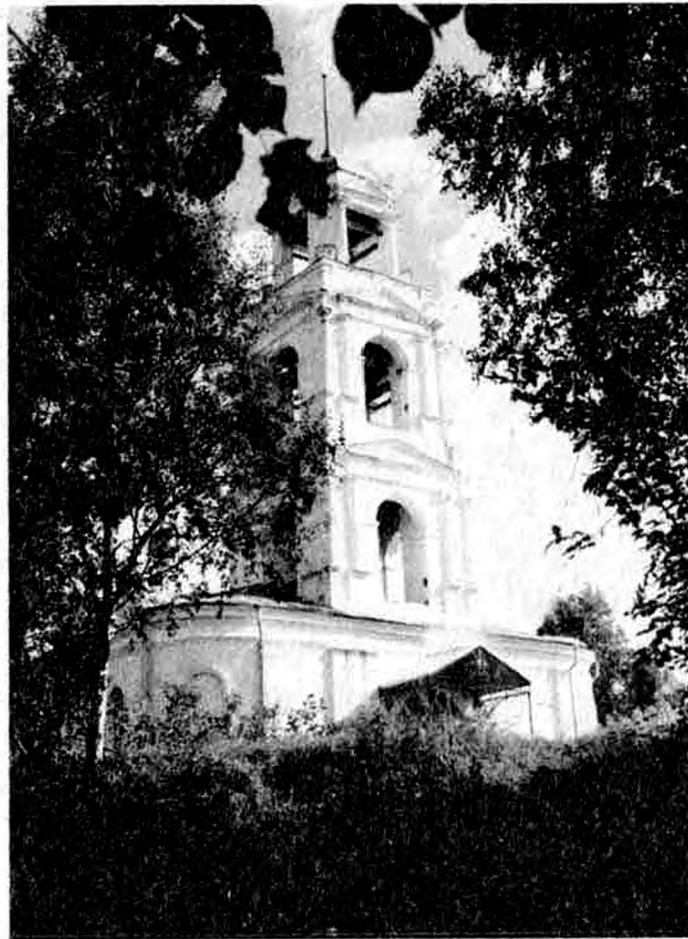
Что же представлял из себя Кологрив в пору присвоения ему статуса города? В официальных бумагах за 1779 год мы можем прочесть, что в городе было 42 постройки, из них 32 топились по-черному. Всего же населения было 211 душ обоего пола, из них 97 женщин. Сто лет спустя населения прибавилось на 31 человека. Немного, все изменилось, когда начался в этих краях лесопромышленный бум. Сметливые и трудолюбивые мужики в конце XIX века быстро богатели и становились купцами, скупали лесные дачи у помещиков и богатели ещё больше, в городе как грибы стали расти особняки. Обустраивается торговая площадь. Её окружают магазины, питейные заведения, чуть дальше ставятся каменные и деревянные дома, в

которых живет местная знать - дворяне и купцы. В Кологриве появляется женская прогимназия. А уже в 1902 году она становится гимназией. В 1911 году открывается мужская гимназия. А за Унжей, в Екимцеве, в прекрасном сосновом бору уже полтора десятилетия как слышны голоса молодежи. На средства мецената Ф.В. Чижова здесь был выстроен так называемый Чижовский городок - прекрасное учебное здание низшего сельскохозяйственного технического училища, а также множество подсобных зданий (пекарня, прачечная, баня, сельскохозяйственный двор, сырзавод и т.д.), полтора десятка добротных домов для преподавателей, общежития для учащихся. Материальная база училища была прекрасной для того времени. Два технических училища появились в самом Кологриве.

Город словно пробудился от долгого сна.

В 1877 году он уже имеет телеграфную связь. Через пять лет кологривчане впервые услышали протяжные свистки пассажирского парохода. Толпы людей стояли на берегу и смотрели на него, как на чудо. В 1905 году в городе построен «Народный дом» и чайная «Общество трезвости». На средства лесопромышленников построено самое крупное в городе здание - богадельня. Через речку Киченку переброшен земляной мост с бетонными тоннелями. Цивилизация постепенно приходит в уездный город. В 1914 году появляется телефон. На другой год - синематограф, то есть немое кино. В 1916 году жители впервые раскрывают дома собственную газету «Приунженский вестник». Но если к газете мгновенно привыкают, то от первого автомобиля, появившегося на улице, долго ещё испуганно прячутся по дворам, дожидаясь, когда он проедет, и улетучатся клубы сизого дыма из выхлопной трубы.

Надобно сказать, что сразу же после гражданской войны экономика уезда, замершая на несколько лет, начала бурно развиваться. Строится кожевенный и лесопильный заводы, которые дали первую продукцию в 1921 году. Этим же летом заработала паровая мельница, через год в Кологриве появилось электричество. Дальше - больше, построен кирпичный завод, коммунальная баня, тут и там ставятся новые добротные дома. В 1929 году создается, как ныне модно говорить, градообразующее предприятие - леспромхоз, даже местная газета стала теперь называться «Кологривский лесоруб». (Потом, когда возникло множество колхозов газету переименовали в «Кологривский колхозник». Затем она носила название «Заветы Ильича»...) В 1935 году в районе было 162 колхоза! Завалились картофелем. Поэтому решено было строить крахмалопаточный завод.

Колокольня кафедрального собора.

Пошли в гору лесные дела, открылись новые лесопункты, а в Кологриве сданы в эксплуатацию два спиртопорошковых завода, которые занялись химической обработкой древесины. Эти заводы выпускают древесный спирт, древесный уголь, смолу, уксуснокислый кальций. Промкомбинат из местного сырья делает мыло, клей, колесные мази и прочее. Кологривчане едят собственный хлеб, сыр, масло, конфеты, пряники и пьют собственного изготовления сидро. Я пока ещё ничего не говорил о культурной жизни Кологрива. А она достойна удивления, представьте себе, ещё идет гражданская война и никто не знает, чья возьмет, потому что белые армии занимают огромные пространства, а в Кологриве в это время чекист и романтический поэт Ф.С. Чумбаров-Лучинский с группой местной интеллигенции открывает «Дворец искусств». Он руководит студиями изящной словесности и театральной, издает и редактирует журналы «Жизнь искусств», «Культура и жизнь», «Опыты». В списке преподавателей студии рисования и лепки мы можем встретить и фамилию молодого художника Е.В. Честнякова. Вокал преподают педагоги из гимназий. И всё это происходит в 1918 году!

Потрясающе! В это же время открываются новые клубы, библиотеки. Через десятилетие в Кологриве откроются семилетние и средние школы, педучилище, медучилище, зоотехникум...

Я ушел слишком далеко в историю. Пора посмотреть и на сегодняшний Кологрив. Тишина и покой, наверно, главная достопримечательность этого городка. Оживление приходит сюда лишь по весне, когда начинаются сплавные работы. Унжа разливается в это время по лугам и лесам. По реке снуют буксиры и бегают туда-сюда юркие катера. Райцентр обретает вид очень деловой и беспокойный. Но уйдут последние плоты в низовье, ткнутся в берег катера, приписанные к местной сплавконторе, - и всё, жизнь здесь как бы замирает до следующей весны. В летнюю пору появляется в городке другая публика, праздная и пестрая, приехавшая отдохнуть на Унжу из разных мест страны, - кто к родственникам, кто к знакомым. В одном из своих рассказов писатель Иван Касаткин назвал Кологрив «сонным городком». Таковым он кажется приезжим и по сей день. Промышленные предприятия можно по пальцам пересчитать: леспромхоз, лесхоз, дорожно-эксплуатационное предприятие, небольшая фирма, выпускающая вагонку, оконные блоки и небольшое количество столярных изделий, часто можно теперь слышать слова: «Город затухающий...» Полвека назад старожил, услышав подобную реплику, возмутился бы не на шутку, а нынче люди только отмалчиваются. Город стареет на глазах. На кладбище людей сносится гораздо больше, чем их рождается. Свадеб чрезвычайно мало. Десятилетиями уезжала в поисках лучшей жизни кологривская молодежь. Сейчас не против кто-то и дома остаться, - так опять же новая напасть, не сыщешь нигде работы. А так половина района - люди предпенсионного или пенсионного возраста. Едешь ли из Мантурова по новой шоссейной дороге, летишь ли на самолете (теперь самолет в Кологрив уже не летает) или поднимаешься по реке на сплавно катеришке - повсюду видишь оставленные жителями дома, черные, без окон, с обвалившимися крышами, покосившимися дворами. А в иных местах оставлены целые деревни с добротными домами. В Ульшму, например, ездят теперь только за ягодами. Не живет там ни одна душа. Исторический Кологрив тоже довольно стар и ветх. Почти весь жилой фонд требует ремонта. Большинству зданий за сто лет. В последние десятилетия, правда, плотно застраивалась окраина города, но жилья не хватает. Миграция значительная. Ежегодно уезжают и приезжают около тысячи людей. Но количество населения почти всегда на одном уровне: 6 тысяч человек. Кологрив

Уголок Кологрива. Фото начала XX века.

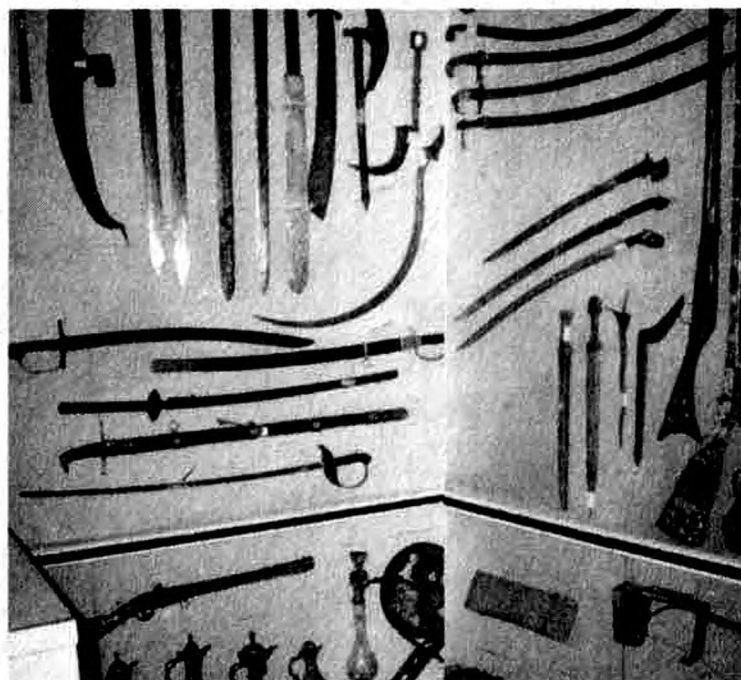
внесен в список исторических городов как и Галич, Нерехта, Солигалич, Макарьев. Здесь предостаточно исторических памятников, хотя в последние годы некоторые из них уже утрачены (Кафедральный собор на горе уже восстановлен и снова украшает центральную часть города).

Вообще, кологривская история соткана из самых разнообразнейших легенд, причем над иными приходится задумываться - а нет ли в той или иной легенде доли правды. И в самом деле, подчас находишь её. Я слышал, что в только что упомянутом мною Народном доме существовал театр, в котором были декорации из Костромского драмтеатра. Сначала относился к этому известию, как к выдумке, но потом вдруг узнаю, что, в самом деле, в XIX веке в драмтеатре случился пожар и кологривские театралы выкупили у погорельцев декорации, в которых в свое время играли Андреев-Булак, Глама-Мещерская, Рыбаков. Самая загадочная история, которую, по-моему, до сего дня не могут разгадать кологривские шерлок-холмсы - это двухэтажное кирпичное здание при въезде в Кологрив, довольно громоздкое, необычной для провинциального деревянного городка архитектуры. Уже не одно десятилетие существует легенда, что местный лесопромышленник Макаров построил железнодорожный вокзал. В самом деле, если заглянуть внутрь здания, то расположение

Кологривский краеведческий музей.

тамошних помещений подтверждают мысль о функциональном назначении этой громоздкой постройки - есть большие залы ожидания, разные подсобные помещения. Опять же и любопытнейшая история с проектированием железной дороги в самом начале прошлого века как бы подтверждает правоту сторонников этой легенды. Было несколько вариантов строительства «чугунки». Один из них - Вологда-Солигалич-Чухлома-Кологрив-Котельнич-Вятка. (Интересы крупных сановников и деньги купцов повлияли на проект дороги и был выбран южный вариант, по которому мы сегодня ездим. Во всю обсуждался проект проведения железной дороги на Крайний Север и тут гвоздем программы был Кологрив.) Узнав о северном проекте, сметливый и расторопный Макаров спешно возвел самое большое здание в Кологриве. Но просчитался. Однако всезнающий в городе человек, сын лесопромышленника Петр Николаевич Смирнов, говорил мне как-то, что всё это миф и враки, что Макаров построил дом для своей семьи и жил в нем, причем много мне было рассказано о его куражах и сумасбродстве. Но как бы там ни было, а в здании этом с двадцатых годов прочно осел краеведческий музей - лучший в области, да и пожалуй, один из лучших музеев провинциальной России. Здесь можно увидеть картины известных русских художников И.Крамского, К. Брюллова, И. Шишкина, П. Федотова, Т. Шевченко,

Коллекция оружия в краеведческом музее.

А. Боголюбова и других. Имеются работы западно-европейских мастеров XVI-XVIII веков - Дж. Романино, С. Риччи, Ж. Жувене, К. Стеффелар, Г. Луиджи...

Здесь имеется зал с работами художника Ефима Честнякова.

Много картин академика художника Г. Ладыженского. Почти все, что имеется в музее - это из его коллекции, которую он привез из Одессы. Тут фарфор, касвинское литьё, кузнецовское стекло, ну а коллекция холодного и огнестрельного оружия потрясет воображение любого мужчины - мечи, итальянские совны, немецкие алебарды, даги французской работы, боевые молоты, бердыши, топоры, персидские кинжалы, мушкеты, алебарды, сабли, луки, щиты, пороховницы, пистолеты и многое другое.

Кстати, легенды хранят и некоторые экспонаты. Имеется в музее картина, приписываемая художнику Ф. Гойе. Искусствоведы бьются над ее разгадкой до сего дня. В нижнем зале висят на стене турецкие часы со сценами охоты. От старожилов слышал, что тот, кто заведет их - умрет в одночасье. В тридцатых годах один из кологривчан на спор завел их и на рассвете его нашли уже мертвым, мистика это или очередной миф - не знаю. По крайней мере смельчаков проделать то же самое не находится, да и одну стрелку, говорят, специально сняли после того случая. В углу под лестницей, ведущей на второй этаж, стоит часть спиленной липы, вывезенной из Княжей Пустыни. Говорят, весь Кологривский уезд грыз эту липу - и проходила зубная боль.

Старинные часы. Музейный экспонат.

Если гость Кологрива захочет сделать себе на память фотографию городка, то один из живописных снимков полупится у пруда с видом на старый белокаменный особняк. (В одной из комнат сохранился интересный камин из белого кафеля с топкой, сделанной как рыцарский головной доспех - армэ.) Хорошие снимки можно сделать в районе гостиницы «Кологрив», а также на Верхнем Кокиле. Отсюда, с песчаного косогора хорошо видны синие заунженские дали, курчавый прибрежный ивняк, горы чистейшего белого песка и прозрачная река, делающая в этих местах умопомрачительные повороты, а в километре (если напрямик) виден екимцевский бор, напоминающий своими очертаниями лежащего гигантского медведя. Сквозь зеленые кроны сосен просматривается наверху часть красного кирпичного замка - это и есть тот самый учебный корпус Чижовского городка, а в годы советской власти - Кологривского зоотехникума. Бывая летом в райцентре, я по обыкновению заглядываю и в Екимцево. Тянет каждый раз в этот живописный уголок, чтобы посмотреть сосновый бор и редкостную аллею из столетних лип, люблю побродить возле преподавательских домов - маленьких архитектурных шедевров, что-то музейное, теплое и уютное нахожу я в этом заброшенном нынче мирке, вот уж где отдыхает душа от шума и суеты. Как-то познакомился тут с семьей Баскаковых, преподавателями зоотехникума. Хорошо у них в квартире. Высокие окна и потолок, светлая веранда, кафельная печь, которую сколько

не топи, всегда дает ровную температуру в комнатах (так уже она выложена) 19 - 20 градусов, не ниже и не выше. «Этот дом - говорил мне хозяин, Николай Васильевич, - сто лет простоял и простоит ещё столько же...» Когда сто лет назад въехала сюда первая преподавательская семья, то все условия для жизни им уже были созданы - дубовая мебель во всех трех комнатах, зеркала, посуда и даже серебряные столовые и чайные наборы. Всё было продумано. Сто двадцать лет из года в год слышались здесь молодые голоса, девушки и юноши учились. Влюблялись. Некоторые создавали потом семьи и уже их дети приезжали сюда учиться. В конце восьмидесятых зоотехникум закрыли. Преподаватели разъехались кто куда. Бывший обслуживающий персонал доживает свой век здесь.

А здания разрушаются на глазах...

В Кологриве каким-то удивительным образом уживаются и печальное и радостное. Я всегда любил рассматривать старые амбары внутри дворов - некоторые двухэтажные, с галереями, удивительной архитектуры. Ничего уже почти от этих диковинных построек не осталось. Жалы! Но вместе с тем живут в Кологриве фольклорные традиции. Дом народного творчества превратился в своеобразный музей быта кологривчан - как горожан, так и жителей деревень. Я был здесь в яркий солнечный летний день несколько лет назад, но до сего времени перед глазами - пестрые половички, загадочно-тусклый блеск самоваров, разноцветье деревенских женских нарядов, россыпи кустарных изделий из лыка и бересты, - все то, чем жил старинный городок. Есть в Кологриве фольклорный ансамбль. Есть детский кукольный театр «Ефимов ключик» и детский ансамбль «Веснушки», лауреат областных и российских фестивалей.

А чего стоят созданные из капа удивительные творения местного умельца Владимира Дмитриевича Осипова! Ничего подобного я не видел.

Все есть в Кологриве и его окрестностях для того чтобы стать заповедным местом - тут тебе и удивительный сказочный художник Ефим Честняков, и «король акварели» Геннадий Александрович Ладыженский со своей потрясающей коллекцией картин, оружия и утвари, и прелюбопытнейшая личность в российской истории Николай Михайлович Баранов, известный нижегородский губернатор, писатель Иван Касаткин, тут и заповедник «Кологривский лес» и Святая гора, на которую приходили паломники пешком за сотни километров... Тут грибы, ягоды, чистая река и чистейшие песчаные косы. Живописнейшие места! Летом туристы едут сюда на машинах,

Бор - беломошник.

спускаются с Виги и с верховьев Унжи на байдарках и плотах. Иные «дикари» предпочитают эти дивные места южному берегу Крыма, потому что здесь своя красота, своеобразная, по существу не тронутая ещё и, уж конечно, не развращенная деньгами, пороками и, скажем так, разными человеческими слабостями. Не хотелось бы думать, что время этого старинного провинциального города остановилось, как остановились когда-то диковинные часы в городском музее. Земляк кологривчан, писатель Леонид Воробьев, назвал свою землю «Край, у которого все впереди» - с таким названием вышла у него и книга четверть века назад. Немалый срок прошел с тех пор. Те, кто были в расцвете сил, уже вышли на пенсию. Многие нет. К старым проблемам новые прибавились. Есть ли выход из создавшегося положения? Что ждет город в новом веке? К сожалению, вопросы эти остаются пока без ответа...

Весь старый Кологрив знает Владимира Дмитриевича Осипова. А сам Осипов может вам рассказать о любом Кологривском старожиле.

Его квартира на втором этаже каменного дома напоминает музей янтаря, все здесь в солнечный день горит и переливается. А все дело в том, что Владимир Дмитриевич не один десяток лет бродил по лесам и искал кап. Многие, наверно, видели наплывы на деревьях, которые идут на токарные или слесарные поделки, превращаясь в руках талантливых людей в нечто причудливое и достойное восхищения. Так вот эти самые наплывы он привозил или приносил домой, на ходу уже соображая, что у него получится и из этих лесных находок, некрасивых и нелепых на первый взгляд, делал настоящие произведения искусства. На подоконнике, на телевизоре, на серванте, по углам квартиры и на столе - вообще, везде, где только можно, стоят, поблескивая или тускло светясь темным или светло-коричневым лаком, подсвечники, вазы, канделябры, подставки под цветы, ларец, этажерка, фауна кологривских дебрей - змеи, бобры, ежи, лисы, зайцы, разные фантастические животные. В большой комнате, возле книжных стеллажей, отливает янтарной желтизной круглый стол и табуретки, - тоже сделанные из гигантского капа, который «едва до дома дотащил».

Но самый любопытный уголок с его поделками - в небольшом кабинете Владимира Дмитриевича с окнами на пеструю площадку детского сада за палисадником и старую липовую рощу. На стеллаже, полки которого уходят под потолок, рядами стоят странные деревянные фигурки людей. Одни смотрят в окно, где солнце и распелась какая-то птица, другие - на полотно Ефима Честнякова (в доме несколько подлинников художника), третьи - на противоположную стену, где висят фотографии сибирской реки - там прошла солдатская молодость хозяина дома, состоял он в охране лагеря, коих десятки если не сотни были на сибирских просторах. Ну а фигурки эти стоят давно и с каждым годом «население» на полках увеличивается. Самое же любопытное то, что вся эта компания деревянных фигурок имеют своих прототипов, живших в Кологриве или близ него до недавней поры.

Одного я сразу узнал.

- Ефим Честняков?

- Да. Ефим Васильевич...

Осипов не раз с ним встречался и хорошо его знал. Да и жена Зоя Ивановна, педагог и краевед, приходится художнику дальней родственницей. Однажды я был в Илишеве, где в церкви и на кладбище поминали Ефима при большом стечении местного и приезжего народа. Когда настоятель Илишевского храма пропел литию, а на могиле испуганно и застенчиво затрепетали от легкого дуновения ветерка синевато-желтые язычки пламени

*Владимир Дмитриевич и Зоя Ивановна Осиповы -
старожилы Кологрива.*

Дрзятка свачой, у соседней голубой деревянной оградки зазвонил колокол. Владимир Дмитриевич отыскал его на задворках какого-то кологривского дома, вычистил, привел в порядок - и вот привез в подарок местной, только что открывшейся, церкви. От звона колоколов местные жители уже давным-давно отвыкли и поэтому все были приятно удивлены, слышая его, - и ещё более удивлялись щедрости человека, позволившего себе делать такие - подарки во времена, когда всё продается и покупается, особенно цветной металл.

Продолжая осматривать ряды деревянных скульптур, я снова остановился возле одной.

- И этот старичок мне больно уж знаком...
- Как же! Петруха!
- Точно!

Петрухой, а ещё чаще «кудесником» в Кологриве звали Петра Николаевича Смирнова, сына лесопромышленника, знатока местной старины, бессребреника и философа. Он вел довольно странный аскетический образ жизни. До глубокой осени, почти до самого снега ходил по городу босиком. Одевался более чем просто и если бы вот так появился в другом городе, то, по всей видимости, его бы приняли за бродягу. Но этот «бродяга» писал статьи в «Ботанический журнал» Академии наук

СССР и иногда его там печатали. (Однажды он мне сам показал одну публикацию.) Петруха (не знаю уж как часто) переписывался с племянницей художника Г.А. Ладыженского доктором физико-математических наук, почетным академиком нескольких стран мира Ольгой Александровной Ладыженской, которая до сего дня живет в Петербурге. Зная его склонность к философии и естествознанию, а также образ его мыслей можно только догадываться, о чем шел разговор в этой переписке, продолжавшейся многие годы. Петруха не закончил курс гимназии в Кологриве, потому как её сразу же после революции закрыли. Но тем ни менее прекрасно знал математику, ботанику, неплохо рисовал, играл на сцене, имел феноменальную память и мог часами рассказывать мне о быте и нравах старого Кологрива. Он получал совсем маленькую пенсию, на которую невозможно было прожить (каждое лето он собирал в лесах лекарственные травы и сдавал в аптеку, но денег не брал, говоря обычно: «Мне природа бесплатно это дает...») и приятель его, директор средней школы, предложил ему должность столяра, выделив подсобку в деревянном доме у дороги. Однажды я заглянул к нему в закуток, где вечно пахло столярным клеем и стружками, лежали доски, различные наглядные пособия, стояли, прислоненные к стене портреты ученых, которые он сам нарисовал и красочные стенды «Знай свой край». (Любопытно, что под каждым рисунком растения была ещё подпись на латыни и он ревниво следил, за тем, чтобы ребята, разговаривая при нем о растениях обязательно называли их на латыни. Сам же он латынь знал великолепно и нередко в разговоре со мной цитировал Цицерона, Овидия, Сенеку и, видя, что я хлопаю глазами при этом, улыбнувшись, переводил на русский.) Так вот в этот раз я увидел его шкаф битком набитым книгами. Кожаные корешки за стеклом тускло отливали золотом, я пробежал глазами по полкам. «Вселенная и человечество» в пяти томах, «Жизнь животных» Брема в десяти томах! «Жизнь растений» Кернера. Книги Реклю, Ранке, Гумбольта, а на нижних полках роскошнейшие многотомные фолианты Шекспира, Шиллера, Гоголя, Байрона, Пушкина, Мельникова-Печерского и т.д. «Откуда это у вас?! - не удержавшись, воскликнул я. Петруха словно бы растерялся от моего вопроса. Курил свой самосад (он всегда свертывал из старой газеты «козью ногу», а поскольку на губах у него постоянно были крупинки табака, то он имел привычку при разговоре то и дело щелкать языком и губами: «Тп-тп-тп...») и смотрел в окно. А потом я узнал от него, что совсем недавно чистили школьную библиотеку и в соседнее помещение с его камеркой свезли около четырех тысяч томов старых книг с печатью «КМГ» - Кологривская мужская гимназия. В стопках лежали сотни книг по истории, географии, естествознанию, искусству, тысячи томов художественной

*П.Н. Смирнов. Его называли
Петруха или Кудесник.*

литературы от Гомера до Шеллера-Михайлова. Ждали грузовую машину, что бы отвезти всё это на Александровскую фабрику под Костромой - сдать в утиль.

Петрухе вменили в обязанность присматривать за лежащими на полу стопками. А он, вытаскивая то одну, то другую книгу, вдруг попал в свое гимназическое детство. (Преподаватель географии, например, прежде чем поставить оценку гимназисту, интересовался, какие книги по этой теме он прочитал в библиотеке.) За всю свою жизнь Петруха никогда не брал чужого. Но когда в руки ему попали Павленковские издания из серии «Жизнь замечательных людей», которыми он зачитывался в гимназии - всё, не мог он допустить такого варварства, чтобы все это пошло в макулатуру и перетащил часть книг к себе в закуток, забросал стружкой, а когда грузовик с литературой уехал, то кое-что перенес домой, а фолианты в кожаном переплете с золотым теснением оставил в закутке, чтобы под рукой были, в часам размышлений и отдыха. Впоследствии, когда я появлялся в Кологриве и бивал у него, он то одну книгу даст мне, то другую, в зависимости от темы нашего с ним разговора, и таким образом уже в семидесятых годах я прочитал русских философов Владимира Соловьева, Константина Леонтьева, Николая Бердяева, затем Фридриха Ницше, Артура Шопенгауэра и прочее - те самые книги, которые находились в областной

библиотеке за семью печатями, которые не выдавались без особого на то разрешения. Я знаю, что Байрона, Шиллера, Вас. Немировича-Данченко (брата известного режиссера), Боборыкина - и т.д. он тоже подарил одному костромичу. Ему доставляло удовольствие что-либо дарить. Однажды мы проговорили, с ним почти до утра, уже начало светать. Он вышел на крыльцо, потом походил босиком по росе возле дома, рассказывая мне о солнечно-земных связях и о А. Чижевском. Я устал. Он нет. И в полдень уж повел меня посмотреть на вырубку в лесу, показать, как по-варварски относится местный леспромхоз к своему делу. (На обратном пути рассказал о заготовке леса до революции, о штрафах, которые платили лесопромышленники за свою небрежность, восстановлению лесов в уезде.)

Как-то я приехал в Кологрив, заглянул к нему - дверь заперта, зашел домой, говорят - третий день обитается в лесах, в школе у него возник конфликт: оказывается явился поболтать он к своему дружку-директору в кабинет, ну и как всегда босиком, а у того в это время сидел важный чиновник из Костромы. Рассерженный чиновник выгнал Петруху из кабинета, а тот проявил строптивость и как потом не уговаривал его директор остаться в школе - хлопнул дверью и ушел.

Нынешние ученики уже не знают так хорошо флору области, как во времена Петрухи. И, конечно же, на латыни не говорят...

Вот такой «кудесник» жил в Кологриве и продолжает теперь стоять в виде деревянной небольшой скульптуры на полке стеллажа в комнате Владимира Дмитриевича Осипова.

- А это кто? - поинтересовался я и показал на мужчину с гармонью и рыбой.

- Барабошинский зять из Ифтина, - был мне ответ. - По кличке Леха Береговой. А на самом, деле Алексей Кузьмич Кузьмин.

- И чем же он примечателен?

- Оригинал был большой. Пришел к зажиточному крестьянину из деревни Вонюх - Барабошину. А тот чай из блюдечка пьет. Долго смотрели друг на друга и молчали. Наконец, Барабошин не вытерпел. «Ты чего стоишь, в косяк-то уперся?» - спрашивает. «Свататься пришел...» - отвечает тот. «Чего-о-о?» «Свататься пришел за вашу дочь...» Парень он был здоровый и смелый. А Барабошин ему и говорит: «Ты бы, парень сначала себе на штаны да на сапоги заработал.» «Так, а где я заработаю?» «Ну, так иди ко мне на сенокос!» За это время узнал Барабошин своего будущего зятя в работе. Понравился он ему. Справил парню штаны и сапоги. А по осени Леха женился на Марии. Был он прекрасный гармонист. Певец и танцор. Если в Вонюхе где поют - значит там Леха с гармонью. Время в кологривских деревнях летит на удивление быстро. Не заметил Леха, как старость пришла. Забрала его

Дочь в большой город. Ничего он не взял с собой - только одну гармонь. Как загрустит ому - а грустил он довольно часто - так брал в руки гармонь и играл в своей квартире. Дочь каждый раз напускалась на отца: «Перестань! Стыдно перед людьми...» А Леха Береговой понять ничего не может. «Чего стыдно-то? В деревне играл - не стыдно. Всем нравилось. А тут...» «Да потому, что это тебе не деревня, а город!» - пыталась, вдолбить ему простую истину Анна Сидориды, не вытерпев дочерней осады, взял под мышку гармонь и ушел на окраину Костромы, нашел завалинку у какого-то дома, сел, заиграл и запел, собрал вокруг себя большую толпу. Дочь, конечно же, узнала об этом, устроила ему сцену. Сдался тогда старик. Отправил свою гармонь в Вонюх, Саньке Шматову, тоже гармонисту. Письмо положил в посылку: «Санька, играй, пока играет. А мне тут не дают. Всё им стыдно да неудобно. Ну, их к черту! Играй и поминай меня...» А адрес на той посылке был прост: «Костромская область, д. Вонюх, Саньке Шматову...» И представляете себе - не затерялась посылка, пришла, к адресату. Во времена были! Да?

• Значит, рядом с ним на полке Шматов?

• Нет. Это бригадир Савинич. Всегда в лаптях ходил, хотя хромовые сапоги дома лежали. А Саньки Шматова тут ещё пока нет. Не сделал.

И юм ни менее старый Вонюх, который уже сошел в могилу, почти весь сидит в комнатке Владимира Дмитриевича. Если б кто-то из них был жив и заглянул сюда, то без труда бы узнал бабу Вовну, Симу Багранову... - и не было бы, наверно, конца удивленным возгласам и радости от приятного общения с прошлым. В мечтах же у В.Д. Осипова сделать ещё несколько деревянных скульптур кологривчан, с коими связывала его судьба. И в первую очередь известного здесь в середине пятидесятих годов пианиста и театрального режиссера Константина Ивановича Козлова.

Я знал его. Это был удивительный талант.

Козлов имел абсолютный слух.

Услышав по радио новую песню, он мог тут же проиграть ее, а затем брал в свой репертуар, когда выступал на сцене. Я не видел, чтобы он когда-нибудь играл по нотам. Только на слух! Он подрабатывал в Кологривском детском доме, где я в то время воспитывался, создал из детдомовцев прекрасный хор и играл у нас на всех вечерах. Был он сухощав, подвижен, ходил в гимнастерке, туго перетянутый офицерским ремнем, в галифе и в хромовых сапогах, всегда до блеска начищенных.

Любой концерт в детдоме с его участием превращался в праздник. Ну а вообще культурная жизнь Кологрива начала пятидесятих годов, мне кажется, держалась на двух китах: Борисе Ивановиче Проклове, необыкновенно даровитом человеке с барскими замашками и на Константине Ивановиче. Иногда казалось, что они несколько ревнуют друг к другу и соперничают. Б.И.

Проклов был директором дома культуры и руководил драматическим коллективом. Не знаю, то ли Кологрив имел выдающегося режиссера в его лице, то ли столько сразу явилось талантов, но играли роли так, словно это были актеры, приглашенные из столичных театров. Не меньше! А ведь были тут врачи, учителя, продавцы, партийные работники и все тот же Петруха. (Надо сказать, что чувство товарищества в ту пору преобладало над чванливым чиновническим духом, летом на стадионе во время футбольного матча можно было услышать как слесарь, стоявший в воротах, ругает почему зря секретаря райкома партии, который замешкался и упустил мяч.) Б.И. Проклов ставил многоактные спектакли. Его «Семья» по пьесе драматурга А. Попова с богатыми декорациями и великолепной игрой актеров, произвела в старинном городе фурор. (Правда, на генеральной репетиции чуть было не разразился скандал, который мог бы печально закончиться для Б.И. Проклова. Он был горяч и темпераментен, а актер, играющий молодого Ленина не так вышел или не так сел - режиссер вскочил с места и устремился к Володе Ульянову. Отчитал его и поддал коленом под зад. «Пошел снова!» Зал притих. В первых рядах сидели представители из области, принимающие спектакль об Ильиче. А тут такое! Молодого Ленина, говорящего слова о будущей революции - коленкой под зад! В первых рядах было небольшое замешательство, а может и шок, но, слава Богу, все обошлось. Из уважения к таланту режиссера или, не желая срывать уже готовый спектакль - а позднего Ленина играл сам Проклов - о выходке режиссера решено было умолчать. Тогда еще был жив Иосиф Виссарионович...) О спектакле говорили не только в Кологриве, но и в Костроме. А это задело тщеславие Константина Ивановича Козлова. И не прошло трех месяцев, как он поставил спектакль по пьесе А. Арбузова - «Таню».

Постановка потрясла кологривчан!

Женщины в зале рыдали.

Артистов долго не отпускали со сцены!

Ободренный внезапным успехом К.И. Козлов вдруг возмечтал о большей славе, собрал небольшой чемодан и отправился завоевывать Горький. До городка дошли слухи, что он работает помрежем в драматическом театре, потом перешел в цирк и стал заместителем директора, у кологривчан перехватывало дыхание от успехов земляка!

И тут он вернулся. Совсем тихо и без помпы. Пополз по городу слухок, что его выставили из цирка. Как многие талантливые русские люди Константин Иванович страдал запоем. В Кологриве это знали и снисходительно относились к его слабости. К.И. Козлов, вернувшись домой, как и прежде принялся музицировать в детском доме, но спектаклей, кажется, уже не ставил. Бывшие детдомовцы, которые давно уже вышли на пенсию, помнят чудесные музыкальные вечера в большом зале на втором этаже, и холеные

пальцы пианиста, проворно бегающие по клавишам - многих сирот и беспризорников приобщил он тогда к музыкальной культуре.

Кстати, я поинтересовался у Владимира Дмитриевича, не знает, ли он, куда подевался прекрасный детдомовский рояль? В чьи руки он попал. Я услышал драматическую историю. Этот музыкальный инструмент после расформирования детдома долго лежал без ножек во дворе у склада. Пианиста в это время не было в городе, а когда он вернулся, то, отыскав в густой траве рояль, перевез его на подводе домой и поставил в комнате на чурбаках. Сам настроил инструмент и через месяц-другой из открытых окон Константина Ивановича слышались мелодии Шуберта, Брамса, Дунаевского и Мокроусова, последнего он, кстати, очень любил. Мало кто знал в Кологриве, что этот старый рояль принадлежал когда-то отцу Константина Ивановича - богатому местному купцу и лесопромышленнику, почетному попечителю богадельни им. Д.М. Звонова (в этом здании потом и находился детдом) Ивану Васильевичу Козлову. Ему принадлежала в городе скобяная торговля и два красивых белокаменных особняка на торговой площади. (В одном теперь находится городская администрация.) По наследству от отца рояль перешел к его сыну, потом был экспроприирован и нашел приют среди бездомных детей. А после смерти пианиста в шестьдесят втором инструмент выбросили в сарай, а потом увезли на свалку.

Ну а судьба деревянных скульптур кологривского умельца В.Д. Осипова сложилась более счастливо. Кое-что находится в частных коллекциях кологривчан и увезено в другие города России. Что-то осело в Костромском музее изобразительных искусств, и вот здесь, в квартире - тоже своеобразный музей, служащий как бы дополнением к краеведческой деятельности самого Владимира Дмитриевича и его жены Зои Ивановны, которая опубликовала на страницах местной газеты немало статей по истории кологривского края и его людей.

Чего только не встретишь на чердаках старых кологривских домов. Об одной из находок я и хочу вам рассказать.

Посмотрите, пожалуйста, вас это не заинтересует?
Татьяна Ягодкина, заведующая отделом Кологривской районной газеты, достала из ящика своего стола небольшую картонную коробку с дореволюционной этикеткой, и положила передо мной.

Чувствовалось, что коробка тяжелая, словно в ней был свинец.

Открыл и увидел черные фотопластинки негативов.

- Откуда это у вас?!

- Из дома Ладыженского. С чердака. Недавно нашла. Там их много.

- Но ведь дом художника Ладыженского сгорел.

- Да. Сгорел дом, в котором жил Геннадий Александрович. А рядом стоит ещё двухэтажное деревянное здание. Оно тоже принадлежало Ладыженским...

- Вот как? Я этого не знал.

Стал перебирать негативы. Все они были переложены пожелтевшими листочками папиросной бумаги, большинство негативов хорошо сохранилось. Качество их было неплохое и было видно, что снимки любительские и фотограф на заре прошлого века не в полной мере владел техникой съемки.

- Я принесла только одну коробку, - сказала Таня. - А там их много лежит.

- На чердаке?

- Да.

Просматривая фотопластины на свет, увидел гимназистов из Кологривской мужской гимназии и учащихся чижовского училища, семью священника из Княжей Пустыни (определил по знакомому пейзажу), старушек из богадельни, купца с любопытством и хитрецей смотрящего в объектив, строительство белян на берегу Унжи, заготовка лыка в лесной чаще... Судя по одежде людей, по домашней утвари, по интерьеру комнат в домах решил, что снимки относятся к годам, предшествующим Февральской революции. Поинтересовался, кому теперь принадлежит дом. Оказывается, на первом этаже живут, а весь второй этаж пустует. Прежде там жила Анна Ягодкина, родственница моей собеседницы. После Ладыженских дом этот продавался и перепродавался, и теперь несколько просторных и светлых комнат второго этажа ждали нового покупателя. Большие окна выходили на заросший глубокий овраг, где бежит речка Киченка и на пруд. Сквозь мелкую майскую зелень просматривался за прудом старый белокаменный особняк, некогда принадлежавший помещику. Обратил внимание в комнатах на медные ручки - тоже напоминание о старине. Как и громоздкий сундук, одиноко стоящий в углу.

По крутой лестнице поднялся на чердак.

Не знаю, когда в последний раз ступала сюда нога человека?

По-моему, кроме Тани (она родственница А. Ягодкиной) здесь никто не ходил уже много-много лет, а ещё точнее - десятилетий. В таинственном сумраке, который как стрелы пронизывали синеватые лучи дневного света, я увидел разобранный дубовый письменный стол, обтянутый полуистлевшим зеленым сукном, чернильный прибор из серого мрамора, женский зонт, под которыми ходили дамы где-нибудь в Ницце или в Ялте ещё до первой мировой войны, причудливое кресло в стиле модерн, дивного вида самовар, который можно теперь увидеть разве что в музее, настольная

керосиновая лампа с зеленым стеклянным абажуром, несколько чашек из чайного сервиза и столовая ложка из серебра, пустые винные бутылки необычных форм и многое другое. У закрытого чердачного окна с щелью, через которую проникало, тонкое лезвие солнечного света, лежали на столике реторты и колбочки, какие-то химические препараты, а чуть в стороне - стопка картонных коробок с негативами. Осторожно, чтобы не поднимать пыль, добрался до столика, открыл одну коробку, потом другую - стекло было в прекрасной сохранности. На скамье в зеленом дворике стал просматривать негативы на свет - и передо мной предстала жизнь Кологрива прошлого века. Потом мне сделали фотографии. Странные чувства испытывал я, глядя на них: люди, которых уже давным давно нет на белом свете, неожиданно явились откуда-то из пыльного чердачного хаоса, и ты, не знавший об их существовании, начинаешь с ними знакомиться, видишь их быт, угадываешь их характеры и настроение, когда они смотрели в объектив деревянной камеры.

Кто они, эти обитатели дома Ладыженских? Спрашивал у многих в Кологриве и никто толком мне не мог ответить. Однажды услышал фамилию Урбанович. Сказали, что Любовь Петровна Урбанович работала фотографом в КБО, а её отец был сначала директором зоотехникума, а потом учительствовал в той самой средней школе, где математику преподавал Александр Иванович Ладыженский, первый владелец дома. Разыскал Любовь Петровну (в Кологриве разыскать кого-либо совсем

несложно.) От неё узнал немало любопытного о жизни горожан в тридцатых годах, о ее семье и в том числе о Ладыженских, заинтересовавших меня. Мы сидели в просторной комнате с высокими потолками и высокими окнами (дому 120 лет и сложен он из лиственницы «гвозди в стену вбиваешь, и искры летят»), хозяйка угощала меня чаем с вареньем и показывала мне фотоальбомы.

- Это отец со своим классом...

- Какие хорошие лица у ребят, - отметил я.

- Да. - она придвинула к себе фото. - А вот эта красавица с косой - Оля Ладыженская. Теперь она член-корреспондент Академии наук. Недавно прислала мне письмо. Мы переписываемся многие годы. Хотела побывать в Кологриве, но пригласили на какую-то конференцию ученых в Париж...

- Очень красивая девушка. Высокий лоб...

- Из троих дочерей Александра Ивановича Ладыженского - Марии, Татьяны и Ольги - именно ей предсказывали большое будущее. Она уже в пятом классе знала высшую математику. В пятом!

- Невероятно!

- И вот такой талант в тридцать седьмом хотели загубить...

Я узнал, что отец её Александр Иванович Ладыженский принадлежал к богатой купеческой семье, которая имела в центре Кологрива несколько домов. В революционное время все они сгорели. Сам же Александр Иванович был офицером русской армии. Под Ревелем, где стоял его полк, он познакомился с красавицей эстонкой, влюбился в неё. Чуть позже она стала его женой. Вернувшись в Кологрив, он поселился с семьей в двухэтажном деревянном особняке у Киченки. Но жили здесь недолго, дома богатых людей национализировались. Пришлось семье поселиться в маленьком домишке. Он учительствовал в средней школе до 37-го года. Однажды он не пришел на урок. В этот же день стало известно, что его арестовали и повезли под конвоем в Горький. А через неделю в НКВД пригласили классного руководителя Петра Алексеевича Просекова, отца Л.П. Урбанович, посадили за стол и подвинули лист бумаги с текстом письма, в котором говорилось о том, что ученица школы Ольга Ладыженская ругает большевистскую партию и настраивает учащихся против Советской власти, то есть занимается контрреволюционной деятельностью. Под письмом стояли две подписи - директора школы и учительницы. Требовалась третья подпись - классного руководителя. Этого было достаточно, чтобы лучшая ученица школы была арестована. Петр Алексеевич прекрасно понимал, что начальник НКВД Романов хочет выслужиться перед горьковским начальством, сфабриковав письмо против его ученицы. Но как могли подписать его педагоги, с которыми он каждый день встречался, разговаривал, шутил? Ведь

это ложь! Клевета! Петр Алексеевич бросил ручку на стол и сказа, что подписывать это письмо не будет. Его уговаривали. Ему грозили. Он стоял на своем. Он не будет губить жизнь девушки, ради собственного благополучия. Всё! Его обрабатывали всю ночь и только в четыре утра отец, вернулся домой. Обо всем рассказал жене. Она испуганно вскрикнула: «Мы же все погибнем!» «Пусть. Зато умрем честными людьми!» - устало ответил ей муж. Так и не было заведено дело на Олю Ладыженскую. НКВД, привыкнув к трусости людей, вдруг споткнулось о твердую волю и мужество обыкновенного школьного учителя. Это редко бывало в те дни. Обычным было явление, когда, спасая себя - топили других, даже своих родных и близких...

Время берет своё. О П.А. Просекове уже почти никто не помнит в Кологриве. Память о нем берегут лишь родственники, да ученая Ольга Александровна Ладыженская, навещающая иногда свой родной город.

Ну а кологривские чердаки до сих пор полны ещё самого различного антиквариата. П.Н. Смирнов показывал мне дом, где на чердаке хранятся многотомное роскошное издание «Живописная Россия» и другие книги издательства «Просвещение». А на чердаке одного из деревянных особняков на улице Трефолева лежат связки писем, как мне говорили, присланные жителем Ново-Архангельска на Аляске, своему кологривскому родственнику. В этих письмах свидетельства очевидца о продаже Русской Америки в 1867 году и о том, как покидали американские берега русские люди. И по-прежнему волнует умы краеведов судьба библиотеки и архива из катенинской усадьбы Шаево, исчезнувших по пути в Кологрив. Может быть, часть этих культурных сокровищ до сего дня пылятся на каком-нибудь чердаке и ждут своего следопыта?

В просторном и солнечном зале Кологривского краеведческого музея увидел однажды небольшой этюд, написанный маслом, который назывался, если мне не изменяет память, «Святой колодец». Написал его художник Геннадий Александрович Ладыженский. Ничего особенного в этом этюде, пожалуй, и не было - старый колодезный сруб на склоне горы да лес на заднем плане. Время - середина лета. Знойный день. Но что-то заставило меня несколько раз обращаться к этому полотну. Я поинтересовался у хранительницы, где написан этюд. Она пожала плечами: «Наверное, где-нибудь в окрестностях Кологрива...».

И только позднее, через несколько лет, директор музея милейший Василий Васильевич Хробостов, показывая мне некоторые работы художника из запасников, положил передо мной на стол три литографии под тонкой прозрачной бумагой. Я приподнял лист и увидел пейзаж, от которого долго не мог оторвать взгляд. То было какое-то фантастическое видение, напомнившее мне сказочный мир декораций Александра Бенуа. Представьте себе огромную гору, поросшую девственным лесом, и с просекой посередине, которая спускается к речке. На вершине горы белой свечой встала церковь. Внизу, рядом с монограммой художника «ГЛ», то есть Геннадий Ладыженский, была подпись: «Св. Гора».

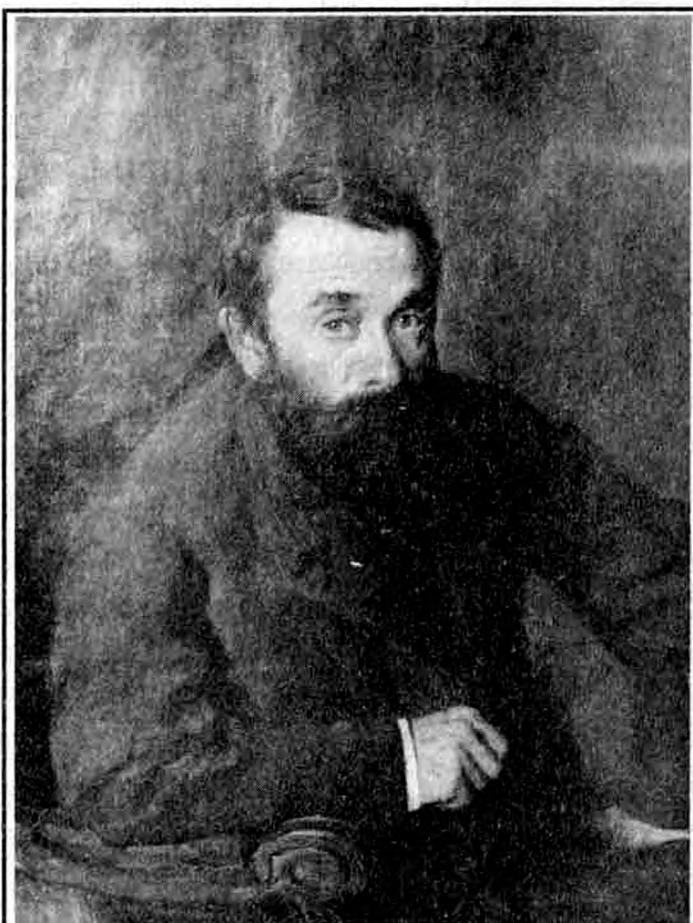
На другой литографии был «Общий вид» - приютившаяся в лесных дебрях обитель с двумя церквями - деревянной и каменной, с большим домом священника. И все это под сенью старых лип. На переднем плане глубокий овраг, чистый, без единого деревца, увенчанный наверху длинной белой оградой.

И, наконец, я стал смотреть последнюю работу художника. В глаза сразу же бросилась подпись: «Св. колодезь». Рисунок прост. Небольшая избушка под горой, тропа и двое паломников, идущих по ней к колодцу. Оказывается, работы эти художник писал в двадцати верстах от древнего Кологрива, в не менее древней женской обители Княжая Пустынь.

Спустя несколько лет я побывал в Княжой Пустыни, бродил по Святой горе в одиночестве, ибо последний житель покинул эту деревеньку лет семь назад. Люди появляются тут лишь во время сенокоса, в ягодную и грибную пору - грибов здесь тьма-тьмушая. Можно смазать, что я ходил по стопам художника с разницей по времени в семьдесят с лишним лет.

В ту пору здесь была жизнь. Приезжая сюда, Геннадий Александрович останавливался в доме священника. С виду дом этот был крупный, с маленькой мансардой, но внутри - анфилада небольших комнаток, чистеньких и уютных. Из средней комнатки лестница вела вверх - в светелку под крышей. В летнюю пору большие окна двух залов всегда были открыты. На подоконниках стояли цветы. Отсюда был вид на церкви и на деревеньку за оврагом. Поработав

несколько часов, художник возвращался в дом священника, где гостеприимная хозяйка быстро накрывала стол. Вечер он проводил в долгих беседах со священником, а на ночь обязательно читал. Хотя в доме была небольшая библиотека, Геннадий Александрович всегда привозил книги или свежие журналы с собой. Эта женская обитель близ Кологрива привлекала его своей неповторимой красотой и неожиданными открытиями. То он встретит и разговорится с интересным паломником, пришедшим сюда пешком аж из Великого Устюга, то вдруг

Художник Г.А. Ладыженский.

дочка священника, семнадцатилетняя барышня, сняла головную боль, приложив к его лбу белый круглый камень, найденный прямо при нем в ручье святого потока. А как-то при зубной боли он попробовал грызть кусочек липы, что росла возле церкви, - и помогло, боль прошла.

Вообще, дивная эта Святая гора, подземные соки ее таинственны. Люди идут сюда пешком за сто, а то и за триста верст, идут не только здоровые, но и калеки или духовно немощные, подбирают внизу у реки Княжой камни, да ищут побольше, потяжелее, и несут вверх, к храму, снимая таким образом с себя земные грехи. Иной тащит на себе камень по крутизне с утра до заката солнца и потом стоит наверху с просветленным лицом, смотрит на оранжевое небо над лесными гривами, и усталости нет - все как рукой снимает.

Приезжая сюда, Геннадий Александрович тоже иногда чувствует себя паломником, все здесь к этому располагает. Несет камень от реки вверх, а потом пьет воду из святого колодца. Слышал, что, и вода здесь лечит, ломота в суставах проходит, всякую гадость сводит с больного лица. В минуты душевного смятения и хандры, когда он еще жил в Одессе, художник часто возвращался в мыслях в родной Кологрив и в Княжью Пустынь, а во времена

острых душевных кризисов даже подумывал поселиться рядом с обителью. От этой мысли легко становилось на сердце...

Любопытно, что кологривцы, где бы они не жили всегда с грустью и нежностью вспоминают и о своем городке, и о прозрачной унженской воде. Их всегда тянет домой. Шестнадцатилетним юношей покинул Ладыженский городок на Унже и определился против воли родительской (отец у него был мелкий чиновник из дворян, занимавшийся купеческой деятельностью) вольноприходящим учеником в Петербургскую Академию художеств. Жил впроголодь, ночевал в литейно-дворской казенке и спал на холодном полу, беря для тепла собачонку. Отец не помогал.

Всего молодой художник добивался сам. Он учился на живописном отделении у М.К. Клодта. Работал много и с увлечением. Его можно было видеть на вечерах у И. Крамского. (Знаменитый художник написал портрет Г. Ладыженского, и его теперь можно увидеть в Кологривском краеведческом музее). Ну а в 1882 году молодой художник появляется в Одессе, где начинает преподавать в реальном училище рисование. Характер у Геннадия Александровича был нелегкий. Но, тем не менее, он быстро сходится с талантливыми людьми. Переписывается с художником В. Орловским, знакомится с маринистом Р. Судковским, с профессором Н. Кондаковым. А в его классе в художественном училище учатся Л. Пастренак (в будущем отец поэта Б. Пастернака), Б. Иофан, который в 30-х годах стал автором проекта «Дворца Советов» в Москве...

Солнечная, красивая Одесса производит на Ладыженского приятное впечатление. Он впервые увидел море. Но все чаще начинает обращать его взгляд на привезенные с собой из Костромской губернии этюды. Их немало: «Лесной ручей», «Барки с лесом», «Сенокос», «Рожь после дождя» и т.д.

Летом 1891 года вырвался в Кологрив и все дни пропадает на пленэре, пишет кологривские уголки - проселочную дорогу в лесу, боры-беломошники. Дикий и такой милый сердцу край. На выставках его картины пользуются успехом. Вроде бы и на работе все хорошо, но постоянно чувствует какую-то неудовлетворенность собой.

Съездил в Турцию. Привез оттуда пейзажи. Но все не то... Близкие стали замечать за ним странности. Он замкнулся в себе, раздражался по поводу и без повода, стал желчным, чего раньше за ним никогда не замечалось. Ему предлагали участвовать в выставках. Он отказывал. Но весной 1899 года сам предложил устроить свою выставку в 5-й одесской гимназии, решив отдать доход в пользу нуждающихся учеников. И опять странность: картины решил экспонировать всего один день, и публика приглашалась только по пригласительным билетам. С большим трудом общественность уговорила

его пускать в залы и публику постороннюю. Он сделал и еще одно снисхождение - выставка была два дня. Но и за это время посмотрели ее сотни одесситов. Экспонировались кологривские пейзажи, окрестности Константинополя, Босфор, виды Крыма и Кавказа и многое другое.

Через год художник снова появился в Кологриве. К знаменитому живописцу пожаловал известный в городе купец Д.М. Звонов. Заказал свой портрет. (Он выставляется время от времени в кологривском музее. Купчина сидит в темно-синем мундире с золотыми пуговицами, воротник расшит, бросается в глаза красная орденская лента. В руке тетрадь, и палец между страниц. Я просматривал как-то эту амбарную книгу купца - вся она испещрена цифрами прихода-расхода. Купец умен. Это видно по глазам. И знает себе цену). Так вот, этот портрет Звонову не понравился. Смотрел, смотрел и хмуро произнес: «Плохо рисуешь». Ладыженский вскипел: «Каков есть, такого и написал...». На том и расстались. Он увез картину в Одессу.

Вся Одесса знала о богатейшей коллекции, которую собрал Ладыженский за тридцать лет жизни в этом городе. Чего в ней только не было. Старинное оружие из многих стран мира, фарфор, картины разных знаменитых художников и многое другое. Антиквары приходили в восторг от увиденного. В местном музее думали, что он поделится своими сокровищами. Но не тут-то было. Выйдя в отставку, Ладыженский уехал в Кологрив, холодно распрощавшись со всеми и забрав с собой всю коллекцию. Он решил создать в городе художественный музей. Но местное земство не проявило в этом отношении энтузиазма, и коллекция была разбросана по всем комнатам дома Ладыженского. (Недавно этот дом сгорел. Здесь было райпо. А коллекция после революции находится в музее).

Художник много пишет и много ездит по окрестностям. Но время от времени чувствует потребность отправиться в Княжью Пустынь. И тогда велит закладывать лошадь - и уезжает на несколько дней. Здесь к художнику приходит спокойствие, которого он ищет...

Теперь я иду по той же самой песчаной дороге, которая круто поднимается вверх. По бокам дороги свечами стоят можжевельники. Шумит свежий ветерок в высоких кронах сосен. Высохшая сосна, современница Ладыженского, прислонилась к высокой здоровой сосне и поскрипывает на ветру. Жалуются. В сгнившем круглом скворечнике уже не живут птицы. Я долго стою возле дома священника. В проемы окон вижу нагромождение рухнувших бревен. Кругом труха и горы мусора. В бывшей зале растут молодые березки. А из светелки свисает вниз каким-то чудом, сохранившийся здесь полуистлевший половичок. Жизнь ушла из этих святых мест. И только внизу, в чащобе, где сливаются в овражке три святых потока, по-прежнему висят на деревьях иконки и белые тряпочки - паломники еще приходят сюда, в святой и дикий русский край...

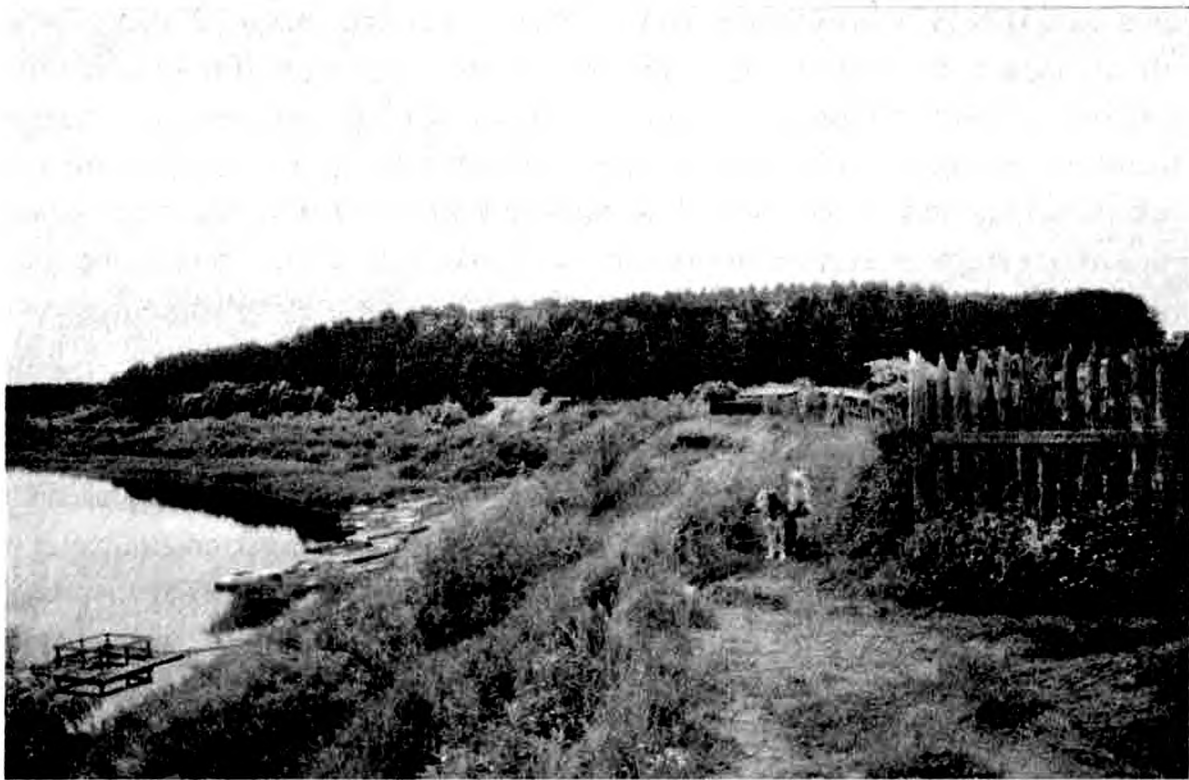
Однажды, отдыхая летом в Кологриве, я вернулся с Унжи и сказал хозяйке дома, что был в Екимцеве, а обратно перешел реку вброд, около кладбища. Она побледнела и, глядя на меня, будто я с того света явился, сказала, что в этом месте никто не купается, потому что тут воронки и ямы, а может, и еще что-то - и уже много людей утонуло тут на ее веку - на Верхнем Кокиле. Причем тонут не по пьянке, не сердечники, а здоровые молодые люди. И она привела мне самые последние примеры: утонул солдат, купаясь вместе с друзьями на противоположном берегу. Попал в яму. Его сразу обнаружили. А другого утопленника смог достать лишь водолаз, да и то не сразу, потому что тело течением занесло в подводный грот.

Старожилы города утверждают, что Верхний Кокиль собирает урожай своих жертв с завидным постоянством. Но, несмотря на это, с полным основанием могу сказать, что этот унженский берег, пожалуй, один из самых живописных, самых загадочных и таинственных на всей реке. В примечании к лоцманской карте реки Унжи написано: «Кокильская излучина является сложным для плавания участком. На перекате Верхний Кокиль действует прижимное течение к левому берегу. При высоких уровнях воды суда и плоты затягивает на левобережную пойму...» Река в этом месте делает два крутых поворота, и на лоцманской карте этот участок напоминает латинскую букву «S».

Когда весной буксиры ведут с верховьев плоты, то в этом месте их всегда поджидают аварийные команды на катерах - и днем и ночью. Кокильские повороты, наверно, сняты потом сплавщикам в самых страшных снах. Но зато летом здесь благодать - тут и там стоят рыболовы, а однажды при мне за какие-то двадцать минут удачливый мужик поймал с лодки пять здоровенных щук - аж обалдел от такого улова.

Однако я предпочитаю посидеть в вечерний час на закате солнца под песчаным крутояром на какой-нибудь перевернутой лодке - такой успокаивающей тишины и покоя, как здесь, вряд ли где еще сыщешь. В каком бы растревоженном состоянии не пришел сюда, в тоске, печали или в злобе на кого-нибудь, - здесь, на Верхнем Кокиле, все это куда-то улетучивается, приходит чувство радости, умиротворения. Причем я спрашивал здесь приезжих (в Кологриве много отдыхающих из обеих столиц, Мурманска и других городов России), что они испытывают на берегу Верхнего Кокиля. Ответ был один и тот же - покой, ощущение расслабленности, безмятежности, радости, идиллии. Не надо пить валерьяну после семейного раздора - приходи сюда и через несколько минут будешь пребывать как в нирване. Это знают многие кологривчане.

Кстати, совершенное равновесие духа придает здесь собирание камней, а также аммонитов с остатками лилово-розового перламутра, беллерафона,

Верхний Кокиль. Раннее утро.

белемкита (или как мы в детстве называли «чертовых пальцев»). Здесь под песчаным обрывом находится выход пород юрского периода, то есть, сидишь или ходишь по окаменелому миру, который существовал на Земле 180 миллионов лет назад. Странно, но такое же ощущение спокойствия приходит к тебе в Бурдове - это еще несколько километров выше по Унже, там тоже выход пород Юрского периода

На расстоянии нескольких сот метров от берега Унжи, на вершине горы, в сосновом бору приютился обветшалый уже Чижовский городок, построенный сто с лишним лет назад на средства ученого и мецената Федора Васильевича Чижова. До революции здесь было техническое сельскохозяйственное училище, а потом, в советское время, - зоотехникум. Уже лет десять или даже больше как он закрыт. Но люди в городке продолжают жить. Во многих квартирах здесь можно увидеть необыкновенной красоты и довольно больших размеров раковины аммонитов. Их находят совсем рядом, в русле лесного ручья, который пересыхает в жаркое лето. Сухое русло обманчиво. В ином месте ступишь и по пояс провалишься в смесь из ила и раковин.

Я бродил вдоль ручья под пологом мощных папоротников. Один раз лучи солнца, пронизав густую листву над головой, высветили крупную раковину какой-то сложной конструкции. Я снял верхний ребристый диск и застыл в изумлении, увидев розово-фиолетовый перламутр. То были какие-то

неземные краски, существовавшие на земле за сто восемьдесят миллионов лет до моего появления на свет. Такие же краски хранит перламутр многочисленных раковин, которые встречаются на каждом шагу возле деревни Бурдово. Однажды здесь встречали даже американку - любительницу палеонтологии. И снова любопытный штрих! Мы с друзьями хотели искупаться в этом месте, но жительница деревни, фельдшерица, предупредила нас: «Будьте осторожны. Здесь многие тонут. Вчера мужчина погиб. Молодой, здоровый. Ни с того ни с сего стал тонуть. И всё!».

Что за странная и непонятная связь? Люди гибнут в воде в местах выходов юрского периода! Какие энергии наполняют эти загадочные проталины на земле, возраст коим сотни миллионов лет? (Кстати, и здесь, как и на Верхнем Кокиле в Кологриве, в вечерние летние часы стоит удивительная тишина, спокойствие и видны краски природы, приводящие любого человека в восторг и изумление).

Вернемся к Верхнему Кокилю. Лет тридцать назад, когда геофизики искали здесь нефть, из земли вырвался мощный фонтан минеральной воды. Старожилы утверждают, что высота его была под двадцать пять метров! С фонтаном ничего не могли поделать, не могли укротить. Лишь через месяц привезли специальный цемент и с трудом сделали заглушку.

А несколько лет назад в этих местах стали селиться утки. Тысячи уток! Видели и журавлей...

Пространство между Верхним и Нижним Кокилем - это прежде всего редкостное совмещение геопатогенных и геоактивных зон, в результате чего энергетические вихри взбаламутили тут и дно реки, и сушу. Старожилы говорят, что прежде глубина реки на повороте была шесть метров в межень. Сейчас - до трех метров. А всего в нескольких сотнях метров ниже по течению на середине Унжи вам будет по щиколотки, можно лечь и лежать, заложив руки под голову. Выше Кокиля тоже можно перейти реку вброд.

Обильный рост растений, целебные минеральные воды и т.д. - все это присутствует в ареале между двумя поворотами Унжи.

Рядом с крутояром бьет источник, солоноватый на вкус. Заместитель главы администрации района предполагает, что это минеральная вода, все собирается отправить ее на анализ в Москву, да не может наскрести несколько тысяч рублей для этих целей. А в двадцати километрах находятся источники, которые лечат внутренности и ноги. Архиепископ Костромской и Галичский Александр, говорят, испытал на себе их благотворное влияние, да и многие другие паломники. Ну, чем не Трускавец и Хоста вместе взятые на одном пяточке костромской земли! Кто бы только вложил деньги - стал бы у нас свой бальнеологический курорт! И стол бы у этих курортников ломился от местных грибов, ягод, рыбы, дичи и прочего.

Однако продолжим исследование диковинного. Как-то спросил у мужика, заготавливающего дрова на берегу:

Верхний Кокиль. На закате.

- Говорят, где-то здесь пережат есть?

Он показал на скопление высоких ив на песчаном берегу. С полкилометра от Кокиля. А когда я пошел, то предупредил меня:

- Только берите все время вкось. Прямо не переходите. Слева глубина...

Я отправился по берегу. Осталось позади кладбище в сосновом бору. Начался мелкий ивняк. Но вот и указанное место. Снял сандалии и засучил брюки. Пройду не раздеваясь или нет? Дно, как и везде, было песчаное, все в ярко-золотых солнечных сотах. Черные ракушки, казалось, приросли к месту, но за ними тянулись борозды - значит, двигаются. С какой, интересно, скоростью? Слева от меня темнела вода, я инстинктивно взял правее, как мне советовал дровосек. Вода тут была ниже колен, бурлила у ног, сверкала на солнце. И вдруг на середине реки увидел мелкие пузырьки, поднимающиеся к поверхности. Подводные ключи! Я принялся было их считать, но скоро сбился со счета. Чем ближе я подходил к противоположному берегу, тем холодней становилась вода. Под ногами били сотни родников. Тысячи мелких пузырьков устремлялись к воде от песчаного дна. У меня ломило ноги, когда я вышел наконец на берег. Такого обилия ключей я никогда не видел.

Я попал сюда после того, как исчез с лица земли невероятно живописный уголок - Медведки. Это был песчаный мыс, заросший пахучими ивами. Войдешь под их сень и наслаждаешься запахом свежих яблок. Этот запах издавал белый налет на буровато-зеленых прутьях молодых ив. Песок с этого

места можно было использовать в песочных часах - он был мелкий, чистый. Рядом был перевоз: стальной трос, натянутый с берега на берег, и деревянная посудина, которая передвигалась благодаря рукам пассажиров и перевозчика. Эта милая сердцу архаика исчезла в семидесятые годы, когда какой-то кологривский умник из райкома или исполкома превратил Медведки в песчаный карьер.

Теперь этого дивного творения природы нет. Я остро ощутил его утрату (да и многие кологривские тоже), и это подвигнуло меня на мысль поискать его эстетический, эмоциональный и энергетический эквивалент на противоположном унженском берегу между Верхним и Нижним Кокилем.

И я нашел это место!

Это райский уголок! Такой же, как в Медведках, песок. И такой же запах источают ивы. Тут еще были заливы с полным набором растительности прудов и водоемов, зеленые острова с густыми травами, песчаные косы с пятнами ивовых кустов сменялись полянами с гигантскими листьями мать-и-мачехи. А дальше высокой стеной стоял ивовый лес, почти непроходимый из-за нагромождения бревен, оставшихся здесь после молевого сплава, когда спала вода.

Любопытно, что через каждые пять-семь лет ландшафт местности полностью менялся. Это был новый мир! Совершенно неузнаваемый. С новыми заливами, островами, деревьями, конфигурацией берега. Но по своей положительной энергетике это место превосходит все остальные благодатные места, за исключением разве Святой горы на реке Княжой, где геоактивная зона фантастична по своим параметрам.

Место, о котором я веду речь, рядом с городом. На противоположной стороне - окраина Кологрива. Но здесь, как и на Святой горе, за несколько часов набираешься сил и здоровья на много дней вперед. Один раз я заглянул сюда всего на два часа. Был прекрасный солнечный день. Я искупался в Унже, полежал на белом горячем песке. Потом заглянул в редакцию местной газеты. Знакомые смотрели на меня удивленными глазами. Сказали, что я сбросил двадцать лет и пишу здоровьем. А вот еще пример. Все время хотел обливаться холодной водой - и не мог заставить себя это сделать. Так шел год за годом. Но вот приехал из Кологрива (два дня провел на благодатном берегу, даже число помню, 31 июля), утром открыл в ванной холодный кран, представил благодатную песчаную косу, горячий песок, прохладную Унжу - и с тех пор несколько лет обливался. Прошла гипертония. На улицах замечал - я не иду, а лечу, так легко, словно мне двадцать пять лет.

Но и тут имеются геопатогенные зоны. Я уже упоминал о провале. Так вот, я обнаружил его неподалеку от того места, где отдыхал. На вид обыкновенная, чуть продолговатая воронка (не больше комнаты в

«хрущевке») наполнена темной водой. Я хотел подойти ближе - и не мог. Какая-то сила отталкивала меня от этой черной воды. Ни с того ни с сего возник страх. Отходил от провала, и ко мне опять возвращалось прежнее состояние спокойствия и радости. На другой год повторялось то же самое.

Потом я не был в Кологриве пять лет. Этим летом пришел сюда и уже ничего не узнаю. Там, где была песчаная коса, плавно уходившая в воду, теперь виднелись барханы с ивняком. Раздвигая кусты, я уверенно шел к берегу и вдруг остановился как вкопанный. Передо мной был провал. Он увеличился в размерах, стал глубже. С одной стороны появился обрыв из глинистых пород. Зеркало спокойной черной воды смотрело на меня из этой загадочной глазницы. И снова чувства тревоги и страха возникли у меня, как и в прежние времена, и я не мог освободиться от этого дискомфортного состояния.

Между прочим, уровень воды в провале одинаков с уровнем воды в Унже. Это говорит о том, что существуют какие-то подземные сообщения с рекой. Местная жительница рассказала мне одну жуткую историю. Еще в тридцатых годах она купалась с подружкой в подобном же водоеме. Случилась трагедия. Подружка утонула. Прибежали мужчины с баграми. Искали. Нырjali по всему озерку, но утопленницу так и не нашли. Предположили, что ее затащило в какие-то пустоты, связывающие это озерцо с Унжей. А сегодня этого провала уже и не существует.

Ну и последнее, об уникальном месте возле древнего Кологрива. Два месяца назад мне прислал письмо из Галича восьмидесятилетний Сергей Николаевич П. Родом он из Кологрива, а точнее, из Суховерхова. Он пишет о своем детстве: «Съезжая на заднице с обрывистого берега, мы находили суглинки с крапинами золотистых зерен. А некоторые куски суглинков были с золотыми прослойками. До сих пор думаю, что это золото!» К своему письму он приложил карту-схему, указал место выхода золота. Это совсем рядом с унженским Кокилем.

А написал я этот очерк с одной лишь мыслью, что когда-нибудь участок берега, где мы с вами побывали, объявят памятником природы.

Он этого достоин!

Весна 1983-го...

Половодье на Унже меняет ритм жизни тихого городка за один день. Сплав - суматошное и горячее время.

Под крутым берегом, ткнувшись носом в желтую глину, стоят катера, сухогрузы, плотоводы, плавмагазин, теплоход «Озерный» и прочие речные мелкие суда. Спешат по набережной прохожие. Для них все это теперь

привычная картина. Много речников. Тускло поблескивают галуны на рукавах. Набережная в эти дни - самая оживленная улица в городке, все дороги ведут в Кологривскую сплавную контору, в двухэтажный деревянный особняк на берегу реки. Идут сюда те, кто так или иначе связан со сплавом, те, кому в период бездорожья нужно добраться в разные «медвежьи углы» по делам или к дому. Люди сидят на лавочках, на лестнице, ведущей на второй этаж, или на узлах. Ждут попутного катера.

Я появился в сплавной конторе где-то в восьмом часу. Трезвонят телефоны. На проводе то сплавные участки, то Макарьев, то Юрьеvec, то Кинешма, то Кострома. Через каждую пару минут с треском и шумом включается рация: с верховьев Унжи и ее притоков докладывают обстановку. То из одной комнаты, то из другой (а то и сразу из всех одновременно) доносятся голоса: «Морозов, займись, выгородкой в устье Пеженги», «В устье Ломенги и Кемы разлив. Сброски нет. На Кеме подлежит сброске сто девять».

Как всегда в сплавной горячке где-то что-то не ладится, и разговор идет на повышенных тонах. Весна необычная. И река повела себя также необычно. Ожидали вскрытия чуть ли не двадцатого апреля, а вышло так, что тринадцатого числа из Ужуги уже последний плот уводили.

На период сплава главным человеком в городе становится директор сплавконторы Владимир Владимирович Захаров.

Широкоплечий, кряжистый (с рядовых сплавщиков когда-то начинал), и минуты не сидит на месте. В круговерти целый день. Приходит в контору в пять, а покидает кабинет уже в одиннадцатом часу, когда во многих городских домах погашен свет. Лицо утомленное, землистого цвета. «Сегодня три часа спал. И вчера чуть больше. Во время сплава всегда так...» Только разложил документы, достал из кармана записную книжку, чтобы ознакомить меня с цифрами, вбежала диспетчер: «Владимир Владимирович, Кежма на рации». Через пятнадцать минут вернулся. «Вот что - чувствую, что здесь нам с вами не поговорить, Я собираюсь в верховья. Надо посмотреть обстановку. И вы все своими глазами можете посмотреть. Как?» Собственно говоря, я и сам того желал.

Пока Захаров отдавал последние распоряжения, я направился к рейду. Небольшой автобус сплавной конторы подбросил меня по пути. «Давно за баранкой?» - спросил у водителя. «Я капитан-шофер», - был ответ. «Это как же понимать?» - удивился я, ибо, сколько ни приходилось мне странствовать, а о такой профессии впервые слышал. «А так. Летом на автобусе работаю, людей вожу, а весной, когда вода большая, на катер сажусь. Капитан я. А сейчас вот шофер приболел, приходится его подменять...» (Потом узнал, что таких людей на сплаве много).

Я вышел у рейда. Скоро прибыл Захаров. На небольшом катере тронулись в путь. Унжа в этом году поднялась на шесть с лишним метров.

(Летом под Кологривом чуть выше щиколоток). Как я увидел на графике колебаний горизонтов воды по кологривскому водомерному посту, это чуть выше среднего горизонта. И сплаву это благоприятствует. Сидя на жестком сиденье в рубке, Захаров попухивает папиросой, и смотрит по сторонам.

- Для нас и малая вода - гибель, и большая опасна. В шестьдесят седьмом был самый низкий горизонт за последние десятилетия. Два с половиной метра. Эта вода не подняла плоты с плотбищ. Фанерную березу погнали в однорядных плотах к Мантурову. И строили специально узкоколейку, чтобы вывозить заготовленный лес. И все же одна четвертая часть леса тогда осталась.

Вспоминает это и хмурится. Весенняя Унжа во все времена была своенравной, а порой и коварной. Как-то мне пришлось читать старый дореволюционной поры журнал «Лесопромышленник», там имелась специальная рубрика «С берегов Унжи», а то и просто «Кологрив». Так вот в тринадцатом году точно такая же весна была, река быстро обмелела, и десятки белян и гусей, те, что не успели выскочить на Волгу, остались зимовать на берегах Унжи, или, как говорят сплавщики, обсохли. Немало мелких лесопромышленников тогда, растратив свое состояние на заготовку лесоматериала, разорилось.

Да что о прошлом говорить, совсем недавно на лугу, напротив города, стояла огромная самоходка. Не зная своенравности реки, постороннему человеку трудно было даже предположить, как она туда попала. Рядом все лето паслись коровы. Говорят, какой-то шутник сделал снимок столь редкостный и послал на телевидение в программу «Вокруг смеха»: «Что бы это значило?». Посмеяться, конечно, есть над чем, но в то же время это лишний раз говорит о том, какое мастерство требуется от речников при проводке плотов по этой реке, какое внимание.

Опасных мест предостаточно. Хотя бы вот тут, прямо за городом, Унжа делает крутой поворот на шестьдесят градусов, а через триста метров - еще такой же. Речники зовут это место Кокиль. Щекотит нервы речникам, особенно в плохую, ветреную погоду, Дворянская дуга. Но на этих опасных кривулях постоянно дежурят катера сопровождения. Или, как их называют здесь, «хватали». Есть они и у Елизаровского моста, и еще ниже. «Хватали» не дают плоту биться о берег на повороте. 29 судов разных марок и 22 катера бороздят сейчас воды Унжи. План грузового сплава по Кологривской сплавной конторе на нынешний год был 287 тысяч кубометров, а сплавляют 310 тысяч.

- В январе у нас было много хлопот. Речные плотбища оказались залиты водой, и поэтому плоты приходилось ставить на подкладки, чтобы не было примерзания, - говорил Захаров. Он часто выскакивал из рубки на палубу,

и лицо его под крепким речным ветром посвежело. - Но ребята отлично работали, в две смены и все выходные, и так - весь март. Сплачивать мы должны были ежедневно 4 тысячи кубометров, а делали до 6 тысяч.

Он с увлечением рассказывал о людях, которые показывали образцы труда. О старательном трактористе с Понги Александре Евдокимовиче Волкове. Тридцать лет он работает на этом участке. О молодом парне Александре Веселове со сплоченного агрегата В-43. О весельчаке и шутнике Михаиле Васильевиче Смирнове с Ужуги, который с малых лет на сплаве, любит литературу и особенно Владимира Даля и пересыпает свою речь пословицами и прибаутками, и к тому же всегда задает ритм на сплотке. О рассудительных и степенных механизаторах с плотбища Яковлево Иване Вадимовиче Захарове и Иване Михайловиче Иванове, которые постоянно из года в год перевыполняют задания. О многих людях рассказывал директор. На каждом из двенадцати плотбищ трудятся добросовестные, сильные и мужественные сплавщики.

Унженский район уже столетие назад занимал одно из первых мест на карте русской лесопромышленности. Ежегодно на унженском лесном промысле было занято до тридцати тысяч рабочих, а в сплавную кампанию приходило дополнительно еще пятьдесят тысяч. Размер ежегодного сплава по Унже достигал 47 миллионов пудов различного сортимента. Крупные унженские лесопромышленники, совершая торговые сделки на Макарьевской лесной ярмарке, сколачивали огромные состояния. Поденные же рабочие получали до одного рубля в день, плотовщики - до 5 рублей в неделю. Это были самые высокие цены на рабочие руки в лесные кампании перед первой мировой войной. Нынче на сплаве в Кологривской сплавной конторе занято 177 человек. Средний возраст сплавщиков где-то около сорока лет. А на старой Ужуге работает самый молодой коллектив. Здесь средний возраст рабочих 36 лет. Шестьдесят процентов сплавщиков имеют среднее образование. Некоторые заочно учатся в высших учебных заведениях. Зарабатывают сплавщики ежемесячно за двести рублей, живут в благоустроенных поселках и домах. Ну и дел у них, конечно, хватает. Грузовым сплавом Кологривская сплавная контора отправляет 310 тысяч тонн древесины - фанерную березу, пиловочник хвойный для лесозаводов, балансы для целлюлозных комбинатов, а молевым сплавом - 500 тысяч кубометров.

Сплав теперь стал не тот, что был лет десять назад. Прежде на каждом плоту стояла избушка с печкой и постельными принадлежностями для четырех сплавщиков. Сейчас на плотах людей не встретишь. Только под вечер, когда наступают сумерки, подчаливает к ним на лодке матрос и зажигает керосиновые фонари на головке плота и на кичке. Однако оттого, что

плотогонов давно не стало, вес плота не уменьшился, а, наоборот, стал больше. Раньше в гонке было две-три тысячи кубометров, теперь же до шести тысяч. Увеличилась сила буксиров, и соответственно вырос объем плота.

Чем выше вверх по Унже, тем сумрачней становится тайга по обоим берегам. На плотбище в Ужуге разговорился я с бригадиром формировщиков Павлом Анатольевичем Дербиным. Он молод - тридцати еще нет. Но уже настоящий сплавной волк, как тут про него говорят. И в ледяной воде плавал, и под плотами побывал. С мальчишек на сплаве. Несколько лет назад уехал в Крым, к морю и солнцу. Выращивал и убирал виноград. Но однажды заявился домой и решительно заявил жене Людмиле:

- Все. Баста. Уезжаем в Ужугу. Не могу без сплава...

Он стоял на плоту в спасательном оранжевом жилете (все сплавщики в них ходят, в случае, если рабочий упадет в воду, он может в нем некоторое время продержаться на плаву). Дербин, что-то доказывая своим людям, резко жестикулировал рукой. Движения его порывисты. Лицо озабочено. Сегодня он отправляет последний плот. И по манере держаться, и по тому, как быстро и точно отдает он свои распоряжения видно, что он на плотбище хозяин, энергичный и опытный. И вообще он сегодня хозяин положения. План сплотки и отправки леса на его участке перевыполнен.

Под Ужугой катера бегают туда-сюда, словно водомерки в пруду. Легкий толчок в бок нашему катеру - и вот уж через борт перепрыгнул молодой парень в брезентовом плаще. Подошел к Захарову. Возник деловой разговор. Оказалось, это начальник Ужугского сплавного участка Евгений Ефимович Шевчук. Здесь родился и босоногим мальчишкой бегал по качающимся на воде бревнам. Потом учился в технологическом институте. Вернулся в родные места. Стал руководителем. На первых порах трудноато приходится. В подчинении люди, с которыми когда-то за одной партией сидел, и ветераны производства, которые ему в отцы годятся. И у каждого свой характер. Приходится подчас строго разговаривать, а то и наказывать. Смотрю на Евгения Ефимовича, глаза за стеклами очков зло поблескивают. Сразу видно - еще не остыл от какой-то неприятности. Разговорилась, и впрямь конфликт вышел с одним молодым сплавщиком. Тот появился на плоту в нетрезвом состоянии. В руках пила. Работать хочет. Шевчук, конечно же, приказал ему оставить плотбище. А вернувшись в контору, тут же распорядился перевести на низкооплачиваемую работу. «Правильное решение, - слышу голос Захарова, - впредь наука будет...».

В эту навигацию вроде бы никаких аварийных ситуаций не произошло. В прошлом были. Мы как раз плыли мимо Черменина. Владимир Владимирович молчаливо смотрел в окно. Вспомнил что-то, повернулся ко мне: «В прошлый сплав вот здесь шквальным ветер бросил буксировщик на штабеля. Огромный

плот полез на буксир. Я неподалеку был. Мне по радиации сообщили об аварийном состоянии плота. Примчался. Сбросили с гака буксир. А петля упала на дно и зацепила за топляк. Сложная ситуация оказалась. Первые пучки могли бы пойти вниз, а остальные полезли бы наверх. Сбросили петлю. И пока ремонтировали буксир, плот шел один. Но все обошлось. А вообще-то у нас постоянно на чеку находится аварийная служба...»

Очень непростое дело вести грузовой плот. Особенно катерам. Рулевому нужно учитывать течение, ветер, вес тормозного железа (цепь и волокушу), уметь ориентироваться по естественным приметам, особенно ночью и т.д. Водил плоты и наш капитан Семенов. Многие годы плавает он на Унже. Много повидал и испытал. И даже в фильме снимался. В «Инженере Прончатове».

Поздно вечером вернулись в Кологрив.

А через четыре дня позвонил мне Владимир Владимирович и сообщил:

- Сегодня в десять ноль-ноль открыли пеженскую запань. Молевой сплав пошел с притоков Унжи, с Кемы, Юзы, Виги. Молевщики замечательно трудятся. Молодцы...

Давно уже прекратился на реке молевой сплав. Теперь заготовленный лес вывозится в Мантурово лесовозами.

Рассказывая о сплаве близком нам по времени, я хочу предложить читателю очерк о том, как выглядела Унжа в весеннюю навигацию сто лет назад.

Уже в начале века заготовка леса в районе реки Унжи достигала колоссальных размеров. Ежегодный сплав по реке доходил до 50 миллионов пудов. На унженском лесном промысле было занято 30 тысяч рабочих и 50 тысяч сплавщиков. И эти цифры с каждым годом увеличивались. К 1913 году Унжа занимает первое место по количеству строящихся судов в Волжском бассейне. К навигации было построено 103 гусяны и 26 маринок и плашкоуток. Большинство из них строилось на низменных песчаных берегах между Мантуровом и Кологривом. К тому же следует учесть, что лесопромышленники отправляли также 2000 плотов, а это примерно 1.300.000 деревьев. Так что по весне Унжа становилась самой оживленной речной дорогой. Но прежде чем река понесет на себе беляны и плоты, лес надо заготовить и свезти на берег. Делалось это зимой. Между лесопромышленниками шла отчаянная борьба за рабочих и особенно за сплавщиков. Сметливые мужики начали подряжаться сразу у нескольких

хозяев. В результате у хозяев-скупердьяев сваленный лес часто оставался брошенным на произвол судьбы. На пристанях Унжи и ее притоках еще в начале марта находятся огромные свалы строевых лесов, большие партии осинового клепки и дров. Рабочие-сплавщики запасают материалы для плотки леса - канаты из вицы и черемухи. По берегам бродят представители фирм из Нижнего, Москвы и местные заводчики. Лесопильный тесовый завод Стивени работает усиленными темпами. Все пильные материалы вывозят на лошадях к Ушке около Кологрива, и отсюда, как только начнется навигация, суда уйдут в Петербург.

В 1913 году больше всего осинового клепки (она идет на бока и днище бочек, кадок, ведер и т.д.) заготовил Н.Л. Смирнов, отец моего Петрухи, - 1,5 миллиона штук. Остальные лесопромышленники - Шумилин, Строгов, Соболев - немного меньше. Все они ревниво посматривают на строящиеся беляны - кому повезет, а кому нет в этот раз. 29 марта 1913 года началась первая подвижка льда на Унже, и сразу же на берегах лихорадочно заработали, забегали туда-сюда. Спешно конопатят и осматривают корпуса. Вывозят на пристань остатки леса. Более энергично, конечно, ведут дело опытные лесопромышленники. У них уже почти нагружены суда местными материалами. Их беляны первыми выйдут на Волгу и пойдут в Нижний, Козмодемьянск, а то и до Царицына. Разумеется, самый большой куш отхватят они, если, конечно, в дороге их гусяны не сядут на мель или не выскочат на берег. И хотя каждый лесопромышленник гонит вон от себя греховные мысли, но все же где-то в глубине разума своего не прочь представить приятную картину - барки конкурента обмелели, а он благополучно достиг просторов Волги. Правда, переживают все искренне, когда происходит трагедия и есть жертвы. У лесопромышленника Лебединского произошла катастрофа - во время конопатки днища барка упала с клеток и задавила насмерть двух рабочих, а трое получили тяжелые увечья. Переживают эту трагедию все. Молятся. Кто-то отправился в Кологрив отвозить тела убитых и ставить в храме свечи. В такие часы борьба и конкуренция у лесного люда отступают на второй план.

Но на другой день опять уже кипит работа. Для лесопромышленника дорог каждый час. Поэтому он и платит наемному рабочему рубль в день, а сплавщику - 6-8 рублей в неделю на готовых харчах.

Река вскрылась. Начался подъем воды. Каждое утро лесопромышленники и сплавщики, приходя на берег, с тревогой и ожиданием смотрят, на сколько вершков прибыла вода - нужно еще так много, чтобы гусяна поднялась над клетями и закачалась на плаву.

Термин «барка» появился на Волге в XVII веке на Вышневолоцком водном пути. Шли барки только в одном направлении - до Петербурга. Там они разбирались.

Барка (макет).

Гусяны получили название от реки Гусь - притока Оки. Это были плоскодонные, низкобортные беспалубные суда - очень распространенные на Оке и притоках. На них сплавляли зерно, соль, рыбу, дрова, камень, железо. По Оке гусяны ходили конной тягой.

Особое же место на Волге и Унже занимали беляны. Строились они на притоках Волги и использовались для перевозки лесных грузов в одном направлении. Ходили они только в половодье и, прибыв к месту назначения, шли на слом. Беляны строили только крупные лесопромышленники, которые возили колоссальное количество леса. Дойдя до пункта назначения, беляна разгружалась, а корпус ее разбирался и продавался. На другой год на унженских берегах рабочие строили новую беляну.

Я употребляю в тексте официальные названия судов - гусяна, беляна, но в народе их называли барками.

Итак, наступает день, когда барка отправляется в путь. И хотя не было в то время ни радио, ни телевидения, но лесопромышленники, проплывая мимо деревень, уже слышат печальные известия. Силой течения занесло в червинский пронос у села Угоры барки Козлова и Хохлова. Три судна уже обсохли на Среднем плесе Унжи. А это значит, что хозяевам может грозить разорение.

Н.Я. Смирнов, лесопромышленник из Кологрива, радовался. Пока у него - тьфу, тьфу - все складывается хорошо. Он благополучно добрался до

Макарьева, где сгруппировался большой судовой караван. Утром намеревались плыть дальше, но неожиданно на Волге поднялся ураган. 18 апреля он обрушился на Унжу. Ниже Макарьева - открытое пространство, и потому ураган здесь свирепствовал с особой силой. Огромные волны набегали на барки. В ночных условиях сплавщики не могли устранять аварии. Барки срывало с мест и бросало на мель.

Утром Н.Я. Смирнов увидел, что пять барок оказались выброшенными на мель. В том числе одна - его. Но горевать в плавании некогда. Распорядился разгрузить барку - и в путь. Уже в Юрьевце узнал, что в Сокольском затоне затонул пароход «Евсеев». В плесе Кологрив - Макарьев затонули 6 судов. А пароходы «Макарьевец», «Кологривец», «Мантуров», «Матадор» выброшены на берег.

Н.Я. Смирнову повезло. В Юрьевце лес у него купил Бранд для своей фабрики. С деньгами лесопромышленник переправился на противоположный берег и по старинному тракту поехал в Макарьев. По пути встретился с лесопромышленниками замелевшего каравана. Те выглядели растерянными. Молчали, хмурились. На второе половодье никто уже не рассчитывал. Большинство примирилось с зимовкой судов. Начали распускать рабочих с барок. Рабочие-то не унывают. Они прекрасно знают, что к ним все равно придут и попросят разгружать обсохшие беляны, причем за это они уже возьмут дороже, сами будут устанавливать цены. От безысходности (некоторые лесопромышленники-новички вложили в сортимент и строительство барки все свое состояние) лесовладелец Капитонов из Кологрива впал в прострацию, пытался стреляться, но неудачно. Его отвезли в Макарьевскую земскую больницу. А вот лесопромышленник Дорофеев, хоть и потерял в бурю почти весь свой флот из четырех барок, все же не теряет самообладания. Думает, как бы без больших потерь выпутаться из создавшегося положения. На него все смотрят с надеждой, потому что знают об удивительной сметке этого мужика. Всем памятен его суд с Министерством путей сообщения, который он выиграл. А было вот что. В позапрошлом году он начал сплавлять по Ветлуге сортовку. И у «чугунки» вышел затор. Пока народ собрался, к этому месту было уже не подступиться. Река гудит. Недомерки лопались как щепки. А сверху лоты только поспевают. Мост сначала покряхтывал, а потом его сорвало и понесло. Железнодорожники сейчас же послали телеграмму министру путей сообщения России, а также сенатору и еще каким-то влиятельным чиновникам. Как и следовало ожидать, приехала комиссия. Она все осмотрела и вынесла решение, что виновен в этой ситуации лесопромышленник Дорофеев - мало поставил своих людей у моста. Дорофеев же стоял на своем - малы пролеты у деревянного моста.

В общем, присудили ему миллион убытку. Поставили в короткий срок новый мост - железный. Лесопромышленнику жалко платить такие огромные деньги. Миллион! И придумал он хитрость. Снял у помещицы лесосеку повыше моста - в семи верстах. Построил там такие беляны, что им в пору только на Волге развернуться. Правда, рабочие строили, что называется на живую нитку, набили в суда разный хлам, а сверху тесом покрыли. Стали ждать, когда вода поднимется. Наконец подняли флаги, сбросили лоты на ходу, и флотилия белян подошла к мосту. Сигналят: «Давай дорогу!» А мост хоть и на четырех быках стоит, но низкий. Беляны не могут пройти. Спустили якоря. Дорофеев сразу же отправляет телеграммы министру, сенатору и разным чиновникам.

Опять приезжает комиссия. Смотрит - беляны как беляны. А ходу им нет. Мост не пускает. А Дорофеев чиновникам документы показывает. Вот, мол, в срок доставить собирался, теперь неустойку надо платить, и все такое прочее. Составили акт. Суд разобрал дело и присудил пострадавшему лесопромышленнику два миллиона рублей с «чугунки». Тот и долги покрыл, да и себе еще миллион в карман положил...

Но на этот раз фортуна, кажется, отвернулась от него. Выше Макарьева получила пробоину в днище и затонула его мариинка, груженная тесом Бельгауза. И хотя причиной аварии называли неосторожные действия капитана буксира «Решительный», Дорофеев махнул рукой - и не стал судиться. Вода убывала. До межени оставалось 2-3 вершка. А глубина перекатов была 8-10 вершков. От Макарьева до Нижнего пароходы бегали с большим опозданием. На одном вернулись лесопромышленники, выбравшиеся со своими судами на Волгу. Проданные барки с дровами и сортиментом принесли каждому владельцу свыше 5 тысяч рублей чистого дохода, против 2 тысяч - в прошлом году. Лесопромышленники гуляли на широкую ногу, вспоминая события навигации 1913 года и обсуждая поступок Дорофеева - тот устроился чуть ли не рабочим на процветающий лесопильный завод француза Дандре, и жена владельца с дочерью уже приезжали смотреть на сумасбродного русскою красавца, еще вчера владевшего миллионами и вдруг в одночасье ставшего совершенно нищим. Лесопромышленники смотрели на его выходку иначе: «Что-то задумал, хитрюга...» Среди гуляющих был и Н.Я. Смирнов, лесопромышленник из Кологрива. В тот день он прочел в «Лесопромышленнике», вырезал и положил в карман небольшое объявление: «По случаю шестилетней болезни желаю продать лесные дачи, нигде не заложенные, в Костромской губернии, в уездах - Чухломской - 1000 десятин, Солигаличском - 2800 десятин, Кологривском - 5200 десятин... Все дачи с хорошим строевым лесом и расположены на сплавных реках Юзе, Унже, Иде, Виге, Вохтоме, Нее, Нельше, Ноле, впадающих в Волгу...»

А сейчас мы переберемся на противоположный берег Унжи и по каменистой дороге отправимся вверх по реке.

В какую бы сторону мы не поехали в кологривских местах - везде встречаются необыкновенной красоты сосновые боры. Старый бор в Екимцеве, где находится знаменитый «Чижовский городок» - проехать и не заметить трудно.

Я всего лишь один раз был в Кологривском зоотехникуме, летом в жаркий день мне показали просторные классы, хорошую библиотеку, лаборатории и помню широкую парадную чугунную лестницу с которой спускался вниз. Меня накормили в столовой, которая была в полуподвальном помещении и где стояли дубовые деревянные столы еще из предыдущей эпохи. По моему, здесь могли одновременно свободно уместиться до 200 учащихся, а может и больше.

Под кронами могучих сосен не мешает вспомнить о человеке, чьими заботами возник этот городок...

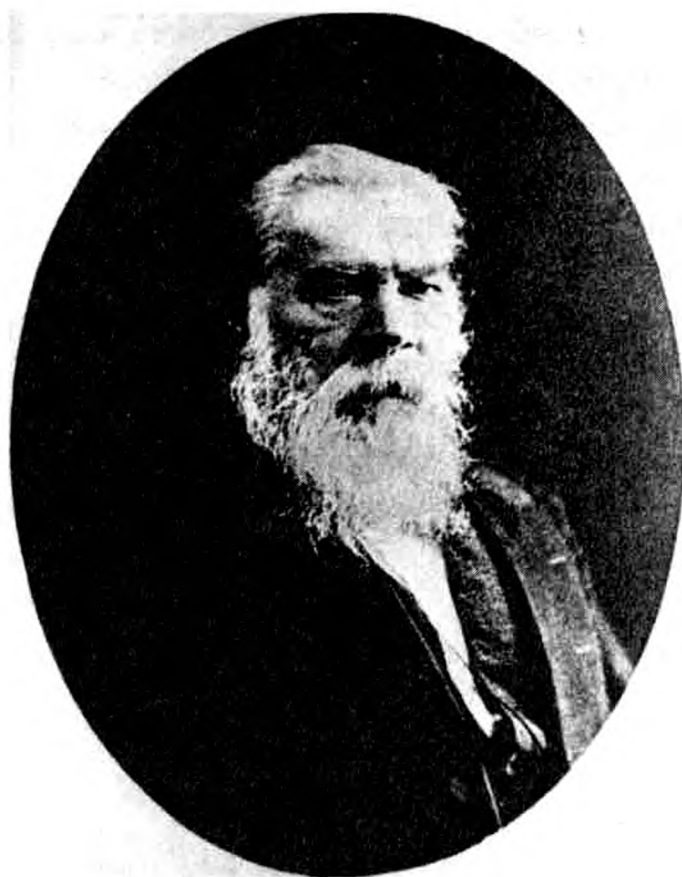
Немало крупных промышленников дала России костромская земля. Создавая свои несметные богатства, они всегда знали, что частью своих приобретений надо поделиться с людьми, которые были «богом призваны, но не стали избранными».

В трех томах мемуаров графа С.Ю. Витте, выдающегося государственного деятеля России на рубеже прошлого и нынешнего веков (он был министром финансов и председателем Совета Министров), есть глава, которая называется «О моей поездке на Мурманское побережье». В ней он описывает лиц, которые сопровождали его в пути: чиновник М.И. Кази, морской офицер и публицист А.Г. Конкевич, член Госсовета П.М. Романов, журналист из «Московских ведомостей» Е. Кочетов, художник А.А. Борисов.

Но с загадочной таинственностью исчез из мемуаров еще один человек, сопровождавший министра, который не только способствовал этой поездке всесильного тогда министра, но и был одним из заинтересованных лиц в освоении русского Севера.

Этого человека можно узнать на картине художника М. Врубеля, где среди дикой северной природы расположились участники экспедиции на Мурман. В середине стоит в расстегнутой шинели граф С.Ю. Витте, а за ним, чуть выше, сидит на сером от мха валуне, в пальто и в феске, Савва Иванович Мамонтов - крупнейший в России предприниматель и меценат.

Граф начал писать свои мемуары в 1911 году. А за десять лет до этого (если точнее, 11 сентября 1899 года) С.И. Мамонтова арестовали в

Ф.В. Чижов.

собственном доме в Москве и под конвоем отвели в Таганскую тюрьму. Ему вменили присвоение нескольких миллионов рублей из кассы Ярославской железной дороги, председателем правления которой он был. Содержимое его дома (а он был собирателем редких вещей, картин художников и т.д.) пошло с аукциона. А по Москве и Петербургу поползли слухи, что он, будучи душеприказчиком известного русского предпринимателя Ф.В. Чижова, истратил на свои нужды весь чижовский капитал, не исполнив завещания знаменитого костромича.

Правда, сразу же в столичных газетах появились статьи, в которых говорилось о том, что завещание Ф.В.Чижова создать в Костромской губернии несколько технических училищ полностью выполнено душеприказчиком - на это израсходован весь капитал покойного.

Но Савва Иванович и потом с удовольствием вспоминал поездку на Север - по Двине, потом на большом морском пароходе до Кольского залива, где была выбрана гавань для будущего русского военно-морского флота, и наконец, путешествие вокруг Норвегии, когда по вечерам в кают-компании каждый из членов экспедиции читал какую-нибудь лекцию, близкую по теме к Северу.

И он тогда познакомил всех с жизнью и деятельностью своего великого учителя и компаньона Федора Васильевича Чижова, чьи идеи о создании «русской Норвегии» несколько десятков лет назад теперь вот обретали реальность. Как и прежде, в разговоре с друзьями он несколько раз за этот вечер назвал Федора Васильевича великим учителем, не скрывая благоговения перед его именем и его делами.

Судя по способностям, знаниям, мыслям, планам, мечтам Ф.В. Чижова, он был создан творцом для больших государственных дел. Не всегда судьба благоволила ему, но даже в этих обстоятельствах он сумел стать тем, кем стал - человеком, перед которым преклонялись многие выдающиеся люди девятнадцатого столетия, в том числе писатели, художники, артисты, государственные деятели, купцы, фабриканты, меценаты.

Родившись в довольно бедной костромской дворянской семье в 1811 году, он под конец жизни владел многомиллионным состоянием. Не экономические авантюры и аферы являлись ключом к его богатству, а прилежание, труд, необыкновенная работоспособность и гибкий ум.

Окончив Петербургский университет по кафедре математики, он по-прежнему бедствует. Занимается переводами, это дополнительный заработок. Он знакомится с В. Жуковским, А. Никитенко, А. Краевским и другими литераторами. Много пишет и переводит.

В это время его знакомят с богатейшим украинским помещиком Павлом Галаганом, который приглашает его к себе в усадьбу воспитателем к сыну Григорию. Молодой Федор Чижов соглашается, не ведая, что эта семья навсегда войдет в его жизнь, а Григорий будет присутствовать при написании Федором Васильевичем своего завещания в 1877 году.

Итак, Ф.В. Чижов отправляется в Малороссию, в имение Галаганов - Сокиренцы. Вид усадьбы поражает его. Он едет по широкой аллее в парке и ему кажется, что он попал в Древний Рим, в виллу богатого патриция, пруд, фонтаны, цветочные клумбы, беседки, оранжереи, павильоны - и вот, наконец, роскошный двухэтажный дворец с широкой каменной парадной лестницей, со статуями и вазами.

Владельцы усадьбы чрезвычайно гостеприимные. Хозяин отсутствует по делам, и комнаты дворца показывает молодому воспитателю жена помещика - Екатерина Васильевна (в девичестве Гудович, племянница фельдмаршала графа И.В. Гудовича).

У нее бархатный взгляд, пленительный нежный голосок, какая-то девичья робость в движениях, и в то же время чувствуется властность в общении с челядью. Она показала Ф.В. Чижову библиотеку, коллекцию средневекового оружия, картины знаменитых художников, редкостную мебель.

Воспитатель понравился всем, особенно молодому сыну Галаганов - Григорию. Математику, физику, химию он объяснял очень живо, понятно, успевая рассказать за один урок столько, сколько прежние учителя рассказывали юноше за пять уроков.

Однажды в дом пришло несчастье. Простудился в дороге и умер от воспаления легких муж Екатерины Васильевны. Вдова оказалась наследницей огромного состояния. На некоторое время семья уезжает в Италию. Ф. Чижов с ними.

Он уже профессор Петербургского университета. Его интересует средневековое искусство, быт и нравы народов Европы. Почти ежедневно он встречается в Риме с Н. Языковым и Н. Гоголем. Часто бывает у художника А. Иванова. Тот уже который год пишет «Явление Христа народу», и беседа обогащает их обоих.

Ну, а в личной жизни Ф.В. Чижова все сложно. Известно, что юношей или мужчин, влюбляющихся в женщин старше себя по возрасту, называют старушечниками. Тут Федор Васильевич, наверное, побил все рекорды.

Он полюбил женщину, которая была старше его на 26 лет. В одном из писем художнику А. Иванову он признается: «Если нет ее подле меня, если она не придет хотя бы раз в полчаса, занятия идут плохо, потому что с нею соединено все... Бывают минуты, я не знаю, что делать: встаю на колени перед нею и молюсь ей... И она не понимает существования без меня; без меня она тоже только влачит жизнь и страждет...» Ф.В. Чижов так и не создал семьи. Но сын и внук этой женщины считали его самым близким человеком. Внук называл его дедушкой.

Кто была эта женщина? Екатерина Васильевна Галаган. Она умерла в 1868 году. К этому времени Ф.В. Чижов уже известный в России предприниматель. Начал он платным служащим в обществе Московско-Ярославской дороги. Но скоро слушаясь чижовского совета, поверив в его теоретические выкладки, группа капиталистов из Москвы выкупила у иностранной компании Курскую железную дорогу и так удачно, что сразу же Федор Васильевич становится обладателем ценных бумаг стоимостью в 11 миллионов рублей. Говорят, он плакал от счастья, когда высчитывал на бумаге прибыльные проценты.

Он сразу же начинает издавать свой журнал. На полную мощность заработал его природный ум. Он становится председателем правления Ярославской дороги, затем - Курской, затем возглавляет правление Московского купеческого банка. Организует финансово-кредитное обеспечение московских промышленников, пересматривает таможенные тарифы для укрепления русского капитала, руководит подготовкой технических кадров для растущей российской промышленности. И все чаще,

*Главный корпус Чижовского училища.
Потом здесь размещался зоотехникум.*

подходя к карте Российской империи, которая висела у него в кабинете правления Ярославской железной дороги, он запрокидывал голову и смотрел вверх, на Кольский полуостров. У него зародился план превратить русский Север в своего рода «русскую Норвегию», протянуть туда линии железных дорог, соединить их с железными дорогами Финляндии, Швеции, Норвегии.

Северные земли богаты полезными ископаемыми. Там вырастут заводы. Появятся рудники. Русские люди начнут обживать малонаселенные земли. И еще он думал создать порт на незамерзающем Баренцевом море и для начала устроил парходство вдоль мурманского побережья, надеясь превратить его в крупномасштабное предприятие, которое позволит со временем освоить Северный морской путь.

По существу, большевики после Октября руководствовались идеями Федора Васильевича Чижова, который видел намного дальше чиновников его времени. Но, конечно, самое большое внимание он уделял строительству железных дорог, вникая здесь, буквально во все: знал геодезию, инженерное дело, прекрасно разбирался в строительстве мостов, мог в качестве машиниста вести паровоз, экзаменовал начальников железнодорожных станций.

При нем путейцы довели железнодорожное полотно до Вологды, а он уже рассматривал варианты строительства дороги до Архангельска, Котласа, Екатеринбурга. Ему очень хотелось провести железную дорогу до родного города, до Костромы, но не успел. Это сделал уже С.И. Мамонтов, будучи председателем правления Московско-Ярославской дороги.

И, наконец, о меценатстве. Думаю, что меценатство, это состояние души, равное религиозности. Не каждому дано делиться тем, что он заимел. Костромичи в лице Ф.В. Чижова показали в этом отношении пример нестандартного человеческого поведения, когда такое общественное зло, как деньги (ведь из-за денег, по существу, множество пороков прилипло к человеку), превращается в добро.

14 октября 1877 года (за месяц до смерти) Федор Васильевич продиктовал завещание своим душеприказчикам (одним из них, как мы уже знаем, был С.И. Мамонтов), в котором весь свой капитал оставлял на устройство и создание технических училищ в Костроме, Чухломе, Галиче, Макарьеве и в Кологриве. Архитектором построек он хотел бы видеть Ивана Васильевича Штрома. Огромную библиотеку, картины, дневники он передал в Румянцевский музей. «На похороны мои, - продиктовал он, - самые простые, прошу употребить никак не более полутора ста рублей...»

Благодарные костромичи хотели поставить земляку-меценату памятник на одной из площадей. Не успели. Пришла революция. Бюст Федора Васильевича стоит сейчас на парадной лестнице в бывшем Чижовском училище (ныне энергетический техникум).

Время от времени перед бюстом выстраивается очередь из юношей и девушек. Они подходят и чмокают мецената в прохладный каменный нос. Среди учащихся бытует поверье: поцелуешь чижовский нос - повезет на экзаменах.

В трех километрах от Екимцева красиво расположилась на горе деревенька Павлово, в прежние времена Вонюх. В этих местах много грибов и ягод. А прохладный в самую жаркую пору, овраг у речки полон сочной малины...

По-разному называют эту деревню жители района. То Павлово, то Вонюх. Последним названием чаще пользуются старожилы. А первое дано, в общем-то, недавно, после реабилитации Героя Советского Союза генерала армии Дмитрия Григорьевича Павлова, уроженца Вонюха.

Стоит деревня на холме. Дальше овраг и речка. Места тут на редкость

живописные, как, впрочем, везде в Кологривском районе. Приди я в эту деревню года два назад, вряд ли бы испытал то чувство, которое было у меня в этот раз. Перед поездкой в Кологрив я несколько часов листал «Дело № 973» в архиве ФСБ в Костроме. Заведено оно было в 1941 году на крестьянина деревни Вонюх Григория Васильевича Павлова, его жену Екатерину Степановну, а также на жену генерала армии Д.Г. Павлова - Александру Федоровну и сына Бориса. Здесь же и допросы матери жены Д.Г. Павлова - Клавдии Михайловны Кузнецовой. В деле в больших пакетах лежали паспорта обвиняемых членов семьи «изменника Родины», пожелтевшие фотографии, сделанные тюремным фотографом в Горьком, письма, записки, ордера на арест и т.д. Я первый раз держал в руках дело, заведенное НКВД на людей 60 лет назад (впрочем, дела, наверно, во все времена ведутся одинаково, как при самодержавии, так и при социалистическом строе), и меня прямо-таки поразили размеры отпечатков пальцев обвиняемых. Я приложил свой большой палец к отпечатку пальца Григория Васильевича - там было два моих. И только лишь спустя некоторое время я понял технологию снятия отпечатков - палец, видимо, прокатывался от одного края ногтя к другому, потому отпечаток такой большой.

Генерал Д.Г. Павлов.

К моменту, когда это дело было заведено, генерал армии Д.Г. Павлов уже был расстрелян в Москве. И потому очень идиллической на фоне происшедшей трагедии с семьей и со страной показалась мне записка генерала, написанная карандашом на маленьком листке бумаги, очевидно, вырванном из блокнота. «Здравствуйте, старики. Вернулся благополучно. Партия и правительство за проявленное мной геройство присвоили мне звание Героя Советского Союза. Сейчас, после возвращения с курорта, буду работать на новом месте. Пока не пишете. Адрес пришлю через месяц. Посылаю карточку для вас и одну для сестры Марии. Будьте здоровы. На курорт еду всей семьей. Вступили ли вы в колхоз? Мне не нравится, если не вступили. Если возможность будет, зседу побывать. Привет всем. Имею два ордена Ленина и два ордена Красного Знамени. Ну, будьте здоровы. Ваш Дмитрий. 30.6.37 г.»

В счастливые дни написана эта записка. Сорокалетний генерал купался в славе. Позади 22 года армейской службы. Участие во всех военных конфликтах. На военных учениях в 1935 году бригада, которой командовал

Д.Г. Павлов, была признана лучшей в Красной армии. Через год он уже был советником республиканской армии в Испании...

Старики гордились сыном. Еще бы, о нем знала вся страна. И они, конечно же, первыми вступили в колхоз, который скоро стал называться колхозом им. генерала Павлова. Жили по тем временам безбедно. Имели свой скот. Сын посылал им ежемесячно 50 рублей. А когда стал генералом, то стал присылать по 200 рублей. В деле есть опись имущества родителей и жены генерала Александры Федоровны, которая вместе с сыном в начале войны приехала в Кологрив. У родителей конфисковали самовар, чугунок, часы-ходики, сундук, галоши резиновые, кофту ситцевую, 40 кг ржаной муки, 15 пудов сена, двух кур и т.д.

Александра Федоровна привезла в Кологрив почти все свои вещи из Москвы. Судя по описи, семья красного генерала жила прекрасно. При обыске у жены были изъяты и конфискованы часы ручные золотые с золотым браслетом, ружья охотничьи, фотоаппарат «Лейка», золотые запонки, хрустальная и фарфоровая посуда, серебряные изделия, мужское меховое пальто и многое другое - в описи значится шестьсот с лишним предметов.

Судя по допросам, следователей очень занимало, какие суммы генерал посылал родителям, видимо, желая во что бы то ни стало провести мысль о том, что Д.Г. Павлову шли денежные поступления с германской стороны, и этим как бы подкрепить обвинение в измене Родине. Не удалось. И поэтому, как в то время часто, очевидно, делалось, появилось фальсифицированное постановление на мать генерала Д.Г. Павлова. Вот оно: «Я, начальник следственного отделения УНКВД по Горьковской области сержант госбезопасности Петров, рассмотрев материал на члена семьи изменника Родины Павлову Екатерину Степановну, нашел: Павлова Е.С., зная о готовящейся измене Родине со стороны ее сына Павлова Д.Г., не сообщила об этом органам Советской власти, после чего Павлов Д.Г. перешел на сторону врага с целью борьбы против Советской власти, тем самым совершила преступление, подпадающее под признаки статей...»

1 октября 1941 года военный трибунал войск НКВД Горьковской области приговорил родителей расстрелянного генерала к ссылке в Красноярский край сроком на пять лет. Оба старика поселились в деревне Денисове Дзержинского района Красноярского края. Тяжелый быт, изнурительное для души подозрение свели их обоих в могилу. Екатерина Степановна умерла в 1943 году, а Григорий Васильевич - в 1944. В 1954 году Павловых реабилитировали.

На краю деревни, на обрывистом косогоре я нашел памятник, поставленный на том месте, где когда-то стоял дом Павловых. От дома и следа не осталось. Отсюда шестнадцатилетний Дмитрий в Первую мировую

войну ушел на фронт. В стрелковом полку был рядовым, а в запасном полку в Ярославле получил звание унтер-офицера. В 1916 году на реке Смоходе был ранен и попал в плен. Возвратился из плена домой и снова работал с отцом. В 1919 году он уже в Костромском уезде, а в 1924 году в Восточной Бухаре командует кавалерийским полком. В промежутке между этими годами воюет под Перекопом, дерется с махновцами, учится в военной школе в Сибири. (Окончил с отличием и награжден РВС войск Сибири биноклем. Этот бинокль тоже в описи конфискованного имущества Павловых.) Из автобиографии Дмитрия Григорьевича, написанной под Новый год в 1938 году, мы видим, что он постоянно в седле, постоянно в походах. То воюет с бандами Сальникова под Бухтармой, то его конь несется по дорогам в районе Маньчжурии и Далайонора... С 1936 года посыпались одна за другой высшие награды страны Советов.

На околице деревни я встретил мужчину, строгавшего топором горбыль. Николай Павлович Багранов, так он назвался, был дружен с сыном Д.Г. Павлова Борисом и помнит, как Дмитрий Григорьевич приезжал в деревню в звании полковника. Поинтересовался я, кто в деревне помнит сейчас генерала. Багранов долго сидел на досках и думал.

- Почти все примерли уже, - сказал он мне. - А вообще-то знаю, что он бывал в доме Марьи Базанковой. Может, чего и расскажет, если помнит...

- А сколько лет ей?

- Да уж всем теперь за восемьдесят. У нас колхоз назывался «Догнать и перегнать». Хорошо все жили. В каждом дворе по две коровы и лошадь. Суховерховские, мы их называли нищеплеты, всегда воровали у нас траву, хлеб, сусло, дрова. А мы богато жили. Ну а теперь старики все наши забыты.

- А где молодежь в деревне собиралась?

- Вот тут. Возле павловского дома. На лужайке...

Багранов остановился у калитки. Постучал лопатой в запертую дверь.

- Марья Александровна, открой. Дело есть...

Вышла на крыльцо маленькая старушка.

- Вот человек о Павлове спрашивает. Помнишь что-нибудь? Сидя на лавочке, вспомнила Мария Александровна далекое время, когда в первый раз приехал в деревню молодой красный офицер Митя Красин - такое прозвище было у будущего генерала армии в Вонюхе. Местные девчата только на него и смотрели. И это задело самолюбие парней. Решили поколотить Павлова. Да где там.

- Вытащил он шашку из ножен и давай крутить вокруг себя. И все наши парни врассыпную. Хорош был. Нечего сказать. Когда я жила в Кологриве, он приходил к нам. Моя сестра невестой его была. Замуж так и не вышла.

- А с женой он приезжал в Вонюх?

- Александра Федоровна была здесь на сенокосе. Он с ней познакомился на какой-то станции. Кажется, Гусиная. Она там работала, а он стоял со своим кавалерийским полком.

- Когда в деревне узнали об «измене» Павлова?

- Летом. Солдаты прислали письмо с фронта. Написали, что Павлов оказался предателем. Его расстреляли. Митька - предатель?! Да не может этого быть. Родные его старались на глаза людям не попадаться. В августе их увезли на машине. И все...

В 1940 году Д.Г. Павлов принял Западный особый военный округ. Он сразу же наметил мероприятия по строительству новых оборонительных сооружений. Войска осваивали новую технику и вооружение. Но с первых же дней войны немцы мощным валом пошли вперед по всему фронту. В неразберихе и хаосе многие военачальники потеряли контроль над управлением войсками. Д.Г. Павлов сразу же выехал в район города Барановичи, руководя частями, оборонявшими брестско-московское направление. Образовавшуюся брешь закрыть не удавалось. Восточнее Слуцка Д.Г. Павлов бросил в бой взвод личной охраны, свой последний резерв. И этот взвод погиб. Если бы генерал в сложившейся ситуации, проиграв сражение, застрелился, он вошел бы в военную историю совсем иначе, так считает кое-кто из военных. А он сел в машину и отправился в штаб фронта

30 июня он был отстранен от командования фронтом. В начале июля он уже был в кабинете В.М. Молотова, объясняя причины отступления частей от Березины. Доводы его, казалось, были правильно восприняты. Он уходил из кабинета полный надежд. Ему пообещали командование танковыми войсками у Тимошенко. На другой день он уезжал на фронт, как всегда, решительно настроенный, энергичный. До маршала Тимошенко он не доехал. В Довске был арестован и отправлен в Смоленск. В кабинете начальника НКГБ на него с ругательствами набросился член Военного совета Л. Мехлис: «Негодяй, ты открыл фашистам фронт на Москву...» Д.Г. Павлов еще не знал, что Ворошилов, Буденный, Тимошенко и Мехлис подписали приказ о предании суду военного трибунала группу генералов, где он значился первым.

На допросе в Москве он не признал себя виновным. Но на последующих допросах (какие же нужно было применить методы физического воздействия, чтобы сломить волю этого мужественного человека!) вдруг признается, что был участником военного заговора с 1937 года и открыл фронт фашистам из мести большевикам за разгром заговора. Правда, на суде он отказался от своих показаний следователям, сославшись на то, что находился в невменяемом состоянии.

Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу. 31 июля 1957 года приговор был отменен.

Между прочим, унженское правобережье под Кологривом дало немало замечательных людей. Как-то я добирался до райцентра проселочными дорогами с грибниками и один из них, показывая на подгоревшие остатки домов у леса, сказал:

- Каменка! Родина первого капитана атомного ледокола «Ленин» - Соколова Бориса. Я вместе с ним в школе учился..

Каменка уже давно не существует. Нет и деревни Лучкино, где стояла некогда усадьба, давшая русскому флоту отважных офицеров...

Знаменитая Нижегородская ярмарка кроме бесчисленных своих товаров, привезенных из Нового и Старого Света, славилась еще многочисленными преступлениями. По словам очевидцев, люди здесь пропадали ни за понюшку табаку. Вечером видели их в ресторане, в трактире, в пивных ли кафешантане, в «номерах», а через несколько дней находили с камнем на шее в озере, в Волге и просто в канаве с водой.

С назначением губернатором в Нижнем Новгороде Николая Михайловича Баранова преступный городской ярмарочный мир расплодился по щелям. В первую же неделю губернатор опубликовал в газетах объявление: «Все потерпевшие и не нашедшие у должностных лиц скорой и должной помощи могут явиться ко мне во всякое время дня и ночи, я приму и окажу свое содействие».

Однажды ночью губернатора подняли с постели: к дежурному по канцелярии приехал ограбленный американец, представитель крупной фирмы. Напившись в ресторане, он оказался потом в «веселом доме» в объятиях девицы. А когда проснулся и полез в карман - двадцати тысяч рублей как не бывало. Губернатор выслушал его, вызвал помощника пристава, околоточного, полицейских и вместе с американцем поехал на территорию ночной ярмарки. Под страхом порки заставил хозяйку и девицу «веселого дома» признаться в содеянном и вернуть деньги, а под конец приказал полицейским выпороть и американца, дабы он больше не развлекался с девицами в подозрительных номерах - не затем посылали его хозяева фирмы. Оскорбленный янки обратился в Петербурге к своему послу, но тот посоветовал семейному соотечественнику не поднимать шума, чтобы не возникла скандальная история в Америке и не пострадала семья и он сам, оставшись без работы.

Порка в общественных местах была любимым занятием губернатора. Он публично сек на ярмарках пьянчуг и воров, приглашая на экзекуцию корреспондентов. Не раз они слышали от губернатора Баранова:

Н.М. Баранов.

- Свобода слова - это великое дело! Наше общество ждет гласности. Можете, открыто печатать в своих газетах, что я сек, секу и буду сечь. А надо будет, так я всех вас разложу поперек лавок, дабы писали прочувственно...

Кстати, он и сам был неплохим публицистом, часто писал в газетах. Когда в Поволжье разразился голод, то из Петербурга поступило распоряжение, чтобы нижегородцы вместо хлеба варили кашу из кукурузы и чечевицы. Баранов бросил циркуляр в корзину:

- Ду-ра-ки! Ни кукурузы, ни чечевицы в губернии не сеют.

И тут же разразился едкой статьей в нижегородской газете, высмеивая петербургских чиновников. Со свойственной ему решительностью и быстротой организовал сборы пожертвований пострадавшим от неурожая. Ему помогли писатели А. Чехов и В. Короленко.

А потом пришла новая трагедия - холерный год. От Астрахани до верховьев Волги косила она людей. По-разному вели себя тогда губернаторы Поволжья. Н.М. Баранов, быстро оценив обстановку, приказал построить холерные бараки и отдал под больницу свой собственный дом. (Способны ли на подобные поступки нынешние губернаторы?) Газетчики на все лады расписывали его хождения по баракам, где лежали больные и умершие. Он не боялся, что заболит. И не заболел! В иных губерниях скрывалось об эпидемии холеры. Пресса услужливо молчала. Нижегородцы благодаря Н.М. Баранову знали о ней все. Знали и о том, как он справляется с паникерами. Миллионера Китаева, например, принародно выпорол. Купца Круглова за лживые утверждения отправил санитаром в холерный барак.

Ну а теперь мы подошли к тому моменту, когда пора и узнать, а кто же все-таки он такой был - нижегородский губернатор Николай Михайлович Баранов - талантливый руководитель и сумасброд в одном лице?

Прежде всего, надо сказать, что он наш земляк. Николай Михайлович родился в усадьбе Лучкино в нескольких километрах от Кологрива. Кстати, деревня Шаблово, родина художника Ефима Честнякова, принадлежала Барановым. В семье была традиция: все мужчины становились морскими

офицерами и связывали свою жизнь с морем, с морскими путешествиями, с морскими сражениями, получая ордена и звания. Храбрость, воля и честь были присущи всем. В обширном труде «История русского флота» нередко можно встретить фамилию Барановых. Молодого подростка Николая Баранова определяют в Морской кадетский корпус. Окончив его, гардемарин он уходит в плавание, а потом служит на Балтийском флоте, приводит в порядок кронштадтскую гавань. Но как только начались первые баталии в Черном море в 1877 году, Баранов получает под свое командование вспомогательный крейсер «Весту», а точнее, ошестинившийся орудиями коммерческий пароход. Но и на нем командир Баранов со своим экипажем сумел совершить подвиг. Неподалеку от нынешней Констанцы «Веста» случайно повстречалась с мощным турецким броненосцем. Будь на «Весте» другой командир, пароход, может быть, и не принял бы сражения, уклонился от боя, уж слишком он был неравным. Но не таков был 33-летний Баранов.

- Русские никогда не спускают свой флаг перед врагом! - воскликнул он, и слабенькие пушки «Весты» начали плеваться в сторону османского боевого корабля. От мощных залпов броненосца на русском пароходе все рушилось, тут и там возникали пожары, которые не успевали тушить.

Гибель судна была неизбежна. И тут командир принимает отчаянное решение - направляет горящую «Весту» прямо на броненосец. - А ну, ребята, - крикнул в рупор Баранов, - покажем османцам, какие бывают русские моряки в рукопашной схватке!

Но в эту секунду кто-то из командоров «Весты» послал хорошо снаряд, и на турецком корабле вспыхнул пожар. Громовое «ура!» разнеслось над морем. Броненосец резко отвернул в сторону, а затем начал быстро удаляться.

Весть об этом бое разнеслась по всем городам России. Вернувшихся моряков встречали как героев. Командующий флотом прислал Н.М. Баранову депешу: «Честь русского имени и честь нашего флага поддержаны вполне. Неприятель, имевший мощную броню, сильную артиллерию, превосходство в машинах, был вынужден постыдно бежать от слабого парохода, сильного только геройством командира, офицеров и команды!» Надо сказать, что в этом бою геройски сражались еще два костромича: старший офицер В.П. Перелешин - он был ранен, и его брат М.П. Перелешин - этот скончался от ран, полученных в бою. А Н.М. Баранов получает за отвагу и мужество орден Святого Георгия 4-й степени и звание капитана первого ранга.

«Веста» уже для плавания не годилась. Н.М. Баранов получает новый вспомогательный крейсер «Россия» и снова ищет встречи с неприятелем.

Уже в декабре о молодом командире опять говорят. Он захватил в плен турецкий пароход, на котором находились пехотный батальон и специальный курьер, везший секретные документы турецкого командования.

После окончания русско-турецкой войны у Н.М. Баранова возник конфликт с великим князем Константином Николаевичем. Князь накричал на боевого командира, а Н.М. Баранов съязвил: «Ваше величество, на оскорбления я не отвечаю только шансонеткам и членам царствующего дома Романовых, прощая им любую глупость...» Разумеется, после такого пассажа с морской карьерой было покончено.

Николай Михайлович возвращается в Кологрив, становится здесь мировым посредником и проводит в уезде реформы 1861 года. А дом его в это время завален чертежами. Он изобретает между делом новый вид винтовки, которая так и называлась - «ружье Баранова», и ломает голову над усовершенствованием кронштадтской гавани...

Правда, в опале он был недолго. Неукротимая энергия, честность и порядочность замечались и в царской России. Таких людей продвигали по службе. После событий 1 марта 1881 года, когда народовольцы бросили бомбы под карету Александра II и убили его, новый государь пригласил Н.М. Баранова в Петербург.

Он становится градоначальником столицы. Сразу же один за другим появляются приказы, имеющие главную цель, навести порядок в столице, оздоровить общество. Н.М. Баранов ведет борьбу с пьянством. Закрыл кабаки (правда, после этого стали исчезать из аптек многие лекарства на спирту), наводит порядок с паспортным режимом и создает «Совет 25», организацию на демократических началах, которая обсуждает правовые, экономические, юридические вопросы, в том числе и воспитательного характера. Все это было непривычно для косного Петербурга, пугало и вместе с тем веселило людей. Анекдотами становились приказы градоначальника за подписью: «Совет двадцати пяти. Баранов». Разумеется, читалось без точки, отчего распоряжение получало двоякий смысл.

И в градоначальниках Петербурга строптивый Н.М. Баранов не засиделся. Скоро его отправляют губернатором в Архангельск, а затем переводят в Нижний Новгород. Именно тут и проявились все его великолепные способности администратора, а благодаря писателям и журналистам он снова стал известен далеко за пределами своей губернии. В. Короленко писал о Н.М. Баранове в своем очерке «Голодный год»: «Человек, несомненно, даровитый, фигура блестящая, но очень сложная, с самыми неожиданными переходами настроения и взглядов. Он живо чувствовал, что времена наступают переменчивые, что

самодержавие дало трещину, и почва под существующим строем колеблется. Нетерпеливый и нервный, он предвидел, что в такие времена для людей даровитых и умеющих рисковать предстоят интересные шансы, и готовился...»

Круг деятельности Н.М. Баранова огромен. Как мы уже видели, он может ночью поехать с пострадавшим искать «номер», где того обчистили, а днем самолично решает вопросы, которые вроде бы входят в компетенцию министерства. Вот всего лишь один пример. На Волге в 1886 году сгорел самолетский пароход «Вера». Погибло свыше двухсот человек. А гибель столь многих людей произошла лишь потому, что пароходы в то время не имели спасательных средств. Н.М. Баранов тотчас издал циркуляр, чтобы все пароходы, заходящие в Нижний (а это пароходы почти всех волжских обществ), обзавелись спасательными кругами, спасательными скамейками системы полковника Богдановича, огнетушителями и т.д. И крепко наказал первых же провинившихся судовладельцев. Как? Сами знаете. Любопытно, что приказ о технике безопасности на волжских судах из Министерства путей сообщения пришел несколько месяцев спустя, после того как железной барановской рукой все это было введено в августе через несколько дней после гибели «Веры». И еще. Несколько лет то же самое Министерство путей сообщения обсуждало вопрос об открытии на Волге речного училища. Н.М. Баранов же, не успев въехать в губернаторский дом в Нижнем, сразу же обратился к судовладельцам и ярмарочному купечеству, чтобы те поскребли в закромах и поделились средствами на строительство речного училища в Нижнем. Через год это училище появилось. Первое в России! Несмотря на отрицательные качества характера губернатора, он все же пользовался уважением у современников. Особенно всем импонировала его главная черта - честность. Он не нажил себе состояния, а многого даже лишился. Воровать, пользуясь служебным положением, не умел и наказывал тех из своего окружения, кто был нечист на руку, особенно взяточников. Этих пороли прилюдно!

Кое-кто был склонен видеть его в премьер-министрах. Но большинство, конечно, этого не хотело из боязни, что очень многие будут разложены на лавках и выпороты за те или иные пороки.

В 1897 году Н.М. Баранов становится сенатором и живет в Петербурге. Здесь же он и умирает в 1901 году в возрасте 64 лет.

За характер и бурную деятельность в обществе его называли «электрический генерал». Пошло это с легкой руки известного журналиста Власа Дорошевича. Сам Н.М. Баранов ничего не имел против такого прозвища...

Когда я еду в Шаблово и располагаю временем, то обязательно заглядываю в Бурдово. Здесь все располагает к отдыху, а на вершине горы кто-то из добрых людей поставил столик и скамейки. Внизу у кромки воды, если внимательно поискать, можно найти окаменелую раковину, хорошо сохранившую цвета мезозойской эры. Но самое фантастическое начинается под вечер, когда лучи заходящего солнца высвечивают кружево лесов на противоположной стороне Унжи. Какие-то неземные краски. Незабываемые впечатления! Помню, восьмилетняя девочка появилась тут в этот самый момент (приехала с родителями), увидела перед собой неопишуемую картину (мне почему-то сие отдаленно напоминают эскиз декорации художника Лансере или Бенуа), вскрикнула от неожиданности и застыла на несколько минут.

В этих местах - выход Юрского периода.

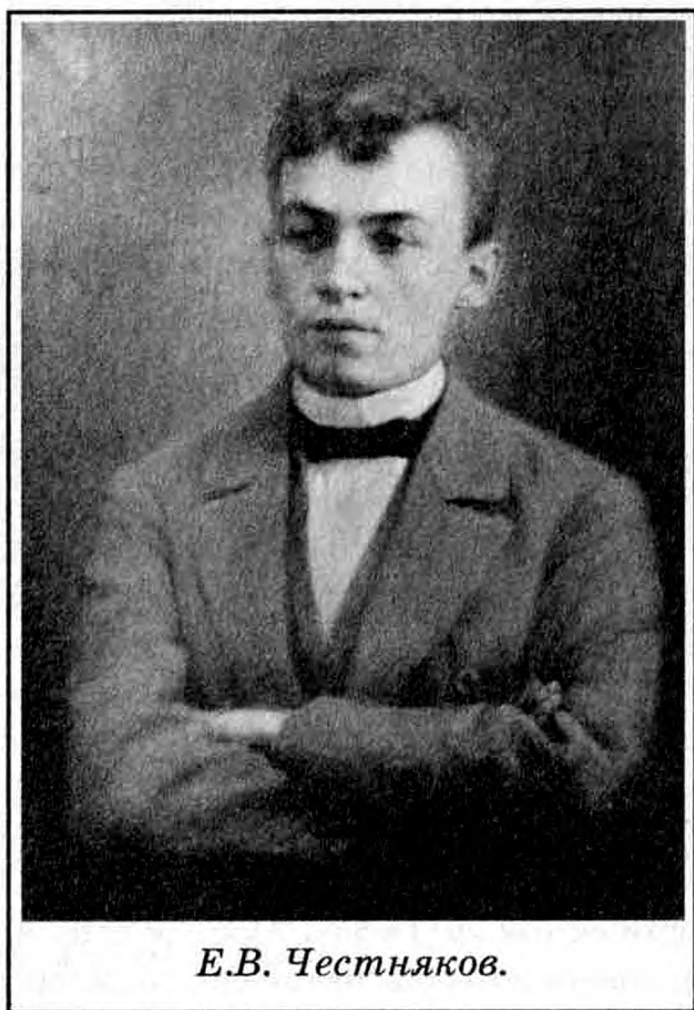
Ну а поднявшись по дороге в гору - дальше уже поедем по благословенным местам Ефима Честнякова. Туристы предпочитают ходить здесь пешком. Для некоторых - настоящая трагедия, если забыта полиэтиленовая бутылка - потому что каждому хочется побывать на Ефимовом ключике, увести с собой ледяной родниковой воды.

I.

Случай свел меня в кологривской гостинице с известным костромским искусствоведом Виктором Яковлевичем Игнатьевым, вместе оказались в двухместном номере на втором этаже. Виктора Яковлевича я и прежде встречал на выставках, на обсуждениях картин молодых художников, видел его фамилию в книгах, посвященных творчеству Ефима Честнякова и Григория Островского, при встрече здоровались, - но и только, коротко знакомы не были. Узнал, что на завтра он собирается в Шаблово, в машине есть лишнее место и, следовательно, я смогу побывать в знаменитой ныне деревне. «А дом художника сохранился?» - поинтересовался я. «Нет», - ответил он. Достав из сумки небольшую книгу «Новые открытия советских реставраторов, Ефим Честняков», он полистал страницы и показал мне фотографию старого, ветхого двухэтажного дома: «Здесь жил Ефим. На первом этаже был театр, на втором мастерская, и тут же художник работал, писал картины, пьесы, сказки, стихи...»

В начале шестидесятых годов молодой директор Костромского музея изобразительных искусств В.Я. Игнатьев привез из Кологривского района в

Кострому картины и записные книжки забытого художника. Почти все картины подлежали реставрации. Первой он решился реставрировать «Город Всеобщего Благоденствия». Реставраторы В. Танеев и С. Голушкин, расстелив на полу в музее пять больших кусков, сшили их. Работали по 12 часов. Всего за полмесяца придали они картине ее первоначальный вид, какой она вышла из-под кисти самообытного и ни на кого не похожего шабловского мастера. Полотно еще лежало на полу, просыхали краски, а В.Я. Игнатьев и все, кто заходил к нему в то

Е.В. Честняков.

время, - художники, реставраторы, искусствоведы, - поняли, что перед ними, огромный, неведомый, загадочный мир, угасший в глубинке всего лишь несколько лет тому назад.

Еще не были прочитаны все записные книжки художника, но уже было ясно, что не только Костроме, но всему человечеству возвращается поэт и мыслитель, философ, не признанный при жизни. В скором времени картины Ефима Честнякова (около 40 произведений и, конечно же, его шедевр - «Город Всеобщего Благоденствия») поехали на выставку в Москву и Ленинград. А тут и Европа захотела взглянуть на удивительного художника. Следуют одна за другой выставки в Париже, в Турине, во Флоренции.

В России работы экспонировались во многих городах, получая всегда благоприятные, а зачастую и восторженные отзывы от людей всех национальностей. Сейчас о мастере сказочных чудес из деревни Шаблово написаны книги (монография о нем В.Я. Игнатьева должна выйти в свет в конце этого года), десятки статей у нас и за границей, издаются сказки для детей самого Ефима. Этим летом встретился в Кологриве с молодым московским драматургом Владимиром Янсюкевичем - он собирается написать пьесу о шабловском художнике.

Виктор Яковлевич на сей раз явился в райцентр с не совсем обычной миссией: решил воплотить в жизнь свою давнишнюю мечту, коей уже, наверное, четверть века будет. Хочется поставить памятный знак на том месте, где когда-то стоял дом Ефима, два дня искал валун, уходя рано утром и возвращаясь вечером в гостиницу, уставший, голодный и недовольный поисками. Возвратив соотечественникам и человечеству (большие художники не принадлежат какому-то одному народу, они принадлежат всем людям Земли) живописца и мыслителя, загадочного человека Ефима Честнякова, костромской искусствовед посвятил ему всю свою последующую жизнь.

Закончив филфак Днепропетровского университета, он учительствовал в районном городишке, покупал книги по искусству. В шестьдесят третьем приехал в Кострому. Познакомился с Николаем Шуваловым. Иногда целыми ночами просиживал с ним, разговаривал о литературе, искусстве, философии. «Он больше никаких разговоров не признавал. А я как губка все впитывал. У меня записана на магнитной пленке четырехчасовая беседа с ним, снял цветной фильм о нем. Позднее сделал также фильм о Григории Островском».

Летом 1964-го Б.Я. Игнатъев со своим другом А. Кильдышевым и В. Кудряшовым поступили в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Прошли годы. А. Кильдышев стал известным в Костроме, да и в стране тоже, реставратором. Погиб во время реставрации Троицкого собора в Ипатьевском монастыре. В. Кудряшов много выступал в печати с искусствоведческими статьями, а прекрасно изданная недавно его книга «Солигалич» уже не застала автора в живых. С именем В.Я. Игнатъева связан взлет музейного дела в Костроме и области. Энергичный, увлекающийся, с большим организаторским талантом, он как бы генерировал развитие музейной работы в крае, устраивал совместные выставки Костромского краеведческого музея и музея изобразительных искусств, пропагандировал искусство костромских художников. Открыл Григория Островского (картины солигаличского художника экспонировались в Москве, затем в Италии, во Франции). Не давала покоя (да и сейчас не дает) мысль, высказанная когда-то Е. Честняковым: «И так жизнь мало совершенствуется, тянется по кочкам и болотинам, тогда как давно пора устраивать пути и дороги, могучую универсальную культуру...»

В.Я. Игнатъев видит, как несовершенно еще наше музейное дело. В области имеется до 15 тысяч единиц хранения произведений изобразительного искусства. В залах музея экспонируется всего лишь до 30 процентов произведений. Все остальное богатство в запасниках. (В том же Кологривском краеведческом музее, одном из лучших в нашей области, имеется свыше 1000 работ Г. Ладыженского, а выставлено около пятидесяти).

Шаблово - родина Ефима.

То же самое и в остальных музеях области. Иногда целое поколение уходит, так и не увидев сокровищ огромных музейных запасников. К тому же музей ИЗО и краеведческий разобщены. В.Я. Игнатьев убежден в том, что оба эти музея необходимо объединить, должно быть единое руководство, единые фонды, единая экспозиционная деятельность, планы, один ученый совет. Экспозиции должны перебрасываться из города в город (разумеется, при отличном хранении народного достояния), чтобы люди костромской земли могли по достоинству оценить то, что они имеют, что им даровано потомками. «Передвижные выставки при участии опытных специалистов, - говорил мне Виктор Яковлевич, - должны стать праздником, торжеством для населения! Молодежь уезжает, потому что тянется к культуре. Мы должны такую культуру двинуть навстречу молодежи. Как? Прав я или нет?»

Основную мысль его я понял. Она была сродни честняковской, когда тот писал о «могучей универсальной культуре». И еще я заметил, что у Виктора Яковлевича цепкий ум, а идея, появившаяся в уме рано или поздно обретает материальность - редкое качество для нашего времени. Мы сидели с ним в гостиничном номере, смотрели на умытую июньским дождем улицу с редкими прохожими, говорили о Ефиме (где-то близок был день его рождения), я сказал ему: «А почему бы на пустыре, на месте, где прежде стоял дом Ефима не поставить

памятный знак? Положить камень и на нем написать: «Здесь жил...» А потом привести сюда художников, артистов, прессу и провести праздник честняковской культуры. Что бы висели тут его картины, старожилы делились воспоминаниями...» В.Я. Игнатъев на мгновение замер, глаза его широко открылись и он уже радостно и возбужденно продолжал развивать только что рожденную на подоконнике гостиничного номера мысль. Я думал тогда, что разговор этот так и останется нереализованным, как это часто бывает, - но ошибся. Случайные мои слова, вернее прожекты, хорошо легли в его честняковскую концепцию, а он помимо разговоров еще обладал хорошими организаторскими способностями, чего у меня ни грамма не было. Он быстро реализовал идею...

II.

Летом в Шаблове хорошо. Травы в человеческий рост. Приезжают сюда прежние хозяева, косят, ставят стога. С высокого берега видна Унжа и вдали - поселок лесозаготовителей Ужуга. Тихо. Постояли у небольшого бугра, заросшего травой, - здесь когда-то был дом Ефима. Заглянули в соседнюю избу: полы крашенные, чистые обои, кое-что из мебели оставлено. Я подошел к горке с открытыми стеклянными дверцами. Здесь лежит отрывной календарь, членский билет ДСО «Наука», листок из тетради с переписанной песней «В путь-дорогу», фотография девочки - перевернул ее, прочитал: «Бабушке и дедушке от внучки Леночки. 1974 г.» Шаблово нынче пустая деревня, каких многие десятки в Кологривском районе.

Не без грусти смотрю на них, когда проезжаю мимо почерневших изб. Что заставило русского человека, неприхотливого, физически выносливого, терпеливого, оставить свой дом, подчас с мебелью, которую делал дед или отец, и уйти навсегда из деревни? Какая роковая сила руководит этим исходом, по грандиозности своей в тысячи раз превосходящим исход библейский?

На краю Шаблона заглянули мы с Виктором Яковлевичем еще в один дом - и удивились. Полы вымыты. Стоит запроваленная кровать, подушки взбиты. Прошли в светелку, видим - сидит женщина. Пришла из Илешева косить, притомилась и зашла в свой родной дом. А прежде чем отдохнуть, прибралась по старой крестьянской женской привычке. Спросили, как зовут ее. Голубева Анна Андреевна. «А вы по делам сюда? К нашему Ефимушке? - Она потянулась рукой куда-то в угол и достала пестрое тряпье, развернула, встряхнула, и мы увидели чесучовую куртку в пестрых заплатках, даже пуговицы были обшиты материей. - Это куртка Ефима. Я ее под затылок кладу, как голова разболится. Помогает. Никакого лекарства не надо...»

В.Я. Игнатъев взволнованно вертел в руках куртку художница. Потом с разрешения хозяйки надел ее, поглаживая рукава, карманы. «Узнаю. Его заплатки...»

*В.Я. Игнатъев в экспедиции.
Фото 70-х годов.*

Местное население хранит память о Ефиме. Для них он святой человек. Под деревней Илешево, в сухом сосновом бору среди разноцветных оград есть оградка скромная и такая же скромная могила с железным крестом. Старый деревянный крест со сгнившим основанием привязан к ограде. Здесь похоронен в 1964 году Ефим Честняков. Могильный холмик покрыт, словно бархатом, темно-зеленым мхом. Тут цветы полевые, огарок дешевой свечки, на кресте висит белое полотенце. Песчаный холмик со всех сторон в дырах. Это местные жители, почитая старца святым, берут землю из его могилы, натирают ею руки или ноги, у кого что болит, - и говорят, проходит боль и ломота. Самовнушение, я так думаю. Дыры эти заделывают, а они вновь и вновь появляются. Вот такая вера в Ефима.

Любопытно то, что если во всем мире Ефима Честнякова почитают как художника, то жители окрестных деревень (да и дальних - тоже) видят в нем прежде всего не живописца, а святого, ясновидящего, целителя, экстрасенса. Его художественное ремесло на втором или третьем месте.

Я разговаривал на этот предмет со многими жителями правобережья от Вонюха до Церковного, и все, кому довелось встречаться с Ефимом Честняковым, больше говорят о нем как о целителе. Лесник Чистов из

Варзенги, показавший ученым заповедный ельник, который теперь называется «Памятник природы «Кологривский лес»», говорил, мне, как мать повела его в детстве в больницу с превеликой зубной болью, а по дороге встретили Фиму. Узнав, в чем дело, тот провел рукой по щеке мальчонки - и с тех пор полвека зуб не болит.

Екатерина Румянцева из Илишева рассказала мне о том, как у ее сына болели глаза, и она отправилась к Фиме. Пришла, а он сидит среди своих глинянок, играет на гармошке. Увидел ее и говорит: «Глаза у сына болят? Не умывай его с мылом». И с тех пор глаза у парня не болели. А когда она пожаловалась на головную боль, он лишь бросил: «Терпи. Стерпится - слюбится». И вдруг куковать начал. «Ты чего?» - спросила удивленная женщина. А он в ответ: «И ты будешь куковать». Она показала на своего сына-инвалида и сказала: «Вот всю жизнь теперь с ним и кукую».

Общение с Ефимом, по ее словам, не прошло для нее даром. Она стала видеть вещие сны. Вот один из них. Ехала в поезде и увидела во сне, как отделились от состава два вагона и опрокинулись. И действительно, авария эта произошла. К счастью, без человеческих жертв.

Женщина из Бурдова рассказала мне о странных выходках Фимки. Однажды он вдруг стал вывозить на тачке от всех изб что ни попадет в руки - и сваливал в кучу посреди деревни. Мужики и бабы в избах терялись в догадках - что бы это значило? А скоро и ответ пришел. Началась коллективизация.

Мне также рассказывали, как в майские дни сорок первого он вдруг стал бегать на дорогу, которая вела в Кологрив что-то высматривая там, качал головой и закрывал ее руками - как будто плакал. Никто не мог в толк взять - чего он беспокоится? А через три недели на эту самую дорогу родители повели своих детей, с плачем, с криками. Машины увозили их в Кологрив, а потом и дальше - на фронт. Во время войны женщины, чьи мужья пропали без вести, выстраивались чуть ли не в очередь к Ефиму, желая услышать от него хоть какое-то слово надежды. Прямо он почти никогда не говорил. Все время - иносказаниями. У одной женщины взял фотографию мужа, посмотрел, оторвал часть руки и вернул снимок. Через три месяца муж вернулся из госпиталя - и действительно правый рукав был пустой.

Подобных рассказов о ясновидении Ефима я слышал десятками.

Все, кто бывает в Шаблове, обязательно спускаются к Ефимову ключу. Сюда ведет тропка, крутая, вьющаяся среди плюща, зверобоя и прочего разнотравья. Родниковая вода тихо сливается с замшелого деревянного жёлоба в песчаную выемку. Неподалеку, на Ефимовой поляне, светло и

Картина Ефима Честнякова.

солнечно, а сюда луч солнца едва проникает. «Этот желоб, - говорит В.Я. Игнатъев, - еще Ефим делал. Его работа. А лоток и скамью уже позднее смастерили...» Виктор Яковлевич сел. Помолчал. Я напился из ключа, умылся и вышел на солнечную поляну. Вдруг слышу:

Свободны мы, цепей уж нет,
Сияет над страной невиданное утро,
И солнце новое, повсюду виден свет...
И люди все иные уж как будто...

Виктор Яковлевич, задумчиво глядя на ключ, читал стихи Честнякова. Потом снова бродил по деревне, думая о чем-то своем.

На другой день мы разыскали в Кологриве человека, который взялся нам показать, где лежит большой валун, который можно было бы установить на месте дома Ефима Честнякова.

Этим человеком был Владимир Дмитриевич Осипов. Он повез нас в Судилово - в полтора километрах от Кологрива - и там близ дороги, в овражке, показал на потемневший камень, большая часть которого была в земле. Мы походили возле него и сразу решили, что это именно тот самый камень, который должен лежать в Шаблово.

Глаза В.Я. Игнатъева светились. Он не скрывал своей радости. А на другой год, кажется в начале июня, он пришел ко мне в редакцию областной газеты и положил на стол снимки - а на них фотоистория о том, как он с кологривчанами откапывал и перевозил в Шаблово валун. Тогда же мы и

Могила Честнякова на кладбище в д. Илишево.

решили, что должно быть написано на памятном знаке: «Здесь стоял дом, в котором родился, жил и умер Ефим Васильевич Честняков, художник, поэт, мыслитель.» Это был первый камень в основании города Всеобщего Благоденствия, - так мне по крайней мере кажется.

А потом мы с Виктором Яковлевичем уже приезжали на праздник в Шаблово - много здесь собралось тогда гостей из Кологрива, из Костромы, из Москвы и других городов. Много было различных бесед и встреч. Но мне запомнилась одна...

III.

Ушел из жизни Ефим Честняков, оставил после себя множество живописных произведений, рукописных книг, карнавальных костюмов, сшитых для спектаклей, компас, часы, фотоаппарат английского производства, книги, газеты, и все это разошлось по деревенским избам.

Сергею Рыжову досталась Ефимова свирель.

Играть он на ней не умел и потому убрал подальше и хранил как реликвию. Вообще надобно сказать, что жители окрестных деревень относятся к Ефиму как к святому, любую тряпицу его берегут и прячут от посторонних глаз. А прячут потому, что в свое время местные власти к самобытному художнику с подозрением относились, не жаловали, а

подчас и настоящее гонение устраивали. Ибо говорил он, что думал, не холуйствовал, не заискивал, по своим собственным законам жил. Лишь совсем недавно, например, старая жительница из Бурдова Нина Константиновна Веселова призналась сотруднику Костромского краеведческого музея Виктору Яковлевичу Игнатьеву на празднике в Шаблове:

- Счастье-то какое, что дожила до такого дня. Сколько людей-то приехало к Ефимушке. Как его чтят. Знала бы раньше...

- А что раньше!

- Да не знаю, мил человек, как и сказать-то тебе. Не обидеть бы. Ведь когда ты приезжал к нам молодой, мы ведь от тебя в лесу прятались.

- Как!!

- Мы Ефимовы вещи берегли. А нас за это ругали...

И отдала старушка сотрудникам музея косоворотку художника с незатейливой вышивкой, пять акварелей и рисунок тушью - иллюстрацию к шведским сказкам «Семеро сирот из Фростмо» для издательства «Грядущий день» (было такое на заре Советской власти). Вот ведь как! Народ всегда идет навстречу, если к его культуре, к его памяти относятся с добром и уважением.

Кстати, Сергей Рыжов тоже был на празднике в Шаблове. Да и как ему не быть, когда он здесь единственный житель. Изба его стоит на краю деревни, над Унжей. Смотрел, как памятный знак открывали на том месте, где когда-то стоял дом Ефима Честнякова, долго стоял у картин, что висели на внешних стенах деревенских изб, разглядывал их. Слышал, как музейщики разговор вели о Ефимовых вещах, что хранятся еще у местного населения. Послушал и отошел в сторонку.

На другой день услышал он легкий стук в окошко. (Как раз сидел и пил чай с братом Алексеем. Брат в Москве живет и приехал на торжество в Шаблово. Специально. По этому случаю даже ордена прикрутил к лацкану пиджака, мол, мы, шабловцы, тоже не льком шиты, геройски за Родину дрались). Надел Сергей сапоги на босу ногу, вышел в сени. Увидел на крыльце В.Я. Игнатьева. Поздоровался. И долго стоял и молчал, словно раздумывая, пускать музейного работника в избу или нет. Пригласил Алексей.

- Ну что стоим? Заходите. Чайку поьем...

Дома разговорились. Алексей вспомнил, как воевал в армии Рокоссовского, потом вспомнили родителей. Отец отличный плотник был в деревне. В Сибири умер. И что-то туг произошло с Сергеем, может быть расчувствовался: махнул рукой, как бы говоря: «А что уж там, ладно...» Подошел к горке, открыл, постоял в раздумье, протянул музейному работнику Ефимову свирель.

*Деревня Шаблово. Место, где стоял дом
Е. Честнякова. Лето 1998 г. Очередной праздник,
справа - В. Игнатъев разговаривает с Лебедевым
(с сумкой), хорошо знавшим Е. Честнякова.*

- Вы о ней говорили. Не в Бурдове она. У меня всегда хранилась. В горке. На, бери, раз для музея нужно. Только смотри, храни ее. У Ефимушки-то другой свирели больше не было. Единственная! - Он помолчал, долил из самовара кипятка в стакан. - А праздник хороший получился. Душу мою тронул. Да и брательника тоже. Ефимушка, наверно, доволен...

За Илишевым находится поселок лесорубов - Красный Бор. Ужуга - на противоположной стороне реки. Каждое утро в леса отправляются по узкоколейке небольшие поезда, которые везут рабочих на деляны, а путь иногда предстоит дальний - несколько десятков километров. Смею заверить, если бы такие путешествия в зеленых вагончиках совершали туристы, то эту поездку они бы долго вспоминали. Тут есть своя экзотика. Повсюду в колосовских лесах встречались «усы» узкоколеек, которые ведут в дебри и заканчиваются там, где вырубки или деляны, но в последнее время некоторые старые магистральные пути уже разобрали...

Несколько лет назад будучи в Кологриве по редакционным делам я поехал в Монзу по старой, бог весть когда положенной узкоколейке. Открытую дрезину мотало из стороны в сторону. Попутчики мои крепко держались за борта. Поездка показалась бы страшно нудной, не будь вокруг изумительных мест: тут и корабельные сосны на вырубках, светло-фиолетовые озера кипрея, бесконечные малинники. Но ни одной живой души вокруг. Наконец впереди появились какие-то вагончики, трелевочные трактора.

«Монза?» - поинтересовался я у попутчиков. «Нет, - ответили мне. - До Монзы еще ехать и ехать...» Но дрезина остановилась. Водитель спрыгнул в густую траву и бросил нам: «Минут через пятнадцать тронемся...» Я решил размяться. Взял фотоаппарат и направился к облезлым вагончикам. В тени тракторов сидели на корточках механизаторы и рабочие. Курили. Побродив немного, я стал возвращаться к дрезине и вдруг слышу, как кто-то назвал мою фамилию, негромко, как-то застенчиво. Оглянулся. Ничего не могу понять. Кто меня может знать здесь? Я тут никогда прежде не был. Вижу в тенечке, под гусеницей трактора, сидит мужчина в промасленной спецовке, смотрит на меня как-то странно, хочет улыбнуться и в то же время подавляет улыбку, отчего коричневое лицо его чуть исказилось в смущении.

- Не узнаете?- спрашивает мужчина.

Всматриваюсь и не могу узнать. Испытываю неловкость и даже замешательство, и это мое состояние, видимо, передалось ему, сомнение появилось в его взгляде.

- Вы в детдоме были? - тихо спросил он.

- Был.

- А где?

- В Кологриве.

Мужчина облегченно вздохнул.

- А я смотрю, вроде бы ты. - И он снова назвал меня по фамилии. - А я - Лебедев. Не вспомнил? Кыра я...

В детдоме друг друга знали больше по кличкам. Поэтому стоило ему только сказать «Кыра» - и я вспомнил. Присел рядом, на пенек, схватил его жесткую ладонь, потряс с радостью. Около двадцати лет мы не виделись. Не заговори он со мной - так бы и разминулись до конца жизни. А тут такое тепло в душе появилось, словно родного брата встретил. Оказалось, что живет он на Монзе, дети уже взрослые, «а на этой вот железяке работаю» - он погладил трактор. Потом заглянул мне в глаза:

- Из наших ребят кого-нибудь встречал?

Я стал перечислять, кого видел и с кем разговаривал. Нас было свыше четырехсот человек в детском доме имени Ленина. Всех не упомнишь. Но многих ребят из левого крыла здания, где была наша с Лебедевым спальня,

я не забуду до конца своих дней, как, наверно, и они меня - воспитывались многие годы в одной семье, были братьями и сестрами, хотя и страданий немало пришлось поначалу принять. В конце сороковых и в самом начале пятидесятых годов нравы детдомовцев мало чем отличались от нравов колонистов. На другой день после моего приезда меня поманил к себе здоровый чернобровый парень - Мишка-татарин. «По карманам шарить?» Мне не хотелось прослыть маменькиным сынком, и я кивнул. И этим кивком чуть было не испортил себе жизнь. Вечером Мишка повел меня в городской сквер. На танцплощадке играла гармонь. Много было танцующей публики. Мишка толкнул меня в бок: «Иди! Пошарь!» Сам встал в стороне. Я слонялся между танцующих пар, смотрел на карманы пиджаков у мужчин и испытывал страх. Наконец сунул руку в один карман и сразу же почувствовал, как мою ладонь сжало, словно тисками. Я попался. В детдоме состоялся педсовет, на котором решено было отправить меня в детскую колонию. Спасло чудо: я чем-то понравился одной воспитательнице - и она отстояла меня. Вскоре Мишку-татарина перевели в другой детдом. Не стало диктатора. Но сразу же образовались две шайки. Та, в которую вошли мы с Кырой, оказалась побежденной, и нас поодиночке начали отлавливать в коридоре или в классных комнатах и устраивали «темную», накрыв байковым одеялом, чтобы не слышно было криков избиваемых.

Вспоминается мне вот такой же солнечный день сорокалетней давности: я и мой детдомовский друг Колька Лебедев, по прозвищу Кыра, идем в Мантурово, скрываясь в кустах от проходящих изредка машин. Мы сбежали из детдома и теперь боимся, как бы нас кто не узнал, не вернул назад. Нам по тринадцать лет, а вообще-то даже и этого нет. Кыра несет свои и мои ботинки, а у меня за плечами старая котомка, найденная на помойке и вымытая в пруду, в ней немного сухарей и восемь кусков хлеба, сэкономленных нами от обедов, в кармане мелочи на рубль тридцать, а конечный пункт нашего странствия - Ташкент или Самарканд, говорят, что там хлеб буханками растет, а яблоки и груши под деревьями лежат и никто их не собирает. В рай бежим.

Переночевали в амбаре, свернувшись калачиками па полу и простучав зубами всю ночь, а чуть только рассвело, снова отправились в путь, рассчитывая к вечеру дойти до Мантурова и там сесть на товарняк, идущий в сторону юга. Все шло по плану, но поздно вечером в зале железнодорожного вокзала нас увидела учительница русского языка и литературы Евгения Гавриловна Белозерова, возвращавшаяся с мужем, учителем физкультуры, из отпуска в Кологрив. Посыпались вопросы. Мы запутались в ответах. А тут, как назло, проходил рядом дежурный милиционер, прислушался к разговору - и через тридцать минут мы были в милиции.

Полторы недели провели мы в камере с решетками на окнах с какой-то цыганской семьей, а затем на попутной машине (милиционер взял с нас честное слово, что мы не сбежим по дороге, отправил нас одних, видимо, не хотелось ему трястись двое суток по ухабам туда и обратно) приехали в детдом. Возвращаться было стыдно. Но ничего не поделаешь. Зато через два года, когда я выступал солистом при детдомовском хоре и играл в спектаклях в Доме Культуры, вдыхал за кулисами чудный запах грима, я благодарил судьбу, которая так милостиво обошлась со мной, вернув меня в Кологрив. Доволен был и мой приятель, Колька Лебедев. Скитания ему явно надоели. Через три года он уехал в Ужугу, выучился на тракториста в ФЗО и исчез где-то в кологривских лесах.

Однажды мне пришло письмо.

Распечатав его, я высыпал на стол содержимое - десятка два маленьких, какие шли обычно на комсомольские билеты, фотографий. На них мальчишки, подстриженные наголо или с очень короткой прической, в одинаковой одежде, и девчонки в темных платьях с белыми воротничками, у иных банты. На обратной стороне каждого снимка - фамилия и имя, написанные разными детскими почерками.

Эти фотографии прислал мне Володя Бальчугов, мой приятель детства, мы жили в детском доме в одной спальне, и некоторое время у нас была одна на двоих тумбочка, до отказа набитая книгами. Бальчугов читал с утра до позднего вечера, вода носом по страницам, - у него была уже в ту пору большая близорукость. Расстались мы, когда нам было по шестнадцать. А увидел я его в Костроме лет пять назад, он переходил улицу с собакой-поводырем, красивой колли. Он стал инвалидом по зрению.

Некоторых ребят, что смотрели с присланных фотографий из далекого уже детства, я не помнил - в детдоме воспитывалось около четырехсот человек. Вот Ленка Головин: упрямые губы и взгляд — попробуй тронь меня. Таков же и Гера Богданов со своими пронизывающими серыми глазами. Паша Козлов, симпатичный паренек, судя по внешности, стал, наверно, каким-нибудь начальником. А вот упрямый и настырный Гриша Саешников. Этот еще при мне поступил в Ярославский техникум, потом приезжал, проводил отпуск в детдоме. Генка Рванцев, мой закадычный друг. Говорят, что он, закончив вечернюю школу, а потом институт, работал в Ленинграде инженером, приезжал в Кологрив с семьей. А привезли его в детдом из блокадного города. Он даже фамилии своей не знал, мал еще был. Воспитатели сами придумали ему фамилию по его виду - Рванцев. Потом он, кажется, нашел своих родственников, и теперь у него фамилия другая...

Когда я читаю в последнее время о жизни современных детдомовцев, вижу в телевизионных программах их лица, а в них аморфность, безразличие

в словах их - горькая жалоба на свою судьбу, на неустроенность (в одном документальном фильме о воспитанниках детдома, которые работают где-то на стройке, один паренек тихим, жалобным голосом вешал, что он даже не умел чай заваривать по выходе из детдома), честно скажу, мне их не жалко, как ни стараются журналисты разжалобить меня, даже более того, меня раздражает сам журналистский подход к этой теме - где-то найти, раскопать вот такие убогие, слабенькие телом и духом существа и выдать это чуть ли не за повсеместное явление.

Издавна во всех детдомах были мастерские для девочек и для мальчиков. Они и сейчас есть. В Кологривском детском доме (я воспитывался там с конца сороковых до середины пятидесятих годов) ребята два раза в неделю посещали столярную и сапожную мастерские. И попробуй, прогуляй занятие! Лично я ходил с неохотой в обе мастерские, но под конец мог смастерить табуретку и подшить валенки. И по сей день смогу вспомнить то и другое ремесло, если прижмет. Девчата занимались в швейной мастерской. Некоторые потом остались в Кологриве, вышли замуж - знаю, при маленькой зарплате обшивали свои семьи.

Не хочу сказать, что Кологривский детский дом был садом Эдема, где всем жилось вольготно и легко. Это далеко не так. Вроде бы внутренний порядок соблюдался, и воспитатели были довольны состоянием дел: драк нет, койки заправлены и подметены полы, ослушников, а тем более хулиганов, по пальцам перечесть. Но это на первый взгляд. В детдом частенько попадали парни из колонии, они и привнесли сюда обычаи и нравы преступного мира.

Оптимизм - самая характерная черта детдомовцев, которые воспитывались в тридцатых, сороковых, пятидесятих годах. (Мне встречаются иногда наши детдомовские девчонки. Не все ладно в семье. Но они душевную боль не показывают, прячут ее внутрь. А на лице всегда улыбка - впечатление такое, что хорошо живут. Это не пыль в глаза. Это жизненная установка, приобретенная в детстве). Порой мне кажется, особенно в последнее время, когда рушатся идеалы и не видно больше прекрасных ориентиров впереди, что детдомовцы прошлых лет - последние ревностные защитники социализма в стране. Они коллективисты. Воспитатели каждый день твердили им одну и ту же фразу в разных вариациях: «Любите Родину, она о вас позаботится, она ваша мать...». Ребята из детдома совершали набеги на колхозные поля, уносили с собой турнепс и картошку, свеклу и морковь. Воровали у матери-Родины. Но это не мешало ее любить. И тут противоречия нет. Детдомовцы всегда были сыты, обуты и одеты, была крыша над головой, чистое постельное белье, книги и т.д. В детдоме была прекрасная художественная самодеятельность. Приходил два или три раза в неделю пианист Константин Иванович Козлов. До сих пор кологривские старожилы вспоминают

замечательные голоса сестер Гамориных, Али Верютиной и других девчат и ребят. Каждый год детдомовцев отправляли в ремесленное училище и в ФЗО. Но давали и десятилетку окончить, если человек учился хорошо. А потом каждый становился строителем своей судьбы.

Мне вспоминается Женя Михайлов. Это был хрупкий, вежливый и самостоятельный парнишка. Детдомовцы всегда ходили стаями, потому что отношения с городскими ребятами вечно были плохими. Ни в одной стае я Михайлова не видел. Может быть, поэтому старшие детдомовцы относились к нему с недоверием, и иногда с презрением, натравливали на него разную шантрапу. Чтобы выжить и сохранить свою самостоятельность, во всем, нужно было давать сдачу. Михайлов где-то раздобыл гири и ворочался с ними чуть ли не все летние дни. Через год он окреп, и теперь уже к нему никто не лез. Побавались. Он хорошо учился. И мечтал стать летчиком. Ему разрешили закончить десятилетку.

Однако в летное училище он не прошел по состоянию здоровья. Вернулся в Кологрив. Но мечты своей не оставил. Год он работал на конюшне, помогал конюху в его большом хозяйстве и по-прежнему занимался физкультурой, бегал, прыгал, ходил на лыжах (все остальные предпочитали кататься с гор), плавал в Унже - закалил себя. И снова поехал поступать на следующий год. Назад уже не вернулся... Его зачислили в Оренбургское летное училище. Учился он вместе с Гагариным. Через два года появился в Кологриве. Ходил по детдому в офицерской шинели с лейтенантскими погонами. Благоухал дорогим одеколоном. Офицер! Видимо, был при хороших деньгах, повел нас, человек пятнадцать, в кинотеатр. Кажется, это был первый офицер в стенах детдома. Впечатление он произвел. Несколько ребят тогда после его отъезда тоже решили стать военными. И добились своего. Военными стали Виктор Румянцев, Михаил Круглов и другие.

В детдоме воспитывалось много девчат с трудной судьбой. Но все же не пали духом, учились, создали семьи, хорошо живут. Галя Шмелева стала педагогом, Нина Цветкова - врач-педиатр. Галя Жеребко, Тамара Скорикова, Валя Большакова и многие другие закончили зоотехникум. Валентина Михайловна Золотова (быв. Большакова) была начальником семенной лаборатории. Бабушкой стала и Галя Жеребко, когда-то лучшая гимнастка Кологрива, выступавшая с гимнастическими этюдами на всех школьных вечерах. Ее тоже уважают все, она была депутатом райсовета. Как-то у нас разговор зашел о нынешних молодоженах. Я поинтересовался, какие свадьбы были у детдомовских девчат. А мне говорят: «У нас свадеб не было. Устраивали небольшой вечер. И все...» Что ж, мам и пап с большими кошельками не было. В жизнь входили самостоятельно, бедные, но с высоко поднятой головой, мечтая о лучшем будущем.

Мы сейчас много говорим о милосердии. Но милосердие у нас - мероприятие, акция, оно не окрылено высшим душевным порывом. У мероприятия души нет и быть не может. Наши воспитатели создавали из детдомовцев строителей коммунизма. (Кажется, эта комбинация слов сейчас не употребляется, она вызывает горькую усмешку одних и ненависть других). Нам не переставали твердить: «Будь честным, будь справедливым, будь настойчивым в достижении цели...» О добре и милосердии тогда не говорили. Но это не значит, что ни того, ни другого не было.

Я помню, как воспитательницы приносили нам ягоды из своего огорода, майки и рубашки, оставшиеся после своих детей. Я любил книги. Где-то раздобыл том дореволюционного издания Апухтина. И он лежал у меня на тумбочке. Увидела воспитательница Елизавета Федоровна Кукушкина, удивилась и сказала, что дома у нее есть старинные издания Шиллера, Байрона, Гоголя. Пригласила меня к себе. И я с удовольствием провел несколько дней в маленькой светлой комнатке на втором этаже за чтением этих авторов. И обедал вместе с детьми воспитательницы. Так я начал свое знакомство с мировой культурой. Сейчас говорят - это было жестокое время - а вот же, какие прекрасные человеческие качества оно рождало...

Мы, приезжая в Кологрив, заходим к своим стареньким воспитателям. Они рады нам. Правда, их все меньше и меньше остается. Как и бывших воспитанников, впрочем. Прислав мне детские фотографии Владимир Бальчугов как бы между прочим заметил, что время уходит, и может быть, настала пора встретиться нам всем, как в судный день и обговорить, кто как прожил жизнь свою, чтобы это был день исповедальный. О том же самом и девчата наши говорили, те, что стали уже бабушками.

...Появился водитель с дрезины. «Садись, кому на Монзу...»

Мы с Лебедевым поднялись. Попрощались.

- Я давно не был в Кологриве, - сказал он. - Как там наш детдом-то? Говорят, здание стоит пустое, окна выбиты?

- Да. Гибнет на глазах.

- Жаль. Больно. Ты бы написал об этом.

Я дал слово, что напишу, - и исполнил его. После выступления в областной газете, в один из приездов в Кологрив, увидел плотников в здании. А через два года в бывшем здании детского дома (семь лет оно стояло пустым и стало разрушаться) поселились жильцы. Здесь постелили новые полы, побелили потолки и покрасили стены. Но одна стена осталась нетронутой - на деревянных брусах до сих пор сохранились фамилии и имена бывших детдомовцев, написанные химическим карандашом и вырезанные перочинными ножами. Первый автограф оставил кто-то в 37-м году, а последний датируется 62-м. Иногда я прихожу к дому вечером, когда уже

освещены все окна. Вижу за занавесками силуэты людей и возвращаюсь мыслями к далеким пятидесятым годам. Вот сейчас услышу звуки пианино в зале и детдомовский хор, исполняющий «Школьный вальс» Дунаевского: «Давно, друзья веселые, простились мы со школою...» Было в этих стенах и хорошее и плохое. Всего в досталь. Но вспоминается почему-то всегда только хорошее. И не только мне одному...

В последние десятилетия немало было написано про памятник природы «Кологривский лес». А базой для ученых всегда была Варзенга, а точнее дом с просторной зеленой лужайкой - тут жил лесник П.Ф. Чистов. По существу, он и познакомил ученых с уникальным еловым массивом в семнадцати километрах от поселка, сам привел их туда. Многих героев этой романтической истории уже нет в живых.

В Варзенге у дома лесника Павла Филипповича Чистова встретил девушку. Она была в старенькой брезентовой куртке с башлыком. У ее ног лежал туго набитый вещмешок. Думал, какая туристка забрела в эти места, а оказалось, что передо мной - молодая сотрудница научного института имени А.Н. Северцева Ася Просвирина. Она дожидалась машины, которая должна была подбросить ее до заказника «Кологривский лес». Минут двадцать мы стояли и говорили. Я узнал, что она успела побывать в экспедициях на Севере, в Сибири и на Сихотэ-Алине. Здесь уже второй раз.

У меня благоговение перед «Кологривским лесом», - сказала она, - и особенно перед просекой, которая ведет к памятнику природы. Хочется взять в руки кисть и написать ее...

Я услышал от нее о реликтовом лесе, который пятьсот с лишним лет не видывал пожаров (а они проходили совсем рядом, в четырех километрах от массива) и развивается по своим собственным законам, об удивительном водоразделе, - тут из одного болотца расходятся в разные стороны три речки - Воюх, Лондушка и Ухта. Одна бежит на север, другая на юг, а третья на восток, и что самое любопытное - Лондушка идет сто километ'ров строго на север параллельно Унже, которая бежит в противоположном направлении.

Асина увлеченность заинтриговала меня. Захотелось увидеть таинственный еловый массив своими глазами. Место в машине нашлось. Тринадцать километров по старой разбитой лежневке. Четыре километра

*Костромской ученый А.В. Письмеров
в «Кологривском лесу»*

по просеке - и вот я уже стою на солнечной лужайке. У голубых щитовых домиков ученые укладывают в вещевые мешки гербарии, колбы, альбомы — работа в массиве этой группы научных работников закончилась, завтра утром они отправятся домой. Геоботаник К.В. Зворыкина, связывая бечевой рамки, в которые положит потом растения, говорит, что не зря работала в этом лесу, собранные растения дополнят данные о флоре и теперь, вернувшись домой, сядет за написание научных статей о резервате.

У лесного ручья сидят на скамейке и о чем-то беседуют крупные научные авторитеты - почвовед А.Я Орлов и типолог-лесовод С.Ф. Курнаев. Последнему уже за семьдесят, а он полон молодого оптимизма.

Мне говорил:

-Приехал сюда - ахнул. Вот это лес! Деревьям по 300-400 лет! Здесь состыковались растения из северного, восточного и южного ареалов. И на сегодняшний день нами выявлено свыше ста видов растений. А ведь работы, по существу, только-только начались.

В последний свой вечер ученые сидели у костерка. Лес таинственно молчал. Сильней звенел в темноте ручей, яркие звезды сияли над головой. На столе в граненом стакане догорала свеча. Ученый Юрий Данилович Абатуров (не так давно узнал, что он три года был на Чернобыльской АЭС. После катастрофы изучал влияние радиации на растительный мир, совершил подвиг, пожертвовав своим здоровьем ради науки, рано уйдя из жизни), дождавшись паузы в общем разговоре, поведал о своей находке:

- А я вчера обнаружил пень на вырубке. Стал считать кольца. И сколько, вы думаете, насчитал? Четыреста пятнадцать! Вот это дерево было!

Он рассказал, что вокруг лужайки росли ели высотой в 45 метров. Их свели лесозаготовители в период борьбы ученых за этот уникальный массив. Но еще можно тут и там встретить пихту в 30 метров, Такие же липы. Березы несколько поменьше - в 25 метров. Редко попадается осина, но зато ствол ее - что колонна древнего Акрополя, прямой и высокий, фуражку приходится придерживать рукой, когда глядишь на крону!

Разошлись в третьем часу ночи. Залезли в спальные мешки и улеглись на деревянных нарах.

Солнечным утром на лужайке совсем другой вид. В зарослях светло-фиолетового кипрея весело смотрятся голубые домики. Веселей журчит внизу лесной ручей, там уже слышны голоса.

Впереди завтрак и последние сборы. А студентка МГУ Наденька Крылова взглянула на меня своими большими грустными глазами:

- Пойдемте, попрощаемся с лесом. И если можно, сделайте мне фотографию на память...

Пошли. Здесь все гигантское. Даже ивы и рябины. Остановились перед упавшим стволом ели. По нему можно гулять, как по тротуару в городе, - таков диаметр. Корневая система напомнила мне раскрытый зонт гигантского размера. Возле этой ели я и сделал снимок девушки.

Под ногами - «подушка» из сфагновых мхов, поросших хвощем. Травостой богат: медуница, ясменник, копытень, сныть, кислица, майник, линнея северная...

Девушка показала мне на два растения под сваленным великаном.

- Это мох. А вот это елочка в девять лет. Как все здесь пригнано и прилажено. Да? Какая гармония во всем. Настоящий храм природы!

- А это что? - кивнул я в сторону квадратной ямы.

- Это хозяйство Абатурова, - она приподняла еловую ветку. - Видите, градусники стоят. На смену нам приедет Александр Васильевич Письмеров со своими людьми из Костромской лесной опытной станции. Для всех нас этот лес - лаборатория.

Через два часа ученые отправились по лесной просеке к лежневке. Казалось, это идут непальские шерпы, навьюченные выше головы, - только и видны непомерно раздутые зеленые рюкзаки и ноги в резиновых сапогах...

В моей домашней библиотеке есть две книги о «Кологривском лесе», с автографом костромского ученого Александра Васильевича Письменова, хранится его неопубликованный труд «Тенденция разрушения таежной биоты России и пути ее` возрождения», а также вычерченная им красочная «Схема территории проектируемого биосферного заповедника в Кологривском районе».

Жирную «запретную полосу» на кальке уже прорвали в нескольких местах тонкие линии лежневок и узкоколеек. Его грандиозный план - включение в

заповедник территории между двух притоков Унжи - северных рек Понги и Кисти общей площадью 156 тыс. гектаров леса был на грани провала.

Пока документы и всякие расчеты лежали на столах московских чиновников, кологривские лесорубы уже проникли в самое сердце будущего заповедника. Под бензопилами пустел один лесной квартал за другим. С оглушительным треском и грохотом падали наземь 45-метровые ели. «Усы» узкоколейки подвели к последним четырем кварталам. Через месяц их бы не стало. И тогда А.В. Письмеров бросился в Москву, но не в беспечное министерство, а явился в редакцию газеты «Правда» и на другой день вместе с корреспондентом этой газеты приехал в Кологрив.

Статья в «Правде» все решила. Чиновники в столице и в Костроме зашевелились, последовали один приказ за другим. Четыре последних квартала - 85, 86, 87 и 88-й достались ученым.

Несколько раз был я с Александром Васильевичем Письмеровым в резервате «Кологривский лес». При своей кажущейся медлительности, неповоротливости ученый обладал необыкновенной энергией. Я это увидел летом 1987 года, когда в Кологриве состоялся Всероссийский семинар на тему «Выделение лесных эталонных участков и организация исследований в них на базе памятника природы «Кологривский лес»». Тогда приехали ученые с Камчатки, из Батуми, с Кольского полуострова. После заседания в Кологриве состоялась экскурсия в «Кологривский лес».

Ученые были восхищены увиденным! Четыре часа водил их по лесу Александр Васильевич — показывал, рассказывал, вспоминал и мечтал. Все устали. Он - нет. Помню, какой-то ученый, штурмуя упавшую ель, ткнулся головой в кочку и застыл. А.В. Письмеров вернулся, склонился над коллегой, пытаясь его поднять, а тот упирается. Оказывается, кочка была полна крупной, чуть ли не с китайку, черники. И тот ее охотно уминал. (А на обратном пути экскурсантов ждали малинники. Таких ягод, по их признанию, они еще никогда не ели). Ученые в тот день вернулись в райцентр, а Александр Васильевич остался в лесу.

Позднее, когда мы ездили с ним в «Кологривский лес» вдвоем, я не мог понять - как он ориентируется в этой чащобе. Кругом одни заросли, папоротники, лежащие под темно-зеленым мхом старые полусгнившие деревья, пни с высокими шапками мха, корневища упавших деревьев. Впечатление такое, что ученый идет наобум, а не целенаправленно. Но он только улыбается.

- Я тропу чувствую...

А я иду след в след за ним и - никакой тропы. Он же при этом философствует, рассуждает о нашей бесхозяйственности, приводит расчеты, по которым от наших лесов мы можем ежегодно получать миллиарды

долларов - при хозяйственном подходе к делу...

После многочисленных экспедиций семидесятых и восьмидесятых годов наступило затишье в «Кологривском лесу». Политические страсти начала девяностых годов увлекли немало людей, в том числе и Александра Васильевича. Он баллотировался в депутаты Верховного Совета, но безрезультатно. В ту пору (да и в наше время мало что изменилось) во власть прошли в большинстве случаев краснобаи, корыстолюбцы и златолюбцы, жаждущие собственного обогащения и не думавшие о государственных проблемах. Люди дела тогда оставались не у дел. Попробовал Александр Васильевич себя в предпринимательстве, создал фирму «Тайга» и мечтал о миллиардных прибылях для области.

Москва его не поддержала, фирма лопнула. Пребывая в мучительных раздумьях, он позвонил мне: «Поехали в «Кологривский лес»? А?»

Через два дня мы уже мчались на старенькой танкетке (водитель купил ее за гроши у геофизиков, когда те закончили свои работы в районе) по проселочным дорогам, сокращая путь. Но в лесу, на старой вырубке, из которой шли пять дорог в разные стороны, поняли, что заблудились. А.В. Письмеров грузно вывалился из кабины, достал из-за пазухи карту и разложил на пне. Присел рядом. Я думал, что он смотрит путь! Подошел к нему - и вижу, что карта не тех масштабов, чтобы сверять маршрут - это карта СССР и наша область на ней с детскую ладошку. На лице ученого я увидел блаженство. Вокруг пели птицы. Где-то над головой стучал дятел. Высоко в голубом небе застыло огромное кучевое облако. Всем этим он наслаждался, и особенно шумом легкого ветерка в зеленых кронах корабельных сосен на вырубке!

В эту поездку я узнал от него, что в столице было принято решение за подписью премьера Черномырдина организовать государственный заповедник на 60 тысячах гектаров, куда будет входить и «Кологривский лес». Еще он сказал, что на конференции ООН принято решение о включении России в систему выделения опытно-показательных лесов. Это девственные, многовековые, не тронутые рубками массивы вроде нашего Варзенгского. На подготовительные работы уже выделено 90 миллионов долларов. Александр Васильевич сказал, что написал письмо в Москву, и теперь живет надеждой, что решение конференции ООН коснется и уникального памятника природы «Кологривский лес»...

Хотели спрямить путь, а выехали к насыпи УЖД лишь к полудню. Узкоколейки уже давным-давно нет. Кое-где еще лежат ржавые рельсы. Да стоят столбы с перепутанными проводами. Мосты рухнули. Да и на самой лужайке, где еще стояли голубые домики, видны были следы разрушения, следы разорения. Все, что было в домиках, унесено - спальные мешки,

посуда... Правда, А.В. Письмеров все же разыскал где-то примус «Пчелка», хорошо, очевидно, им припрятанный много лет назад. Примус долго чихал, но все же заработал. Отыскался и закопченный чайник, который служил экспедициям вот уже 20 лет.

- Жить можно... - пробасил ученый, набирая воду из лесного ручья.

Уже после ухода из жизни Александра Васильевича встретил я в деревеньке Бурдово молодых ученых из столицы, которые делали проектные исследования для будущего заповедника. Теперь этот проект находится в министерстве на экспертизе, и уже ни у кого нет сомнений, что заповедник «Кологривский лес» будет создан.

А. В. Письмеров хлопотал о грантах. О связях с западными деловыми людьми и учеными.

В прошлом году в памятнике природы «Кологривский лес» побывали голландцы. Жили в Кологриве несколько дней. На днях приезжал на унженские берега посол Голландии в России. Связи установлены, пошли деньги...

Грандиозный письмеровский проект осуществляет теперь другой ученый - Максим Григорьевич Синицын, слышал, человек большой энергии, сильной воли и ума. Может, при создании заповедника кому-нибудь придет мысль дать ему имя А.В. Письмерова, по существу, основоположника этого дела.

Это было бы справедливо...

Между прочим, деревни Шаблово, Илишево и еще несколько населенных пунктов в окрестностях принадлежали роду Барановых из которого вышел известный нижегородский губернатор. И еще любопытная деталь - во время правления Николая Михайловича в Нижнем, по соседству с ним жил его земляк из Илишево, народник Панов, находившийся под негласным надзором...

С о знакомым художником ездили в Шаблово под Кологривом, а затем поехали на кладбище у Красного Бора, где за небольшой деревянной оградкой могила художника Ефима Честнякова вся в дырках. В окрестностях такая молва ходит, что, если потереть больное место на теле землей с могильного холмика, под которым Ефим лежит, все пройдет. И, видимо, в самом деле, помогает. Дыры засыпают песком, а они в другом месте появляются.

Стояли ни на кладбище, и каждый думал о своем.

А когда стали возвращаться назад, у старой церкви в деревеньке Илишево, там, где дорога делает крутой поворот, мой знакомый сказал.

- В этой деревне, кстати, родился и жил духовный наставник Ефима - Александр Васильевич Панов. Он потом уехал в Нижний и там участвовал в социал-демократическом движении. Был поднадзорным, политически неблагонадежным...

- Любопытно...

Дело в том, что из этих же самых мест - здесь родился и жил в детстве - известный на всю Россию нижегородский губернатор Николай Михайлович Баранов. Шаблово принадлежало Барановым. Так что, выходит, в одном городе жили два земляка, и почти в одно и то же время. Один - на гребне власти. Другой - под постоянным надзором полиции.

Некоторое время спустя я сидел в горьковской библиотеке и просматривал старую подшивку «Нижегородского листка», искал материалы, связанные с деятельностью Н.М. Баранова в Нижнем Новгороде, его статьи (он был неплохой публицист, писал и в журналы) и случайно наткнулся в двух номерах на большие «подвальные» статьи под названием «Домашние библиотеки». Автором их был А.В. Панов. Он составил список литературы, которую непременно стоит прочитать. 352 названия! Здесь история, политэкономия, философия, педагогика и т.д. Этот рекомендательный список поверг в ужас охранное отделение. Прочтя эти книги, даже малую часть, человек явно станет в оппозицию к правительству и режиму.

А.В. Пановым заинтересовался М. Горький. Потом, в 1924 году, он напишет очерк об Александре Васильевиче. Он скажет, что Панов был «один из тех людей, которые всю жизнь свою, все силы затратили скромно и бесшумно на то, чтоб подготовить социально-геологический переворот в России. Всю жизнь Панова, - как и многих, подобных ему, - гоняли из города в тюрьму...»

По словам М. Горького, были романтики и фанатики народничества. Панова он отнес к последним. Он не был в партии, но социал-демократы считали его своим человеком.

Этот человек почти ничего не успел сделать. Он выпустил только одну книгу в 1903 году. Она называлась «Домашние библиотеки. Опыт составления систематического указателя книг для самообразования».

В том году он жил на Моховых горах под Нижним. Он уже безнадежно болен. У него бывает М. Горький и друзья писателя. Горькому он жалуется:

- Ужасно рано умираю я. Так досадно. Безобразие...

А в глазах была уже предсмертная тоска. Он умер в 37 лет. Хоронила его вся социал-демократическая организация Нижнего. Говорили, что шпики переписали всех, кто провожал Панова в последний путь.

В Нижнем его помнят. Хранят о нем память.

В Кологриве его почти не знают...

Впрочем, как и Н. М. Баранова...

А теперь переправимся на противоположный берег Унжи, переедем в северо-восточную сторону бывшего Кологривского уезда. Там стояли когда-то усадьбы Толстых, Фигнеров, Катениных...

В детстве я бредил южными морями, проглотил все книги о мореплавателях в кологривской библиотеке. Летом, валяясь на песчаной косе на Унже, в тени ивовых зарослей, пахнущих яблоками, елозил носом по старинной зелено-синей карте из Большой энциклопедии, отыскивая острова в Полинезии. Там плавали и совершали открытия мои новые друзья: Лаперуз, Кук, Бугенвиль, Головнин, Лазарев, Крузенштерн...

С удивительной книгой «Водители фрегатов» я не расставался все лето. Первая русская кругосветная экспедиция увлекла меня надолго. А тут еще местный краевед старик Камайский поведал мне о приключениях Федора Толстого-Американца, усадьба которого находилась где-то под Кологривом. Этот Толстой-Американец тоже участвовал в экспедиции. Во время плавания совершал какие-то эксцентричные поступки, постоянно нарушал дисциплину на корабле «Надежда», в результате чего Крузенштерн вынужден был списать его с фрегата. Краевед Камайский рассказывал, как Толстой-Американец проехал через всю Сибирь, на день заехал в Николу-Граф, родовое гнездо под Кологривом, и на следующее утро отправился в Петербург.

Потом я узнал больше о жизни и деяниях адмирала И.Ф. Крузенштерна, сделавшего много полезного для русского флота и науки. В Петербурге ему поставлен памятник. Воды Мирового океана до сих пор бороздит учебное судно, которое названо его именем, - барк «Крузенштерн». Я узнал, что последние годы своей жизни он провел в родовой усадьбе под Ревелем и в этом же городе был похоронен.

Ревель - это нынешний Таллинн. Никогда не думал, что когда-нибудь буду в этом городе, но однажды дела привели меня в эстонскую столицу. В свободные часы отправился побродить по уютным, прекрасным улочкам старого Таллинна. Время и люди, словно морские волны, сгладили все шероховатости брусчатки, отшлифовали ее. Однако свернешь в иной переулочек - под ногами та же брусчатка в первозданном виде. Тут редко увидишь прохожих, и, кажется, между камнями еще сохранилась пыль средневековья. Покружив по улочкам, я вышел к костелу. Потом невольно возвращался к нему еще два или три: костел расположен так, что мимо не пройти. Переждал дождь под мощными кронами деревьев, которым, наверное, лет двести или двести пятьдесят, до высоты человеческого роста их стволы покрыты зеленым мхом. Мне очень понравилось это место. Пришел сюда и на следующий день. Очень хотелось найти место захоронения Ивана

Федоровича Крузенштерна. Под вечер в маленьком магазинчике, где продают сувениры, я спросил об этом у молодой женщины, которая стояла за мной и читала журнал.

- Крузенштерн? - переспросила она мягко с местным акцентом. - А! Это в Домской церкви.

- Далеко отсюда?

- Нет. Это рядом. Наверху. Она купила маленькую глиняную тарелочку с лепниной, положила в черную сумочку.

- Идемте, мне по пути.

Я пошел рядом с ней. Каблучки ее быстро цокали по плитам тротуара.

Вскоре мы вышли на небольшую площадь. Моя спутница показала на церковь.

- Здесь погребен Крузенштерн.

Как странно! Словно какая-то сила приводила меня к этому месту несколько раз. Я только не заходил внутрь костела, а останавливался на площадке под исполинскими деревьями, трогая руками их старую-престарую кору. Поблагодарив мою спутницу, я поинтересовался:

- Простите, а как вас зовут?

- Ану, - улыбнулась она, легким движением отбросив с лица светлый локон, и спросила: - А почему вас так интересует Крузенштерн?

Я рассказал о своих детских увлечениях, о книге «Водители фрегатов», об Унже и маленьком городе Кологриве, затерявшемся в бескрайних северных лесах, о краеведе Камайском, от которого я впервые услышал о Толстом-Американце. И тут вдруг Ану удивленно вскинула на меня свои голубые глаза и воскликнула:

- Надо же, как тесен мир!

- А что? - не понял я.

- Вы сказали о Толстом-Американце. А у нас дома хранится старинная записная книжка, которую он подарил моему прапрапрадеду во время путешествия вокруг света на шлюпе «Надежда».

- Невероятно! А кто же ваш прапрапрадед?

- Отто Августович Коцебу.

- Я не знал, что он плавал на «Надежде».

- Ему было в то время пятнадцать лет. Он учился в Петербургском корпусе, - рассказывала мне Ану. - Мама его умерла, а мачеха приходилась сестрой Крузенштерну. Отправляясь в свое первое плавание вокруг света, Крузенштерн взял племянника с собой. Пятнадцатилетний Отто подружился на корабле с молодым графом Федором Толстым. Крузенштерн не очень был доволен этой дружбой. Ведь известно, что, несмотря на молодость, Федор Толстой был дуэлянтом, забиякой и большим проказником. А кадет

И.Ф. Крузенштерн.

Михайловых, к которому принадлежал святой Нил Сорский.

Закончив Морской корпус в Петербурге, он, тем не менее, оказался в Преображенском полку.

Его родственник С.Л. Толстой писал о нем так: «Федор Иванович был среднего роста, плотен, силен, красив и хорошо сложен, вьющиеся волосы были черны и густы, черные глаза его блестели. Остроумный, страстный и живой он был привлекателен не только для женщин, но и для тех своих товарищей, с которыми дружил. Самолюбивый, дерзкий и смелый он не только не прощал обиды, но и сам вел себя вызывающе. Последствием этого являлись дуэли...» А известный литератор пушкинской поры Ф. Булгарин писал про Толстого так: «Он был опасный соперник, стрелял из пистолета превосходно, фехтовал не хуже Севербека (лучший фехтовальщик того времени) и рубился мастерски на саблях. При этом он был храбр и, не взирая на пылкость характера, хладнокровен в сражении и в поединке...»

Во время первого плавания россиян вокруг света Федор Толстой оказался в качестве кавалера посольства Н. Резанова - в чине поручика гвардии. В протоколах посольства он был записан в качестве «молодой благовоспитанной особы». Но эта «особа» так проказничала, что Крузенштерн не раз отправлял его под арест. То он напоил вином священника и затем припечатал сургучом его бороду к палубе. То впустил в каюту капитана обезьяну, и та измазала чернилами судовой журнал. Выходкам

Коцебу был тих и скромн, интересовался астрономией, естествознанием, лоцией, но все это дружбе не мешало...

Собственно говоря, о графе Федоре Толстом (родился в 1782 г.) можно было бы написать приключенческий роман. Он родился и жил в детстве в Кологривском уезде, в селе Никола-Граф. Родоначальником его рода был Петр Андреевич Толстой, сподвижник Великого Петра, участник суда над Алексеем Петровичем.

Отец Иван Андреевич, дослужился до генерал-майора, был Кологривским предводителем дворянства. А мать Анна Федоровна происходила из небогатого рода

Федора Толстого не было конца. Не выдержав всего этого, Крузенштерн распорядился высадить его с корабля «Надежда». Одни говорят, что после этого он оказался на Алеутских островах, другие - на Камчатке, кто-то утверждает, что на Аляске. Во всяком случае, иркутский священник Виноградов, побывавший в XIX веке в Ново-Архангельске, слышал о посещении Толстым этого поселения в начале века. Через год он появился в Петербурге, рассказывал о своих скитаниях и показывал татуировку на своем теле.

Федор Толстой - Американец

Есть сведения, что дамы, видя это падали в обморок. Он получил прозвище в свете: Толстой-Американец.

И снова начались у него дуэли, картежные игры, веселая, беззаботная жизнь. Правда, во время войны со шведами он выказал отчаянную храбрость, а при Березине был ранен, заслужил Георгия 4-ой степени, а потом на его мундире появились и другие ордена. Он дружил с Вяземским и Жуковским. Пушкин после ссоры с ним вызвал Толстого на дуэль, но тот, оберегая гения, уехал из Москвы. Потом они помирились. О Толстом-Американце писал Вяземский, Пушкин, Грибоедов. В «Горе от ума» Репетиллов говорит:

«Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку не чист...»

Это о Федоре Толстом. В Ленинской библиотеке, в Москве, хранится рукопись «Горе от ума» с пометками Толстого-Американца. Рядом со словами: «В Камчатку сослан был», он написал свой вариант: «В Камчатку черт носил, ибо сослан никогда не был.» А против строчек: «И крепко на руку не чист» он написал: «В картишках на руку не чист... Для верности портрета сия поправка необходима, чтобы не подумали, что ворует табакерки со стола.»

Толстой-Американец любил проводить время у цыган и там влюбился в красавицу Авдотью Тугаеву. Увез ее к себе. В семье сохранилось предание,

что однажды Федор Иванович проиграл в карты огромную сумму денег. Платить было нечем. Он решил застрелиться. И тут Авдотья, узнав о беде, вошла к нему в комнату и протянула нужную сумму. «Откуда это у тебя?!» - вскрикнул удивленно Толстой. «А сколько ты мне давал? Я все сохраняла. Не тратила. Возьми. Это твои деньги...» После этого Толстой женился на цыганке. У них было две дочери.

Умер он 64 лет в 1846 году и похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

За разговорами о прошлом мы вошли через низкую дверь в Домский собор, спустились по каменным ступенькам вниз и остановились в огромном зале. Заиграл орган. Я окинул взглядом помещение. Справа - очень впечатляющий деревянный резной алтарь. По стенам развешены древние фамильные гербы, богато украшенные, со сложной символикой. Домская церковь была усыпальницей дворян и знатных прихожан Ревеля. В глубине помещения я увидел Андреевские флаги, висящие над надгробием. Подошел. Прочел эпитафию на мраморной плите. Готический стиль. «Адам Иоанн Крузенштерн. 1770-1846». На правой стороне памятника по-русски надпись: «Первому русск. плавателю кругом света 1803-1806». На маленьком уступчике лежал букетик увядших цветов. Я постоял возле надгробия.

Сверху где тускло поблескивал орган, стекала плавно и грустно мелодия Баха. Послышалась скрипка. Тихая и умиротворяющая музыка. Стоя в каком-то метре от останков великого мореплавателя, я вновь, как в далеком детстве на берегу летней Унжи, явственно увидел в голубом море белые паруса фрегатов «Надежда» и «Нева», плывущих к берегам Японии, и капитана Крузенштерна, стоящего на палубе с подозрительной трубой в руках. Белые флаги с голубым Андреевским крестом развеваются на кормах кораблей. Эти морские флаги - символы великой России, некогда реявшие над океанами, теперь уже выцвели, потускнели, сотлели во многих местах. Я не удержался и слегка дотронулся рукой до флага Крузенштерна. Спасибо вам, дорогие эстонцы, тебе, старая Домская церковь, что сохранили эти русские святыни. Рядом со мной остановилась группа туристов. Услышал скороговорку гида: «Это надгробие в псевдоготическом стиле. Здесь похоронен адмирал Иван Федорович Крузенштерн. В то время захоронения в церквях были уже запрещены. Но указом императора Николая I разрешено было захоронить тело Крузенштерна под плитой церкви. Когда моряки вносили сюда гроб, на горе раздался прощальный орудийный салют. Следующее надгробие выполнено скульптором Демут-Малиновским. Здесь покоится тело учителя Крузенштерна, героя Чесменского боя, русского адмирала Самуила Грейга...»

Выходя из церкви, прихожане бросали монеты в щелку большого деревянного ящика, окованного железом, стоящего здесь, наверное, еще со времен Столетней войны. Я тоже бросил несколько монет.

Ану жила недалеко от Домского собора. Я проводил ее. Мы шли и говорили о старой России, когда Таллинн был еще Ревелем и эстляндцы Адам Иоанн Крузенштерн и Отто Августович Коцебу были офицерами русского флота, русскими подданными, и именно русская наука, культура, флот сделали их имена известными на весь мир, - оба стали кругосветными путешественниками.

Мы остановились у старого каменного дома. Ану пригласила меня к себе.

В квартире стояла старомодная мебель: - диван и кресла, обитые гобеленовой тканью, стол и буфет из красного дерева. В соседней комнате я увидел кабинетный рояль, очень старый шкаф. «Этому шкафу двести с лишним лет, - сказала Ану. - Он еще стоял в усадьбе Коцебу в Козе».

Она открыла дверцу и выдвинула ящик, достала небольшую записную книжку в темно-коричневом кожаном переплете с медной застежкой и подала мне.

- Это граф Толстой подарил ее юноше Коцебу, перед тем как покинул «Надежду» по приказу Крузенштерна, которому надоело терпеть его выходки.

- А где его посадил Крузенштерн? - спросил я.

- На этот счет существует много версий. Одни утверждают, что на острове, где жили дикари, другие говорят, что на Камчатке.

Ану улыбнулась.

- Я склонна верить семейному преданию, - сказала она. - А оно отличается от литературных историй. Отто Коцебу говорил о том, что ваш земляк был переведен на «Неву» к Юрию Лисенскому. С ним он плывал в Русскую Америку, был в Ново-Архангельске, а потом через Сибирь вернулся в Петербург.

В записной книжке еще сохранились записи, правда, коричневые чернила во многих местах выцвели, а водяные разводы говорили о том, что книжка побывала в воде. «Не во время ли первого кругосветного плавания россиян?» - подумал я...

Много всего повидавший на свете, не раз испытавший судьбу на дуэли и в веселых компаниях, тонкий знаток светской жизни, Федор Толстой-Американец между тем не любил гусиное перо и белый лист бумаги, не оставил после себя эпистолярного наследства, как, например, его сосед генерал и поэт Павел Александрович Катенин. Судя по письмам последнего они бывали друг у друга в гостях, находили немало тем

для разговоров (в карты Катенин с Толстым-Американцем не играл, зная его привычку передергивать при игре). Иногда вместе охотились. И, конечно же, вспоминали в Кологривской глуши великолепный Петербург, светскую жизнь, балы, блестящих дам и общих друзей...

Целый день скитался по Мантуровскому району, опоздал на автобус, идущий в Кологрив и заночевал в Белавине, у лесника Дмитрия Никитовича Смирнова, в его просторной избе с забавной русской печкой, какую могла нарисовать лишь безудержная фантазия Ефима Честнякова.

Хотя большую часть своей жизни Д.Н. Смирнов провел в лесах, все же он показался мне человеком начитанным с хорошей памятью. На столе у окна лежали стопки старых газет и журналов, и еще как мне показалась амбарная книга, - и, только присмотревшись, прочел: «В.Н. Смирнов. О земле, о жизни, обо всем другом». Под фотографией с унженским пейзажем стояло: «Омск».

Заметив мое любопытство. Дмитрий Никитович потянулся за книгой и подал мне.

- Племянник написал. Он журналист в Омской газете. А эта книга о том, как он жил здесь в детстве, о деревнях наших, о людях. Много пишет о Кологриве и зоотехникуме, в котором учился. Я частенько в нее заглядываю. Интересно. Сейчас про мельницы хочет писать. Их у нас в округе много было.

Я полистал книгу. Главки были небольшие. (Читались легко). Чтение мое прервала хозяйка, Александра Дмитриевна):

- Чай-то остынет. Пейте...

Но меня заинтересовала глава «Шаёвский ссыльный». «От родителей мы знали - пишет автор, - что в Шаёво жил богатый помещик, что здесь была первая коммуна после октября 17-го года. Возвращаясь из Белавинской начальной школы домой в Афонино, мы часто заходили на усадьбу, там была чудесная еловая аллея. Стояли дубы. Особенно привлекал нас заброшенный сад. В нем росли орехи, малина, смородина, яблоки и даже неизвестные для нас фруктовые деревья, сирень и т.д. Позднее мы узнали, что Шаёво - родовое имение Катениных...»

Пока я читал, солнце почти коснулось дальнего леса (Белавино стоит на высоком холме. После дождя не всякая машина сюда забирается по глинистой дороге). Последние розово-алые лучи осветили за окном узкий мощный мелким булыжником тракт - остаток старой дороги.

Я спросил:

- А до Шаёво отсюда далеко?

- Рядом, - ответил мне лесник. - Минут пятнадцать ходьбы! Прямо по тракту - и не сворачивая... - указал он рукой в ту сторону, куда надобно идти.

Укладывался спать с приятной мыслью побывать на следующий день возле усадьбы Катенина, «Там уже ничего не осталось. Голое поле...» - вспомнились слова лесника. Но это уже привычное для нас состояние - приходиться на пепелище, - подумал я. Ворочался всю ночь. Такого количества комаров как в Белавине я нигде, кажется, не встречал. Чуть забрезжил рассвет - я поднялся и осторожно, что бы никого не разбудить, вышел за калитку.

По низинам стелился тонкий прозрачный туман. Булыжник на дороге лоснился от росы. Деревня спала. А над дальними лесами уже проступала алая полоска зари. Идти было легко и почему-то радостно - может поэтому, что шел к поэту пушкинской поры, а все что связано с Пушкиным - все легко и радостно. Кончилась мощеная дорога (как говорил мне вечером хозяин дома, ее несколько раз собирались разобрать, а камень - увезти, да жители не разрешали) ноги мягко ступали теперь по песку и сырой траве. Скоро я едва различал плохо наезженный проселочный путь.

Я бы, наверное, прошел мимо поля, о котором говорил мне Дмитрий Никитович, но случайно мой взгляд задержался на чем-то белом среди зелени. «Памятный знак?» - подумал я и свернул к небольшой березовой аллее. И впрямь, через минуту я уже прочитал на камне: «Б. Усадьба Шаёво - родина П.А. Катенина». Я посмотрел по сторонам. Хлебное поле со всех сторон было окружено лесом. Неужели ничего не осталось от усадьбы? Даже фундамента? А там что? Небольшая зеленая проталина виднелась среди желтизны. Я направился туда. У ног звенели колосья. Из леса доносилось пение какой-то ранней птицы. Сквозь листву у оврага просматривалась Унжа. Как здесь хорошо! Место, у которого я остановился, оказалось просторным, хотя и неглубоким котлованом, заросшим травой. Присмотревшись, увидел кирпичную кладку. Фундамент усадьбы?! Я наклонился и взял в руки тяжелый

*П.А. Катенин.
Портрет неизвестного
художника XIX века.*

и прохладный красный кирпич, свидетели жизни здесь опального поэта. Из той поры тут больше уже ничего не сохранилось - еловую аллею спилили уже во время войны...

В этом доме лежали когда-то письма А. Пушкина и его только что изданный роман в стихах - «Евгений Онегин» с дарственной надписью, рукопись «Горе от ума» А. Грибоедова и его письма. (В одном из них он писал П.А. Катенину в Шаево: «... тебе обязан зрелостью, объемом и даже оригинальностью моего дарования».)

Высланный из Петербурга за скандал в театре (когда вся публика вызывала на «бис» знаменитую актрису Азаревичеву, Катенин вдруг громко начал кричать: «Не надо, не надо...»). Молодой полковник отправился в свое Шаёво. (Ему не было тогда и тридцати.)

В кологривской глуши он по-прежнему живет интересами Северной Пальмиры, много читает из вновь изданного, журит А. Пушкина за «Бахчисарайский фонтан», следит за творчеством Батюшкова и Жуковского, часто переписывается с Н. Бахтиным, обсуждая литературные дела, занимается переводами, в том числе «Ада» Данте, пишет новые произведения.

В 1824 году, совершая путешествие по российским губерниям император Александр I заглянул в Шаёво, а затем в Кологрив.

Катенин с ним не встретился. Кто-то говорит, что гордый и независимый в своих суждениях и поступках опальный поэт сам не захотел этого, кто-то полагает иначе, относя это к случайности. Но, тем не менее, через год в августе 1825 года Катенин уже снова в Петербурге. III жандармское отделение подготовило «Записку о полковнике Катенине», в которой говорилось следующее: «... он весьма изменился, сделался скромнее в речах и поступках, и как он никогда не был в душе ни якобинцем, ни атеистом, а болтал только в молодости, чтобы казаться выше других умом, то и самые зародыши сих идей исчезли в нем...»

В самом деле, когда Катенин сидел в своем Шаёво и жил в Кологриве многое изменилось на литературном Парнасе. Юноши, которых он менторским тоном наставлял как надобно писать - превзошли его в талантах, те, над кем он насмеялся становились литературными кумирами из русской публики. О поэзии, прозе и переводах Катенина, стали быстро забывать. Тяжелый и вспыльчивый характер его дал себя знать. Павел Александрович снова, теперь уже сам покидает Петербург и уезжает в Кологрив. (Дом этот на берегу Унжи сохранился). Меняется содержание его писем друзьям в столицу. «Не забудьте, милый, из Одессы привести с собой семян хороших, огородных, то есть капусты разной, тыкв и душистых трав...»

Катенин ведет теперь жизнь русского помещика, у которого 300 душ крестьян и по-прежнему, переводит древних авторов.

Здесь, в Шаёво у него была прекрасная библиотека. Тысячи томов книг! Все это исчезло в 1919 году. Легенда гласит, что ее не довезли в весеннюю распутицу до Кологрива и сгрузили где-то на полпути в нескольких деревенских домах. Потом о библиотеке и архиве Катенина позабыли, а крестьянину все равно чем свою печь разжигать - газетой, рукописью «Горе от ума» А. Грибоедова или письмами А. Пушкина...

Моя утренняя прогулка из Белавино в Шаёво приобрела неожиданную мистическую окраску (что нередко, в общем-то, бывает с людьми, интересующимися историей), когда я совершенно случайно оказался в тот день в автобусе, который вез в Кострому сотрудников историко-краеведческого музея, можно сказать они подобрали меня на дороге. Впереди сидела миловидная женщина. Она ехала и смотрела в окно. На коленях у нее лежала сабля. И вскоре я узнаю, что сабля эта (женщина назвала ее кавказской шашкой) принадлежала Павлу Катенину. Он получил ее в подарок на Кавказе, когда был комендантом Кизлярской крепости в середине 30-х годов XIX века. (Надо сказать, что П. Катенин отважно воевал и в Отечественную войну 1812 года - под Красным, Смоленском и Бородино. Закончил войну в Париже и имел немало наград).

С большим трудом мне удалось уговорить сотрудницу музея (потом мы познакомились, это была Елена Васильевна Сапрыгина, собравшая богатейший материал для книги о Павле Катенине) дать поддержать мне красавицу-саблю. Я наполовину вытащил клинок из ножен и холодноватая серая сталь загадочно и благодарно блеснула из своего далекого прошлого. Дотронувшись до лезвия (время не притупляет его) и погладив саблю, я осторожно вогнал ее в ножны, на которых был приклеен музейный ярлык: «КРМ 1373». Как попала сабля в музей из разоренной усадьбы? Биографических данных о ней совсем немного. Известно лишь, что она была приобретена художником Геннадием Александровичем Ладыженским у родственников поэта и заняла почетное место в его коллекции оружия...

Сабля да могильная плита (кроме книг, конечно) вещественно напоминают сегодня о жизни этой незаурядной личности. Впрочем, чтобы не возникли кривотолки о нем после его ухода в мир иной, он сам написал себе эпитафию на надгробие. Вот она: «Павел, сын Александров, из роду Катениных, честно отжил свой век, отслужил Отечеству верой и правдой, в Кульме бился насмерть, но судьба его пощадила. Зла не творил никому, и мене добра, чем хотелось».

Могила его находится в Чухломе.

Несколько десятилетий после революции у нас питали какую-то непонятную дикую ненависть к могилам соотечественников. Я уже писал об усадьбе Корниловых под Костромой, где из родового склепа были выброшены останки обитателей усадьбы, в том числе военных, а надгробные плиты с могил поэтессы А. Готовцевой и ее родственников были с помощью трактора вывезены на свалку.

Я видел оскверненной могилу известного кологривчанина, богослова Голубинского - и ни где-нибудь в глубинке, а в самой Костроме, на территории церкви Иоанна Богослова, близ Ипатьевского монастыря.

Так было и по всей стране.

Однажды в Меже зашел в мастерскую сельхозтехники и увидел под токарным станком черную гранитную плиту с хорошо различимой надписью «Фигнер». Надгробие известных дворян Фигнер служило теперь фундаментом для станка. А между тем имя героя Отечественной войны 1812 года партизана Александра Самойловича Фигнера стало легендой. Владея несколькими иностранными языками и имея артистическое дарование он проникал в тыл наполеоновской армии и там узнавал многие секреты противника. Под Москвой его отряд (вместе с отрядом Сославика) отбил у французов большой обоз с драгоценностями. В 1813 году он появился в Данциге под видом итальянца и подговорил часть населения выступить против французов. А в крепости Раппу сумел понравиться коменданту, вошел к нему в доверие и тот поручал ему секретнейшие документы для переправки в штаб императора Наполеона. Эти секретные документы, разумеется, попадали к русским.

А.С. Фигнер погиб двадцатилетним. Спасаясь от преследования французов, он утонул в Эльбе.

Вообще эта сторона бывшего Кологривского уезда мало изучена.

У села Поломы на берегу Унжи стояла когда-то усадьба костромского журналиста Ф.Я. Жохова. Его внук Алексей стал полярным исследователем и его именем назван остров в Ледовитом океане.

В деревне Барандвицы родился писатель И. Касаткин.

А парфеньевский угол Кологривского уезда дал России плодовитого писателя С.В. Максимова, чьи очерки читаются с интересом и по сей день, замечательного писателя, исследователя Русской Америки Сергея Маркова. Известную современную поэтессу Татьяну Иноземцеву...

Многие таланты напитала своими соками кологривская земля. Красавица Унжа дала им радостные мгновения в детстве, закалила организм. Собственно, все реки Кологривского края чисты, прохладны и красивы. Особенно живописна - река Княжая. В водах ее много хариуса и иной рыбы.

В среднем течении Княжей четыреста лет назад возникла Пустынь. В материалах Патриаршего приказа можно найти такую запись: «В Княжей Пустыни на реке Княжой церковь существует более трехсот лет и она сооружена усердием Игнатия Фомича Цизарева, который вступил в монашество и устроил при оной мужской монастырь, упраздненный в 1762 году». Две церкви тут сейчас, каменная - Успенская и деревянная без гвоздей, поставленная в 1719 году. В Княжую Пустынь можно добраться двумя путями: через лесной поселок Воймас, откуда до поселка Советского идет укатанная и прямая как стрела лесовозная дорога и через село Георгиевское или Николу-Граф.

Княжая Пустынь.

Об этих местах на кологривской земле легенды ходят - о целебных источниках, камнях и деревьях. Идти на Святую гору, в Княжую Пустынь (так деревня тут называлась), что возвышается над зеленым океаном в 20 километрах от Кологрива, надо решительно освободившись от всех

мирских и будничных дел. Иначе не дойти. Остановят ягоды под ногами, крепкие, чистые королевские грузди, за которыми приезжают аж из Москвы, или такие же крепкие, радующие глаз и приводящие в восторг белые грибы, коих за час можно набрать бельевую корзинку, и, наконец, как говорят, Святая гора может не пустить, если человек идет к ней с греховными мыслями.

Так что до Княжой Пустыни добраться вроде бы и легко и непросто в одно и то же время. Но вот мой знакомый Борис Лезнев, оператор петербургской киностудии (он снимал фильм «Выйти замуж за капитана» и другие), собрался снимать фильм по собственному сценарию, искал натуру, приближенную к месту действия его героев, жителей лесного поселка. Я рассказал ему о кологривских местах, о Пустыни - и он загорелся. Поехали втроем, в машину к нам подсел костромской искусствовед Виктор Игнатьев, живший в кологривской гостинице (он только что вернулся из Шаблова - родины Е. Честнякова) и тоже бредивший Княжой Пустыню.

В лесопункте я заглянул к бывшему леснику Александру Петровичу Баданину. Тот хоть и обедал в это время, но оставил тарелку и поднялся из-за стола. Вообще люди в этих местах необыкновенно добры и доверчивы, как малые дети, и кажется, такое понятие, как зло, испокон веку обходит окрестности Святой горы стороной. Я помню, как сей маленький мирок, заброшенный в лесные дебри, этот поселок Советский, где я познакомился с Баданиными - отцом и сыном, даже в самое голодное время конца восьмидесятых годов жил и не тужил. На триста жителей поселка было 60 коров, а уж коз никто и не считал, почти каждая семья имела кроликов, овец и поросят. Лесорубы пили молоко и сливки, ели сметану, творог и сливочное масло, которое делали сами. Мясо тоже свое. А дарами леса были забиты все кладовки в домах, все сараи. Рыба имелась соленая, вяленая и свежая - из реки Княжой. Люди здесь всегда были самодостаточны, уверены в себе, сыты и здоровы, а отсюда и доброжелательность, сердечность - как к своим, так и к приезжим.

В хорошую летнюю пору до Святой горы можно на легковой машине за несколько минут долететь. Но накануне прошли ливни, и на дороге появились настоящие озера. Оставив машину, пошли пешком. По бокам дороги стоял замшелый лес. Кричали птицы в его глубине. В одном месте чуть ли не из-под ног у нас с шумом вылетел глухарь, за ним, громко хлопая крыльями, поднялся другой.

Но самое большое впечатление производит, конечно, здешний можжевельник. Кусты его, как свечки, стоят вдоль дороги. А у самой Святой горы пяти-шестиметровые можжевельники устремились в небо словно кипарисы.

Под Костромой можжевельник теперь редко встретишь. Он уходит от техногенной цивилизации и встречается лишь там, где здоровая природа и

чистый воздух. Говорят, вокруг куста можжевельника в радиусе 30 метров стерильный воздух, убивающий все болезнетворные микробы, все вирусы. Ну а поскольку тут, у Святой горы, можжевельник на каждом шагу, то, надо думать, какой воздух вокруг, и не на десятки метров, а на километры.

Это ощущаешь особенно тогда, когда песчаная проселочная дорога круто пошла вверх. А мы, чтобы сократить путь, пошли по еще более крутой тропе - и ни усталости, ни одышки, ни сердцебиения не ощущаешь. Удивительно! В Костроме бы не раз остановился и отдохнул.

Справа услышал журчание ручья. Из-под замшелого валуна бил родничок.

- У нас здесь под горой четыре ключа бьют, - сказал лесник. - И везде лечебная вода. В одном месте водичка благоприятно сказывается на желудочно-кишечном тракте. В другом - на почках. Эта вот, говорят, омолаживает человека. Женщины у нас ходят сюда по грибы и ягоды - обязательно умываются. Это у них заведено, как ритуал. Ну а самый известный - Святой поток - на другой стороне и повыше. Об этом потоке легенды ходят...

Я поднимался в гору. Вокруг стояли вековые сосны и ели. Тут и там попадались валуны, непонятно какими силами заброшенные на склон горы.

Я вспомнил две акварели художника Г. Ладыженского, которые видел в запасниках Кологривского краеведческого музея. Эти акварели были сделаны здесь, на Святой горе, в начале нашего века. На одной я увидел деревянную часовенку возле Святого потока, а на другой - белокаменную церковь за оградой и рядом - деревянный храм.

- В старину-то здесь монастырь был, - продолжил свой рассказ лесник. - Я еще в детстве застал последнюю монашку. Пашечкой звали. Маленькая, хрупкая была. Но до последних дней своих работала на огорожке возле

Руины старого храма.

кельи, хворост в гору носила. Старая была, а глаза светлые и чистые. Убили ее. Не из-за икон, как нынче бывает, а просто так, из озорства. Но это давно было. А вообще-то на Святую гору приходили паломники из Вологды, из Вятки, из других мест, за сотни километров. Да еще вот не так давно копал я картошку возле своего дома - у меня еще здесь есть дом, в Пустыни, - гляжу, женщина идет. «Откуда», - спрашиваю. «Из Нижнего Новгорода», - отвечает. Оказывается, лежала в больнице, ноги отнялись, и дала себе слово, если вылечится, то пешком пойдет сюда, на Святую гору, к Святому потоку. И вот пришла. У русского человека с этим делом строго. Дал слово Богу, Святому месту - изволь выполнить. Прежде человек мог жить в монастыре хоть месяц, хоть год - гостиница была для этих целей.

За разговорами не заметили, как оказались на вершине Святой горы.

- Красота-то какая! - не удержался от восторга Виктор Игнатъев. - Бог ты мой...

Я увидел за разрушенными деревянными постройками каменную церковь без крыши, с темными провалами окон. Голубое небо над головой казалось синее и чище, чем в поселке. Далеко внизу сизыми гривами уходили к горизонту леса. Над ними плыли кучевые облака. Сверкало солнце.

Дышалось легко. Лесник продолжал свой рассказ о деревне Пустынь, которой уже и на карте Костромской области нет.

- Раньше у нас двести дворов было. Вот в этой каменной церкви сперва столовая была. Потом пекарня. А потом в общежитие переделали. Высланные из Крыма татары тут жили. Помню, Абдулла такой был. Пекарь. Ох, силищу имел! Мешок с мукой в сто килограммов как пушинку в гору вносил. А в деревянной церкви клуб был. Наша самодеятельность гремела на весь район.

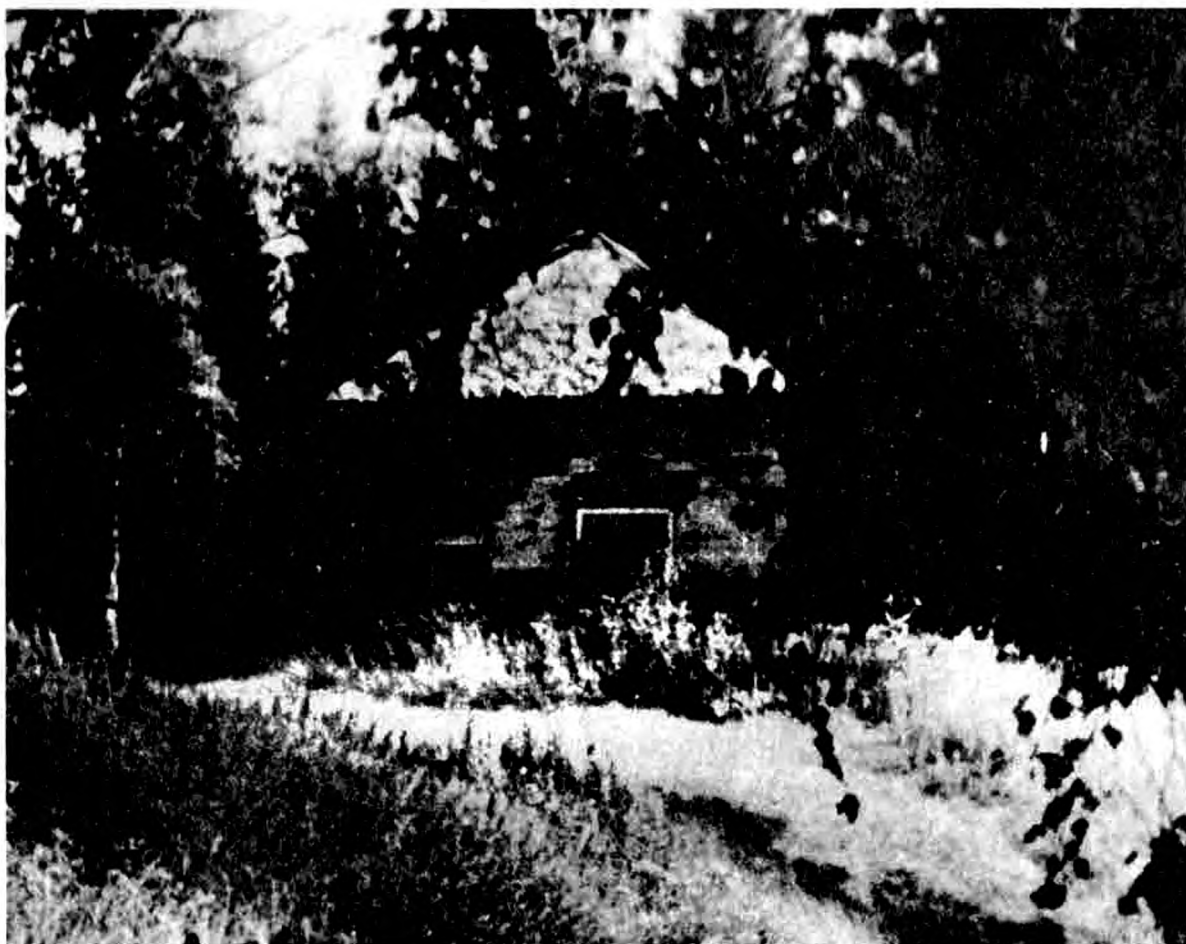
Мы остановились у деревянной церкви. Сложена она была без гвоздей и потому еще довольно крепка, несмотря на все перипетии. Рядом, под мощными еловыми лапами, небольшой погост. На могилах и на старых деревянных оградах - зеленый мох. К стене храма прислонены две чугунные плиты в человеческий рост. На одной читаю, что крестьянин Лука Васильев принес с Афона в Княжью Пустынь распятие животворящего креста

- А где этот Афон? - спросил лесник.

- В Греции.

- О! Раньше тут было три плиты. Третью увезли в поселок. В столовой она сейчас, на кухне. Сразу за погостом начинается крутой склон. В одном месте сквозь столбы неохватных деревьев и зеленого хаоса кустарников блеснула речка Княжая. Но это далеко внизу. Камень бросишь - будет минуту падать. Кругом мох, лишайник, паутина. Сумрачно под сводами исполинских елей и берез.

Спустился немного вниз. Держась за кусты, сделал несколько шагов в сторону - и передо мной вырос замшелый монолит, правильной

Деревянная часовня.

четыреугольной формы, высотой метров в шесть. Впечатление такое, что этот монолит закрывал вход в таинственные пустоты горы. В самом деле, не скрыта ли за этой каменной дверью какая-то тайна, уходящая в далекое прошлое человечества? Откуда он здесь? Кругом там и сям, в траве и под прелыми листьями лежат камни разной величины. Говорят, что эти камни когда-то носили снизу. И чем труднее давался подъем, тем больше грехов отпускалось тебе.

Поднял один камень. Кто его нес? Когда? Сто или двести лет назад? Снял ли он грехи с человека? Не знаю. У каждого человека своя душа, которая ведает, когда время разбрасывать камни, а когда их собирать.

А лесник уж зовет нас к себе. Подошли. - Видите липу? Лечебная. Погрызешь ее - зубная боль проходит...

Я вспомнил небольшой чурбан, стоящий под лестницей в кологривском краеведческом музее. Он был когда-то отпилен от подобной же липы и отсюда же, со Святой горы, увезен в Кологрив. Милая молодая смотрительница музея сказала мне, что пробовала грызть это дерево во время зубной боли - не помогло. Но ведь в том-то и суть, что помогает живая

клетка, наполненная солнечной энергией и соками земли. По-видимому, у этих чудо-лип существует какая-то связь с подземными ключами, которые сами по себе благотворно действуют на все живое, в том числе на человека.

А ведь известно, что колодцев на Святой горе никогда не было. Их даже не рыли, потому что жители Пустыни исстари знали, что воды в горе нет, что она сложена из миллиардов камней самой разной величины и формы. Какие силы и в какую эпоху насыпали эту огромную гору? Зачем? С какой целью? Тут множество загадок. Кстати, уже в наше время, лет двадцать назад, буровики сделали на горе с десяток скважин - искали воду и не нашли. А жители всегда носили ее снизу, с речки (эту воду можно пить) или с родников.

Мы спустились по узкой тропке вниз. Углубились в чащу. А вот и Святой поток. В этом месте в овражке сливаются три родника. Изредка луч солнца высвечивает мокрые разноцветные камни. Мелкий песок под зеркалом воды вдруг начинает беспокойно шевелиться и подниматься вверх тонкими фонтанчиками. Вверху на камушках стоят иконки.

Именно к этому источнику приходили паломники из разных губерний старой России. Пили целебную воду, умывались, уносили с собой. Вода эта лечит, как рассказывают местные жители, от многих болезней - и не только тела, но и души. Тогдашний глава администрации Кологривского района Павел Николаевич Кудельников, помню, рассказал мне, как повез сюда своего брата, у которого было заболевание на лице, и никакие лекарства не помогали, а тут умылся, и через несколько дней все прошло.

И еще одно здешнее чудо - некоторые камни у Святого потока имеют целебные качества - приложишь к голове - уйдет боль. Это уж совсем странно, но местные жители это знают.

В последний раз осматриваем окрестности с орлиной высоты. То и дело щелкает фотоаппарат Бориса Лезнева. Будет ли он снимать здесь свой фильм - не знаю. Но, думаю, когда-нибудь и кто-нибудь об этой Святой горе и ее обители напишет книгу или снимет кино.

Как-то я поделился своими впечатлениями с костромским историком Константином Воротным, много пишущим о древней Руси. Его мысли, как всегда, были оригинальны, любопытны. И я представляю их вниманию читателя. Вот версия К. Воротного:

«Занявшись изучением долетописной истории Руси и русского народа, вдруг с удивлением обнаружил, что имени Кологрив не одна тысяча лет. И оно имеет сакральное, священное значение. Именно так - Кологрива - звали коня одного из самых могущественных славянских богов Велеса, создателя и разрушителя вселенной, хранителя времени, вершителя судеб людских.

О древности имени говорит фонема «коло», ключевая в этом слове. Коло - основное понятие в славянском мировоззрении, оно означает время. И не

В кологривских лесах.

просто время, а ось времени, которая его держит и вокруг которой оно вращается. Неслучайно в те далекие времена Полярная звезда, одиноко, вечно и неподвижно стоящая на ночном небе, называлась у славян «Кол». Коло - это есть колесо времени: у славян - «Коло Велеса», у русов-ариев - «Коло Сварога». Медленно крутится этот коловорот, отмеряет жизнь всего сущего. Скачет конь Кологрива, а из-под копыт его летят секунды и часы, годы и столетия.

Тысячи лет назад на том месте, где впоследствии был поставлен город, носящий имя священного коня (именами богов города называть никто не имел права), находилось ведическое святилище бога Велеса, и первоначально Кологривом назывался холм, где горел вечно Велесов огонь. К этому месту совершали паломничество древние славяне, шли сюда со всего края на поклон грозному богу во время великих ведических празднеств. Это был священный холм священного времени, отсюда и название - КОЛОГРИВА (коло - время, грива - холм, гора).

Связь между названием холма (а потом и города) и Полярной звездой — Колом - несомненна. Ибо именно Полярная звезда считалась в те времена центром мироздания, а не Солнце; она была священной звездой для славян, олицетворявших ее с легендарной горой Меру, с которой и началось все

сущее на земле.

Видимо, здесь, на холмах Кологривы, возносили славяне хвалу Колу - Полярной звезде - и богу Велесу, создавшему этот мир.

Неподалеку от Кологрива есть Святая гора, которая такое название получила еще до прихода сюда христианства, из-под земли здесь били (и до сих пор бьют!) семь священных источников-родников - живая вода русских народных сказок, которая и на самом деле была лечебной.

По глухим сведениям, где-то в кологривских холмах издавна существовали пещеры, подземные ходы, куда уходили последователи ведической веры от преследования христиан и государственной власти. И не только тысячу лет назад, но и много позже, во времена Раскола середины XVII в., при Петре I и других Романовых.

Известно, что еще в двадцатые годы XX века в кологривских лесах жили загадочные старцы, с которыми сумел встретиться знаменитый А.В. Барченко, всю жизнь искавший легендарную Гиперборею и тайные знания. Спасали эти жрецы не себя, а древнейшие знания, которые тысячи лет передавались из поколения в поколение, записывались на деревянных досках и бересте. Не хранятся ли бесценные «деревянные книги» и до сей поры в каком-нибудь из кологривских холмов-святилищ?

Вспомним также, что Кологрив стоит на отрогах Северных увалов - легендарных Рипейских (Гиперборейских) гор не только древних русов и славян, но вообще всех индоевропейских народов. Именно здесь, на территории современных Вологодской, Костромской и Ярославской областей, и находилась легендарная страна наших предков - Беловодье. Более того, около года назад из уст одного высокопоставленного чиновника Министерства образования прозвучала фраза, что «территория современных Ярославской и Костромской областей является родиной всех индоевропейских племен и народов», которые постепенно разошлись отсюда по всей Евразии.

Кологрив был одним из святилищ Беловодья. Лишь многие века спустя географическое положение этой страны переместилось на юг, в Тибет и Индию. Но перед этим была еще одна остановка - Аркаим, родина легендарного Заратустры. Однако Аркаим - это название горы, неподалеку от которой стоял город. Настоящее название его - Коло-град, «город священного времени», сакральная столица древних русов на Южном Урале.

Но это было уже потом. Первыми же хранителями священного коло русов были жрецы Кологрива, религиозного центра наших предков.

Археологических изысканий здесь никогда не проводилось, а ведь под этими холмами могут быть скрыты сенсационные материальные свидетельства существования развитой цивилизации, вплоть до

У Святого потока.

развалин огромного, для тех времен, города, первого «Аркаима» - Коло-града. Уже само наличие в этих местах священных источников-родников и пещер, о которых свидетельствуют легенды, очень напоминает описание Шамбалы-Беловодья в «Житии инокa Сергия», ходившего на рубеже X-XI вв. в Индию и Тибет, где он провел почти пятьдесят лет...

Для наших предков кологривская земля была священна, как, впрочем, и земля всего Костромского края. И жили на ней не какие-то мифические меря, а реальные русы и славяне, которые и дали наименования нашим рекам, озерам, холмам. Большая часть этих топонимов в финно-угорских языках «не имеет никакого знаменования».

Что и говорить, версия довольно привлекательная и если кто-то из молодых умов возьмется ее разрешить, то, возможно, последуют и какие-то находки на Святой горе, да и в самом Кологриве.

Недавно (спустя пятнадцать лет) побывал в Княжей Пустыни.

Встретил здесь отдыхающих. Некоторые приехали на машинах.

- Вы откуда?

- Из Москвы.

- Из Петербурга.

Жители поселка Советский, которые тоже пришли сюда в этот выходной день (их дети приехали на мотоциклах), сказали мне, что на Святую гору приходят монахи, приезжают из-за границы, идут паломники из других областей.

Я прошел по знакомой тропе к Святому потоку. Спустился по деревянной лестнице вниз и не узнал диковатого в прошлом места: на пригорке стояла открытая часовенка с иконами, рядом - большой деревянный крест. Кристально чистая вода теперь бежала по желобкам. Уставший путник мог теперь и посидеть на удобных скамьях.

Взял с собой святой воды. Поднялся наверх. Какая-то тучка, переваливая через гору, окропила ее дождем. Воздух сразу стал необыкновенно чистым и свежим. Залоснились на солнце гигантские можжевельники, напоминающие кипарисы в Крыму. Да, все здесь создано для того, чтобы радовались глаза и душа.

Все, кто когда-нибудь побывал на Святой горе, до конца дней своих не забудут ее. А я в часы душевного смятения, тоски и недовольства жизнью частенько в мыслях обращаюсь к этому уединенному мирку, теша себя надеждой когда-нибудь снова побывать здесь, увидеть дали, серебро лишайников на деревьях и зеленые шапки мха на старых пнях, услышать журчание Святого потока в камнях и, может быть, уже понести в гору свой камень...

Содержание

По дороге в Кологрив 3

Кологрив и его окрестности 28

В.А. ШПАНЧЕНКО

Путешествие в Кологрив.

Компьютерная верстка и набор:
И.Ю. Бартнев.

© Администрация Кологривского района
Костромской области. 2003 г.

© В.А. Шпанченко. 2003 г.

Отпечатано в ФГУИПП «Кострома»

Тираж 1000 экз.

Зак. № 2653 .

Снова в родном краю.

Об авторе.

Журналист, писатель В. Шпанченко родился в 38-ом году. Воспитывался в Кологривском детском доме. В юности сменил много профессий. В 1968 году стал корреспондентом Костромской районной газеты «Волжская Новь», потом работал в областной газете «Северная правда» и на областном радио.

Ему не раз присуждали областные журналистские премии. А в 1989 году стал Лауреатом всесоюзной премии Союза журналистов. Он автор повестей «Сборный на Печору», «Тайна старых писем», киномомана «Заложники», книги очерков и исторических миниатюр «Русская Атлантида».

В.А. Шпанченко — член Союза писателей России.